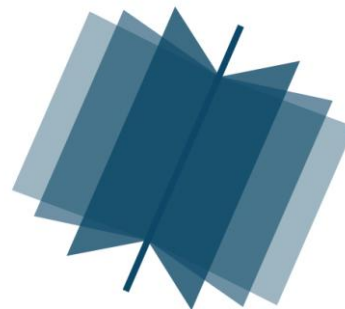

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№5 (47) 2016
Часть 2
Май**

Подписано в печать 20.05.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26133
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам L заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии СС поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. нау, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ, ИЛИ ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННОЙ ПОЭТИКИ.....	6
THE GRAMMAR OF ENGLISH COMPARING TO THE GRAMMAR OF RUSSIAN AS A FOREIGN: DIFFERENCES AND COMMON CHARACTERISTICS FOR PERCEIVED UNDERSTANDING OF ASPECT OF AN ACTION'S FUNCTIONING	9
ОБРАЗ МОРЯ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОЭЗИИ АДЫГСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	11
К ПРОБЛЕМЕ АРХАИЧНОЙ СЛАВЯНСКОЙ ГИДРОНИМИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	13
PRAGMATIC ASPECT OF IMAGINARY SITUATION IN COMMUNICATIVE INTERACTION.....	15
VIRTUAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN LINGUISTIC AND TOPOLOGICAL ASPECT	17
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРАГМАТИКА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ	19
СИНОНИМИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	22
ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ДРАМАТУРГИИ МУСТАЯ КАРИМА	24
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	26
ЭКСФОРМАЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	28
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА: ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	30
СИМВОЛИКА ОБРАЗА МОГИЛЫ В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА.....	33
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМНОГО СОСТАВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	36
COMMUNICATION STRATEGIES OF THE TYUMEN REGION SPACE.....	39
ПОЭТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВСТАВНОЙ НОВЕЛЛЫ АНГЛИЙСКОГО ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА	42
ВВОДНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	44
О СПЕЦИФИКЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ	46
THE AMERICAN DREAM REFLECTIONS IN MODERNISM AND POSTMODERNISM.....	48
ОБ ОДНОМ ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	50
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ	53
СИСТЕМА ОБРАЗОВ КНИГИ «ЭТА ЗЕМЛЯ» К.Л. МХЦЕ.....	55
ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ К.Л. МХЦЕ	59
ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЕТА В ФОРМАЛЬНОМ РЕГИСТРЕ ОБЩЕНИЯ	62
МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ	64
АКМЕИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СБОРНИКЕ Н. ОЦУПА «В ДЫМУ»: ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ С Н. ГУМИЛЕВЫМ	66
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ФОРМА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	69
ИГРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦОВОК ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ	71
О СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ	74
ПОВТОРЯЕМОСТЬ – ОСНОВА КОМПОЗИЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ЗАГОВОРНОГО ЖАНРА	77

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	81
ЧЕЛОВЕК КАК ПРОБЛЕМА В ФИЛОСОФИИ	83
АРХЕТИПЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ	86

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В XXI ВЕКЕ.....	89
МАРКЕРЫ «НОВОЙ ЭТНИЧНОСТИ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	92

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

МЕТАСТРУКТУРНЫЕ ПАТТЕРНЫ ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ, ЗЕРКАЛЬНОЙ СИММЕТРИИ И ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА.....	94
КЛАССИФИКАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА	97
ФЕНОМЕН СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РАСКОЛА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	100
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИНЕРГИЯ ПРАЗДНИЧНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА	102
ПРИРОДНЫЕ КОРНИ ДИЗАЙНА	105
О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА.....	109

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

ОСНОВЫ ЛАНДШАФТНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ РЕКРЕАЦИОННЫХ ЗОН ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ.....	112
ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	114
АРХИТЕКТУРНЫЕ МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА УРБАНИЗИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ.....	120
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ.....	125
РЕЗЕРВИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИНЖЕНЕРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ С ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	127

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.243

Антипова М.Н.

Соискатель степени кандидата филологических наук, специальность 10.01.01., частный репетитор по русскому языку и литературе «Ваш репетитор», «Профи.ру»

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ, ИЛИ ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННОЙ ПОЭТИКИ**Аннотация**

В статье рассмотрены основные особенности нравственной поэтики в творчестве М.А. Булгакова. Существующие ранее исследования позволяют утверждать, что М.А.Булгаков является нравственным абсолютистом, поэтому нами выявлены основные приемы создания модели нравственного в творчестве писателя. Проведенное исследование с этих позиций воссоздало главный образ творчества писателя в единстве изображения ситуации «созидание-разрушение». Данный образ помогает осознать основную концепцию творчества писателя: личность предопределяет событие и наоборот событие определяет личность с необратимостью последствий. Вследствие чего творчество писателя приобретает характер предупреждения о необходимости нравственного выбора в любых обстоятельствах.

Ключевые слова: нравственная поэтика, приемы, модель нравственного, образы нравственной поэтики, ценность.

Antipova M. N.

Applicant degree of candidate of philological sciences, specialty 10.01.01., tutor of Russian language and literature "Your tutor", "Profi.ru"

FOR PEACE ON EARTH, OR THEORY OF MORAL POETICS**Abstract**

The article describes the main features of the moral poetics in the works of MA Bulgakov. Pre-existing studies suggest that M.A.Bulgakov is a moral absolutist, therefore, we identified the basic techniques of creating a model of morality in the writer. The research from these positions recreated the main image of the writer in the unity of the situation picture "creation-destruction." This image helps to understand the basic concept of the writer: a person determines the event and conversely event defines a person with irreversible consequences. The result is that the writer's work acquires the character of warning about the necessity of moral choice in all circumstances.

Keywords: moral poetics, techniques, moral model, moral images poetics, value.

Главную идею нравственной поэтики высказал А.С. Пушкин: «Гений и злодейство – вещи несовместные» в маленькой трагедии «Моцарт и Сальери». Поэтому истинное творчество всегда направлено на добро и созидание. Почему же иногда зло становится центром пристального изучения автором в литературном произведении, как это мы видим в творчестве М.А. Булгакова? Автор, очевидно, не стремится к назиданию. Скорее – это предупреждение. О чем? На этот вопрос отвечает наше исследование.

Анализ художественного произведения позволяет ненавязчиво сформировать умение предотвращать нежелательные ситуации, которые подробно описывает автор, анализируя исторические события. Актуальным в этом смысле стало направление нравственной поэтики в эстетике художественного произведения: «Искусство безошибочно указывает на безнравственное и нравственное в человеке. ...уникальная способность искусства – безошибочно формировать нравственную интуицию». [4].

Современное состояние нравственного сознания находится «в нравственной дезориентации человека». [11]. Следовательно, становится актуальным поиск нравственного ориентира. Самым удобным способом для этого является изучение искусства, которое призвано восстановить нравственный ориентир. Не случайно именно произведения М.А. Булгакова, которого можно назвать нравственным абсолютистом [12], берутся за основу в сфере современной драмы. Провокационная сатира в творчестве М.А. Булгакова позволяет влиять на выравнивание нравственных ориентиров [11].

По мнению М.М. Бахтина: «нравственный поступок на своих вершинах осуществляет ценность, которую можно только свершить, но нельзя выразить и познать в адекватном понятии». [7]. Тем не менее нами делается попытка проникнуть в суть поступка вместе с персонажами, и мы описываем это. Эллендеа Проффер отмечает единство времени и нравственности у Булгакова. [12]. Мы занимаем ту же позицию: нравственность – *вневременная* ценность. Для нас нравственность – система вечных ценностей: непричинение вреда кому-либо. Анализ взглядов Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, выраженных в публицистических и художественных произведениях, а также идей А. Виттман, А. Королёва, Г. Кочеткова, Лакшина, К.Литвиненко [11], отраженных в научных работах и статьях, подтвердил, что вера в Бога или безверие не показатель истинной нравственности. М. Горький говорит об истинности и этичности прекрасного только потому, что оно прекрасно. [9]. О. Уайльд утверждает, что художник не моралист. [13].

Новизна данного исследования в том, что применение эстетико-феноменологического метода впервые осуществлено на творчестве Михаила Булгакова, позволившее открыть новые закономерности создания и развития образа в творчестве писателя, воссоздать модель нравственного. Этот закон автор художественного произведения также воссоздает с помощью главного литературоведческого средства – языка художественного образа. На наш взгляд, главной функцией этики (нравственности) в искусстве является *стремление к универсальности, вневременности ценностей, непреднамеренно скрытых автором в художественном произведении*. [10].

Исследование творчества М.А. Булгакова себя оправдало, так как найдена **проблема «личность-событие»** – особая модель произведений писателя, раскрывающая или формирующая понятие «нравственной поэтики» в творчестве М.А. Булгакова. В понятие «личность-событие» включено изображение единства *эмоционального состояния (человека, персонажа) через описание портрета, жеста, интонации, речи, внешности, поступка и ситуации, события, обстоятельств и иных явлений* в художественном произведении. Понятие «личность-событие»

проявляет себя в многообразии вариаций, углубляя и раскрывая художественный образ нравственного, присущий творчеству писателя: единство созидательного («я создал») и разрушительного («я убил»). М.А. Булгаков приводит нас к пониманию, что следствием решения этой проблемы является развитие персонажей. Основная мысль в изображении этой проблемы – предупреждение людей о возможных последствиях в предполагаемой ситуации. Так формируется нравственное понимание у читателя и стимулирование у него стремления к мирному решению разных ситуаций путем *созидания* состояний, ситуаций, обстоятельств, неизбежно ведущих к миру или к его созиданию.

Это начинание может быть реализовано разными путями: интеллигентные люди способны этически быть выше обстоятельств и *создавать* новые события (Голубков, Серафима, Иешуа), оказывая влияние с помощью слова и дела на людей, имеющих необходимые полномочия (Хлудов, Пилат). С другой стороны создание новых обстоятельств является прерогативой думающих и имеющих власть людей, поэтому в творчестве писателя такие персонажи реализуют глубинные нравственные принципы, но трагическим способом, испытав, обратный созиданию, процесс разрушения.

Таким образом, во-первых, изображение автором своих героев и ситуаций, во-вторых, читательский анализ, приводят к выводам: человек должен стремиться быть выше обстоятельств и может поставить себе цель – добиться мирного решения любых конфликтов, чтобы в реальности избежать всех обстоятельств и событий, которые художник воссоздает. Ценностью обнаружения этой проблемы в процессе анализа художественного произведения становится формирование внутреннего опыта у читателя и исследователя. На страницах нашей работы мы вместе с автором художественного произведения воссоздаем модель нравственной поэтики.

Трудность исследования «нравственного» в назидательности, которая имеется в самом понятии «нравственность» и которой настоящая литература лишена, или глубоко скрыта, как коллективное бессознательное. Ведь главной особенностью литературного произведения является *ненавязчивое* формирование общекультурных ценностей через существование в искусстве конкретных архетипов. Существование созидательных и разрушительных идей, событий в литературном тексте позволяет определить истинную ценность созидания и выбирать такой подход к жизни, который принимает здоровое общество, и позволяет человеку развиваться. Одобряются те, кто выбирает путь созидания, и сама жизнь показывает истинную ценность созидательных поступков.

Нравственная поэтика обнаруживается в литературном архетипе [1], присущем творчеству именно М.А. Булгакова, открытого им, воплощается в единстве архетипической ситуации [8,14] «отец-сын»: созидание-разрушение (Яшвин, Хлудов-Голубков-Серафима, Пилат-Иешуа, мастер-Бездомный) [6]. Трагизм, раскрывающийся в образе автора во всем творчестве писателя, преодолевается: из разрушающей реальности через творчество и сотворчество создание прекрасной и созидющей художественной реальности.

Основываясь на феноменологической этике Э. Гуссерля, мы вслед за Антипьевым Н.П., обосновавшим эстетико-феноменологический метод анализа художественного произведения, [5] рассматриваем произведение во взаимосвязи ценностей и чувства. Многогранность понятия нравственности в художественном произведении позволяет ей становиться художественным образом: чувства Мастера и Маргариты ценностны, так как обретают спасительную функцию для жизни мастера – высшее проявление любви.

Предметом нравственной поэтики является *выявленная вневременная ценность* в структуре художественного произведения.

Понятие **нравственная поэтика** выводится нами из изучения творчества М.А. Булгакова как *особая структура произведения, строящаяся с помощью специальных приемов, раскрывающих прекрасное и ценностное (нравственное) в литературном образе*. Поэтому в нравственной поэтике произведения конкретного писателя выявляется или воссоздается *модель нравственного в художественном образе*. В образе скрывается еще одно единство, помимо вариативности и противоречивости (Н.П. Антипьев), *единство прекрасного и ценностного* (М. Горький [9]), а также *единство созидания и разрушения*, выявленное нами в ходе исследования творчества М.А. Булгакова.

Проблема «личность-событие (создал / разрушил)» проходит через все творчество писателя. Автор изображает событие «я убил» - чтобы не убивали. Автор изображает ситуацию «я создал» - чтобы жить, творить... играть на рояле вечером при свечах.

Вариация ситуации «личность-событие» из произведения в произведение структурно представлена сочетанием компонентов: описание места и времени события, обстоятельств, портретов сталкивающихся персонажей в ситуации «спонтанный поступок», описание жертвы. Например, в рассказе о докторе Яшвине писатель рисует подробные портреты главных персонажей: доктора, полковника, женщины. Писатель объективен: он описывает людей, а не врагов, в конкретных непростых обстоятельствах

В романе «Мастер и Маргарита» сравнение хронотопа завязки и финала произведения говорящее: закат, ночь и полнолуние. На закате происходят события. В ночь они завершаются. А утро дает спокойствие и надежду на новый день. Автор, несмотря на свою очевидную бескомпромиссность все же дарует нам, читателям, эту призрачную надежду, все-таки завершая мыслью о невозможности исправления содеянного.

Такое изображение концептуально для всего творчества М.А. Булгакова. Идеей предупреждения проникнуты произведения писателя: не убивайте, это всегда наказуемо, не трусьте, последствия всегда мучительны, умеете поражать свои пороки, когда появятся предупреждения, так как эти пороки будут неминуемо наказаны, творите, так как это и есть жизнь и любовь.

Приёмы нравственной поэтики в творчестве писателя М.А. Булгакова – это способы художественного изображения, влияющие на читательское восприятие, создающие образ, скрывающий ценностное / нравственное, раскрываемые в ходе анализа. Это приемы *противопоставления*, сопоставления *места, времени действия*, изображение предвестников предстоящего главного, кульминационного события в произведении и воссоздание неоднозначного события для выражения созидющего начала, требующего выбора, поступка, действия. Наличие

предвестников главного события, само событие и его результат в целом воссоздают *модель* нравственного в поэтике произведения для автора и читателя.

Выявление этих приемов позволяет осознать образный смысл произведения, в котором ценностное выражено эстетически, так как вызывает читательское переживание, через поиск скрытого писателем смысла и понимание выбора истинного созидającego и сохраняющего начала.

Первоначально наш однобокий взгляд на творчество писателя с позиции ситуации «я убил» придавал неточную и болезненную ауру всему творчеству писателя, что в корне не соответствует его общекультурной значимости. Ситуация «я создал» выражает позитивный образный смысл произведений М.А. Булгакова.

Теоретическая значимость исследования обозначилась в ходе исследования: сформулировано понятие нравственной поэтики М.А. Булгакова, воссоздана универсальная модель нравственного в его творчестве: «созидание / разрушение / созидание», помогающая раскрывать, выявлять образный смысл любого художественного произведения.

В настоящей статье обозначается общая проблема, свойственная русской литературе, выявленная в произведениях М.А. Булгакова и названная «личность-событие – единство созидания и разрушения ради искоренения разрушения». Нюансы изображения этой проблемы обнаруживаются на примерах некоторых произведений русской литературы. Такая настойчивость писателей (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, С.Есенин, Ю. Слезкин, В. Шукшин, Веничка Ерофеев, В. Пелевин, Андрей Дмитриев) свидетельствует об актуальности и вневременности названной проблемы.

Литература

1. Антипов, Н. П. Созвучие (Синхроничность, архетип, эстетический диалог) //Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее (Иркутск, 23-24 мая 2006 г.) [Текст]: материалы международной научно-практической конференции.- Иркутск: Иркутск: ИГЛУ, 2006. – с.5-17;
2. Антипов, Н.П. Полифонизм художественной личности: слово и образ, архетип и целостность. [Текст] / Н.П. Антипов // Личность и модусы ее реализации в языке (коллективная монография) / под ред. С.А. Хахаловой. - Иркутск, 2008. – С. 108-157.
3. Антипов, Н.П. Эстетика и поэтика предпереводческого анализа. [Текст]: / Н.А. Антипов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – № 4. – 2008. – С. 5-17.
4. Антипов, Н.П. Нравственная поэтика, или Литературоведение. [Текст] / Н.П. Антипов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – № 2 (6). – 2009. – С. 6-15.
5. Антипов, Н.П. Художественная коммуникация: иносказание [Текст] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – № 1 (17). – 2012. – С. 119-128.
6. Антипова, М. Н. Как простить себя, или нравственная поэтика в творчестве М. А. Булгакова (на материале рассказов 20-х годов, драмы «Бег») / М.Н. Антипова [Текст] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета.- № 4 (25). - 2013. – С.178-184.
7. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. [Текст] / М. Бахтин. - М., «Худож. лит.», 1975. – С. 16.
8. Большакова, А.Ю. Архетип в теоретической мысли XX века. [Текст] / Большакова А.Ю.// Теоретико-литературные итоги XX века. - М., 2003. – Т. 2.- С. 314.
9. Горький, М. О Франсе [Электронный ресурс] / М. Горький //http://maximgorkiy.narod.ru/about_france.htm.
10. Гусейнов, А.А. Этика: учебник для бакалавров [Текст] / А.А. Гусейнов, А.Г. Гаджикурбан . М.: Издательство Юрайт, 2013. – 569 с.
11. Литвиненко, К.Л. Откуда возникают внутренние проблемы и как их преодолеть Взгляд православного психолога [Текст] / К.Л. Литвиненко, С.В. Литвиненко. – Иваново, 2006. – С.305.
12. Проффер, Э. Художник и власть. По страницам романа «Мастер и Маргарита» [Текст] / Э. Проффер/ перевод с англ.Б.Кинжеева // Иностранная литература. - 1991. - № 5. – С. 212-221.
13. Уайльд, О. Избранное [Текст] / О. Уайльд. - СПб.«Кристалл», 1999. – с. 5-6.
14. Юнг, К. Психология и литература // К. Г. Юнг Психоанализ и искусство [Текст] / К.Юнг, Э. Нойманн. [перев. с англ.] . – MREFL-book.: ВАКЛЕР, 1996. - 304 с. - Серия «Актуальная психология». - С. 52.

References

1. Antipov NP Consonance (Synchronicity, the archetype, the aesthetic dialogue) // Slavic Languages and Cultures: Past, Present and Future (Irkutsk, 23-24 May 2006) [Text]: proceedings of the international scientific-practical conference .- Irkutsk: Irkutsk iGLOO 2006 - s.5-17;
2. Antipov NP artistic personality polyphony: the word and the image, the archetype and integrity. [Text] / NP Antipov // Personality and modes of its implementation in the language (collective monograph) / ed. SA Nahalovoy. - Irkutsk, 2008. - P. 108-157.
3. Antipov NP Aesthetics and Poetics predperevodcheskogo analysis. [Text] / NA Antipov // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. - № 4. - 2008. - S. 5-17.
4. Antipov NP Moral poetics, or LiteraturovIdenie. [Text] / NP Antipov // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. - № 2 (6). - 2009. - P. 6-15.
5. Antipov, NP Narrative communication: allegory // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. - № 1 (17). - 2012. - P. 119-128.
6. Antipova MN How to forgive yourself or moral poetics in the works of Mikhail Bulgakov (based on the 20-ies of the stories, the drama "Running") // Bulletin of Irkutsk State Linguistic university.- number 4 (25) .- 2013. - S.178-184.
7. . Bakhtin, M. problems of literature and aesthetics. Studies in different years. [Text] / M. Bakhtin. - Moscow, "Art. lit"., 1975. – S. 16.
8. Bolshakova, AY Archetype in the theoretical thought of the twentieth century. [Text] / Bolshakova AY // Theoretical literature results of the twentieth veka.- М., 2003. - Т. 2.- S. 314.

9. Gorky, M. About Frances [electronic resource] / M. Gorky // http://maximgorkiy.narod.ru/about_france.htm
10. Huseynov, AA Ethics: a textbook for undergraduate / AA Huseynov, AG Gadzhikurban. M.: Yurayt Publishing, 2013. - 569 p
11. Litvinenko, KL Where there are internal problems and how to overcome them look orthodox psychologist. [Text] / KL Litvinenko, S. Litvinenko-Edition Light of Orthodoxy publishing license ID number 01986 from 08.06.2000, the - 2006. Recommended for publication by the Academic Council of the Center of the Russian Academy of Experimental Psihodidaktiki obrazovaniya.- Ivanovo region, Kineshma District,.. Reshma. city of Ivanovo. - S.305.
12. Proffer, Ellendea artist and power. Through the pages of the novel "The Master and Margarita" [Text] / E. Proffer / translation angl.B.Kinzheeva // Foreign Literature. - 1991. - № 5. - С. 212-221.
13. Wilde, O. Favorites [text], WLL, St. Petersburg "Kristall", 1999. - p. 5-6.
- 14Jung, K. // Psychology and Literature Jung, K. Psychoanalysis and Art [Text] / Carl Jung, E. Neumann. [Trans. from English.]. - MREFL-book.: VAKLER, 1996. - 304 p. - "Current psychology" series. - S. 52.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.271

Асонова Г.А.

ORCID: 0000-0002-2456-5503, Преподаватель русского языка как иностранного,
Российский университет дружбы народов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО: РАЗЛИЧИЯ И СХОЖИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЛЯ ОСОЗНАННОГО ПОНИМАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АСПЕКТА ДЕЙСТВИЯ

Аннотация

В статье рассмотрено несколько аспектов процессуальности действия как одной из важных характеристик функционирования английского языка и русского языка как иностранного. Сравнение двух языков связано с обоюдным интересом изучения русского языка англоговорящими студентами, и английского – русскоговорящими студентами. Автором проанализированы грамматические особенности времени данных языков и связанного с ним аспектов действия, понимание которых поможет учащимся сформировать и развить не только грамматические навыки и знания, но и коммуникативные умения. В статье обоснован процесс развития коммуникативной компетенции иностранных и российских слушателей при помощи усвоения грамматики как важного аспекта английского и русского языка как иностранного.

Ключевые слова: грамматические навыки, коммуникативная компетенция, процессуальность действия, грамматическая категория времени.

Asonova G. A.

ORCID: 0000-0002-2456-5503, The Russian language teacher,
Russian university of people's friendship

THE GRAMMAR OF ENGLISH COMPARING TO THE GRAMMAR OF RUSSIAN AS A FOREIGN: DIFFERENCES AND COMMON CHARACTERISTICS FOR PERCEIVED UNDERSTANDING OF ASPECT OF AN ACTION'S FUNCTIONING

Abstract

The article has reviewed several aspects of processuality of an action as one of the important characteristics of English and Russian as a foreign languages' way of functioning. Comparison of two languages is connected to a reciprocal interest of studying Russian by English speaking learners and of studying English by Russian speaking learners. The author has analyzed the grammar peculiarities of the languages' tense system and its aspects, comprehension of which will help learners not only to form and develop their grammar skills and knowledge, but also their communicative skills. The article has explained the process of communicative competence development with the help of understanding grammar as a highly important aspect of English and Russian as a foreign.

Keywords: grammatical skills, communicative competence, processuality of an action, grammar category of the tenses.

At the modern time the willingness to study Russian as a foreign has become much more popular and is explained by the political, cultural and educational relationships between countries all around the world and Russia. The English language has itself always been and still is a global language of international communication. The fact that both these languages require to be learned now if not the absolute, but true. The present article is heading for showing a tremendous importance of grammar system of languages, a good command of category of tenses. A better understanding of how languages can be effectively learned will come to learners if they possess a grammar system of a language. Despite a fact that nowadays the communicative approach or the natural approach are in demand, grammars as the grand aspect of a language has been no way to go without it.

Hypotheses of the present research in the article includes the presumption of grammar as basic foundation of the English and Russian languages. If we suppose that grammar exists to develop the consequent communicative speech, then a closer look on both languages' grammar characteristics should be done. To underline the same characteristics of English and Russian grammar has to be said the following: 1) Nature of languages is based on its tenses functioning. 2) Knowledge of verbs helps to create the speech. 3) Grammar has parts of speech such as nouns, verbs, adjectives, adverbs, conjunctions, prepositions, personal and possessive pronouns. 4) In both languages there are affirmative, negative and question sentences. 5) Nouns can be singular and plural. 6) Conjunctions and prepositions denote location and time meaning.

The knowledge of these factors help learners to gain an idea of how to use the language. If they know verbs, they can express their ideas better and in many ways. If they understand the tense influence on the meaning of a sentence, they can be

more accurate in presenting their views. Availability of parts of speech in languages give students an opportunity to use them in their expressions and statements.

Different peculiarities of both languages' grammar is that in Russian verb functions in an exclusive way that don't exist in English but it doesn't detract the importance of the English verb: 1) Russian verb influences on the choice of endings of the nouns and adjectives, personal and possessive pronouns due to existence of cases («Я хочу воду, пожалуйста»; «Можно мне газированной воды», «Где тут есть газированная вода?»), «Мы живем с нашей русской соседкой» 2) Plural forms of nouns have many exceptions but not as many as it couldn't be learned (окна, глаза, директора; стулья, братья, друзья; яблоки and so on) 3) Singular forms of nouns are created due to their gender (feminine, masculine, neuter). 4) Adjectives follow nouns everywhere if they are highly connected to first and belong to them in a sentence («Красивая девушка гуляла в парке», «Мы говорили о красивых девушках», «Любовь не значит желание красивой внешности»). 5. Adverbs relate to verbs and adjectives relate to nouns («жить хорошо не запретишь», «хорошая жизнь не запрет»).

The possibility of being able to talk in a foreign language comes from two factors: a) a good comprehension of a language's grammar, b) learning to use and practice the grammar with the right vocabulary of a language. The grammar of English is necessary to be learned as well as the grammar of Russian. But for Russians not all tenses of English has a sense according to their way of comprehension of an action to be done. For example, Present Perfect in the English language represents a highly interesting phenomenon for Russians, because Russian mind doesn't presume such thinking under what Present Perfect meaning can be really understood or has its real sense. For Russian people Present Perfect is equal to Past Simple. An action in both tenses has happened or happened. For us it's almost or quite the same. Though some Russians don't really see the meaning of this particular tense, others still do. In methodic of teaching English Present Perfect has minimum three meanings for its existence and way of being expressed: a) an action has been done just now («I have eaten that cake»); b) an action happened not long ago or long ago, but it's been presented only at the present moment meaning to be a new information in conversation («You've done your hair cut»). Should be noted that often in news information can be presented in the Present Perfect form as it's just happened («The company has won...»); c) an action of Present Perfect is equal to an action of Present Perfect Continuous (for example, «a plane has been flying for about three hours » can be replaced by «a plane has flown now for about 3 hours»); d) Present Perfect denoted the experience of a person («I have been to Africa», «What results have you reached so far?», «She has met Nick twice»). As it's well known Present Perfect is not the only tense in English. The system of English tenses can be presented in a following brief description: there are three tenses which are Past, Present, Future. Each of these tenses has its aspects which are four: Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous. The same goes for Present: Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, Present Perfect Continuous and for Future: Future Simple, Future Continuous, Future Perfect. Why do tenses have these aspects? Because this is the way the English language works. It demands an action to go in a particular way, either now (the aspect of Continuous), either regularly (the aspect of Simple), either above mentioned meanings of Perfect aspect, or either an action has started but hasn't been finished yet (the aspect of Perfect Continuous). All these aspects live in three tenses. They represent a particular moment in time. That's why when students learn English, they should understand when and how to use grammar aspects of tenses and with the help of vocabulary they would be able to speak the language. The most difficult but not impossible grammar forms to be learned exist in the Russian language. Normally students at the universities or preparatory faculties have to learn Russian grammar quite seriously, because their knowledge will influence on their exam's marks. With or without a strong motivation or their personal willingness to learn the language eventually within 8 months of preparatory faculty they manage to learn it to the level A2-B1 and speak Russian. But at language courses in Russian cities, especially in the city of Moscow communicative approach is presented. Necessarily to say that the most important scientific part of Russian grammar is happened to be the verb. The verb denotes three tenses as well: present, past, future. But the Russians have no such comprehension of aspects like the English do. In Russian mind there are only two ways of an action. An action can be presented as a process (comparing to English it's equal to Simple, Continuous and Perfect Continuous aspects) and as a result (comparing to English it's equal to Perfect aspect). It's either an action to be still going or was going or will be going (will go) («он читал», «он читает сейчас», «он будет читать завтра»); or an action has performed itself (denoting any past finished result or quickly done action) («я прочитала книгу», «вы рассказали текст») or an action will have finished one time or quickly in any future context («он прочитает», «мы напишем»). These aspects of an action create imperfective or perfective verbs. The difficulty of learning these verbs lay in the variety of their forms. But in order to overcome a language barrier it's important to remember that Russian verbs with all their prefixes and suffixes can be learned and moreover stick to one's mind in a way learners will soon adapt and start thinking like Russians and possess the language guessing.

Summing up the above, grammar peculiarities do not dominate or detract the meaning of each language. The comprehension of grammar leads to a right expression of one's thoughts and views in speech. To be able to speak Russian as a foreign or English language learners should follow grammar rules and gain more communicative practice. The most attention should be paid to tenses and verbs as they happen to be the foundation of languages. Verb denotes an action. Action is what people usually talk about. The tenses have their aspects in which actions are performed according to their own rules. Knowledge of these rules will lead learners to the right communication in English or Russian.

References

1. Azimov E. G., Shukin A. N. Novyj slovar metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam). – 2009. – P.448.
2. Asonova G. A. Grammatiko-kommunikativnye uprazhnenija s elementami igry kak sposob aktivizacii vladenija russkim jazykom kak inostrannym. – 2013. – №3. – P.79-85.
3. Shukin A. N. Obuchenie rechevomu obshheniju na russkom jazyke kak inostrannom. Metody. Priemy. Rezultaty. – 2012. – P. 784.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.210

Бакова З. Х.¹, Унатлоков В. Х.²

¹ORCID: 0000-0002-2777-380X, Доктор филологических наук, профессор; ²к.ф.н., доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

ОБРАЗ МОРЯ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОЭЗИИ АДЫГСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация

Авторы знакомят с творчеством представителей адыгской (черкесской) диаспоры за рубежом. Анализируются стихи поэтов, написанные на родном языке в нашем свободном переводе.

Исследование окажет методическую помощь магистрантам, изучающим спецкурс «Литература адыгского зарубежья».

Ключевые слова: поэты адыгской (черкесской) диаспоры, мухаджирство, Черное море.

Bakova Z.X.¹, Unatlokov V Kh.²

¹ORCID: 0000-0002-2777-380X, PhD in Philology, professor, ² PhD in Philology, Associate professor

Kabardino – Balkarian State University named after Berbekov J. M.

IMAGE OF THE SEA AND IN THE POETRY ARTISTIC EXPRESSION ADYGHE ABROAD

Abstract

The authors introduce the work of the representatives of the Adyghe (Circassian) diaspora abroad. Analyzes the verses of poets, written in the native language in our free translation.

The study will provide methodological assistance to undergraduates studying course "Adygeyan foreign literature."

Keywords: poets Adyghe (Circassian) diaspora, muhadzhirstva theme, Black Sea.

Первое знакомство с поэтами адыгской (черкесской) диаспоры вполне естественно было начать именно с тех их произведений, которые как бы подчеркивают «адыгство» своих авторов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Посмотрим, каким предстает Черное море в стихотворении Мухадина Кандура, написанном им в бытность в Аммане:

*Море вздыхает, волнуется.
Часто вздымает сердитые волны...
Было зеленого цвета, теперь стало серым, грустным,
От крови, попавшей в него, стало черным.*

Здесь мы наблюдаем смещение акцентов, то есть каждый поэт по-своему подходит к раскрытию одной и той же темы. Для М. Кандура Черное море отнюдь не убийца, это, скорее, надгробие над общей могилой многих его соотечественников, возле которого пристало застыть в скорбном раздумье:

*Часто сижу я у моря,
История народа моего перед глазами:
Трупы дедов наших стали рыбам кормом,
А матери все время в горе – плачут горькими слезами.*

Интонации Кандура более эпические, чем у остальных поэтов; эти его строки вполне могли бы послужить эпиграфом к его трилогии «Кавказ»:

*Спят на дне морском наши сестры и братья.
Теперь они дети моря.
Оно оплакивает их, обернув песком,
Как саваном, раскрыв свои объятия.*

Именно так: море не палач, море – саван, и раз наши братья и сестры стали детьми моря, то, значит, и нам остается с ним только побрататься.

*Старые корабли не немые, они рассказывают:
Море охватили беда, несчастье, горе,
Слезами женщин (это мы хорошо помним),
Казалось, залиты и земля и море.*

Море слез – вот что для Кандура Черное море. Можно проклинать тех, кто вызвал эти бесчисленные слезы, но как обратиться с проклятием к самим слезам?

*Море волнуется, не спит.
Держит вечный траур море.
Радость ушла, душа моя грустит:
Зов со дна морского в ней звучит.*

Итак, Мухадин Кандур находит в Черном море сочувствие; именно благодаря ему слышит он зов предков, идущий с морского дна, заставляющий вновь и вновь осмысливать исторические перипетии. Отсюда – один шаг до создания эпических полотен, и этот шаг, как мы знаем, Кандуром был сделан.

Среди тех, кто успешно пишет на родном языке, сегодня наиболее плодотворно работают турецкие поэты адыгского (черкесского) происхождения: Бабул Эргун, Али и Мухарам Чурей, Метин Меретик, Рафик Тхагазит, Джихан Лу, Мажид Шигалуга, Озибраш Исмелука, Амик Афасиж и др. И надо отметить, большинство из них в своем творчестве не избежали обращения к теме моря. Так, в одном из стихотворений Али Чурей говорится о том, что западные черкесы, исторически жившие у моря, вынуждены были пересечь это море в трагическое время лихолетья и мухаджирства, оставив на его дне всех, кто не доплыл до чужого турецкого берега:

*Мой адыг синеглазый,
Посмотри в глубь морскую.
Посмотри и скажи,
Что ты видишь на дне морском.*

Поэт предлагает всмотреться в глубину Черного моря всем своим соотечественникам, говорит об этом настойчиво, как бы гипнотизируя читателя троекратным повторением одного и того же корня: «Хэплъэ, хэплъи, хэплъагъуэр къызжеIэ»:

*Расскажи, чьи слезы
До сих пор согревают
Ледяную воду морскую.
Подумай, подумай.*

Автор просит правдиво рассказать о том, что они видят на дне морском. Али Чурей ищет ответ на вопрос, о чем до сих пор молчали историки: в чем виноват был его народ, почему он оказался на чужбине? Эта тема, актуальная и для ученых, и для литераторов, получает у поэта отражение через традиционную символику.

Вообще говоря, образ Черного моря нашел развитие в фольклоре именно в связи с темой мухаджирства, отсюда идет эта лексика, соответствующая горьким слезам, обжигающим грудь (си бгъэр нэпсым пхырысыкIащ – слезы прожгли мою грудь) и т.п.

У Али Чурей – *Псы щIыIэ дэхуабэу / Ноби хым хэтыр / КъызжеIэ зи нэпсыр* – (Чьи слезы до сих пор согревают ледяную воду морскую).

*Судьбу моего рода
Правдиво поведай.
Тесно ль им было
На земле родной?*

Али Чурей использует характерные для фольклорных песен мухаджирские темы: КIыфIыгъэм щигъауэ, / гъуэгуымыгъуэ техъа? КIэ дэдзэ уи лъэпкъыр? Къуэладжэм ар щхъэ дэкъухъа? Что в переводе:

*Тьма ли их сбила
С пути истинного?
Почему они рассыпаны
По свету белому?*

Лирический герой хочет получить ответ на главный вопрос: «Темыхуэу и щIыгум щыкIауэ къикIа?» (Тесно ль им было на земле родной?). Он вопрошает: быть может, незнание правды, и ряд заблуждений привели его народ на скорбную тропу изгнанничества? И заканчивает призывом:

*Встань, синеглазый адыг,
Оковы ты сбрось!*

Такие вопросы свидетельствуют о стремлении вновь обрести утраченную Родину, утраченную по причине геноцида, о желании народа-изгнанника новыми ростками возрасти на родной земле, пусть и через два столетия. Для выражения этих идей поэт использует святое для каждого черкеса понятие корня (лъапсэ), понятие побегов (къуэж), которые должны пустить эти корни. Такое традиционное для адыгской художественной мысли выражение позволяет автору философски осмыслить тему, углубить идею связью с национальной художественностью. (Ведь далеко не случайно и то, что адыгский классик А. Кешоков назвал свой роман «Лъапсэ» («Корни»)).

В отличие от традиционных песен-плачей (гыбзэ), выражающих жалобу на трагическую судьбу, не знающих выхода из этой трагедии, современный молодой поэт не только констатирует события, зафиксированные в культурной памяти соотечественников, но и призывает надеяться на то, что они еще могут привиться к древу жизни народа, корни которого остались на исторической Родине. Отсюда решительность интонаций, напористость, энергичность стиха, лексика, присущая патриотическим песням адыгов, создававшимся в поддержку воинов, защищавших родину от набегов. Стихотворение Али Чурей по своей философской заряженности сродни проанализированным выше строкам Мухадина Кандура, но заметно разнится от них в плане эмоциональности: если лирический герой Кандура предстает пожившим, умудренным и уравновешенным человеком, то у героя Чурей налицо молодая напористость, требовательность, бескомпромиссность. Примерно такой же настрой наблюдаем и в следующем стихотворении Чурей:

*Вернемся на родину
Изучать свою историю.
Воды Терека и Инжиджа
Напитают нас, как молоком матери,
И мы пустим корни.*

Призывность, нежелание ждать далее ни мига – вот что бросается в глаза здесь сразу. Что же касается присутствия здесь Терека и Инжиджа (река Зеленчук), то это далеко не случайно: ведь испокон веков вода Терека и Инжиджа считается на Родине живой водой. Есть и соответствующая адыгская поговорка: Инжыджыпс ефам хъужынут (Чтобы выздороветь, нужно выпить воду из Инжиджа).

Мухарам Чурей в стихотворении «Кхъухъ макъыншэ» («Заглохший корабль») тоже обращает свой взор к Черному морю, выстраивая сюжет вокруг корабля, подобного тому, на которых переправляли в Турцию по Черному морю черкесов-мухаджиров. В этом стихотворении нет прямого использования ни элементов нартского эпоса, ни адыгских мифологических мотивов. Философские раздумья о судьбе народа основываются на чувствах, которые пробудились у лирического героя при виде проходящего на горизонте корабля. По своей печальной тональности это стихотворение сродни песням-плачам периода переселения. Отличие состоит в том, что горестная эта тема пропускается через память нескольких поколений адыгов.

Было бы, однако, непростительным преувеличением утверждение о том, что образ Черного моря у наших

зарубежных соотечественников всегда и неизменно окрашен в мрачные тона, пусть и несколько разных оттенков. Нет, поэт никогда не следует общеустановленным нормам и «на бумаге линованной любит писать поперек». Ярким доказательством этого может послужить стихотворение турецкого поэта Мажида Шигалуги. Оно, как и стихотворение Кандура, носит название «У Черного моря»

*Вижу волны голубые Черного моря.
Тебя лишь не хватает – хочу в глаза твои взглянуть.
Стою на берегу, смотрю на море.*

Как представляется поначалу, перед нами совершенно обычные исполненные любовного томления строки. Море ничуть не грозное, ни о чем не говорит, не рассказывает о горестном пути изгнанников...

*Ты моя жизнь, сердце, сжимаясь, ждет тебя.
Жить без тебя больше нет сил.
Не хочу уходить я с берега моря.*

Ни слова о мухаджирских судах, перед глазами героя одна только возлюбленная. Но подспудно возникает вопрос: почему он не хочет уходить с берега моря?

*Набегают волны дружной толпой.
Я без тебя умираю. Сердце переполняет любовь.
Море стонет, меня понимая.*

Последняя строка внезапно объясняет все! Мажд Шигалуга пустил в ход очень редкий и рискованный поэтический прием, срабатывающий только в том случае, если читатель досконально знаком с контекстом, с тем, как и кем прежде разрабатывалась представленная в стихотворении тема. Поэт, не желая перепевать собратов по перу, запустил ассоциативные сети. Это стихотворение основано на круге многих стихов, подобных, приведенным выше, и должно читаться именно в их контексте. Тогда становится совершенно очевидным, что та, без которой герой умирает, – это родная, не знаемая, но любимая земля предков.

Ознакомившись, хотя бы и вкратце, с творчеством представителей адыгской диаспоры за рубежом, мы можем сказать, что стихи зарубежных поэтов свидетельствуют об их стремлении через тему исторической Родины постичь многотрудный трагический путь народа. Отсюда проистекает историзм и философичность их поэзии.

Литература

1. Бакова З. Единство народа – единство литературы. Науч. изд. Майкоп, изд-во МГТИ, 2002. 126 с.
2. Бакова З. Творчество поэтов адыгского зарубежья. Пособие для студ. по спецкурсу. Нальчик, «Полиграфсервис и Т.», 2007. 48 стр.

References

1. Bakova Z. Edinstvo naroda – edinstvo literatury. Nauch. izd. Majkop, izd-vo MGTI, 2002. 126 s.
2. Bakova Z. Tvorchestvo pojetov adygsogo zarubezh'ja). Posobie dlja stud. po spekursu. Nal'chik, «Poligrafservis i T», 2007. 48 str.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.022

Беленов Н.В.

Кандидат педагогических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет
К ПРОБЛЕМЕ АРХАИЧНОЙ СЛАВЯНСКОЙ ГИДРОНИМИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о возможной славяноязычной принадлежности ряда субстратных гидронимов Среднего Поволжья, что актуально в связи с гипотезой славянского происхождения носителей именьковской археологической культуры, которые играли важную роль в раннесредневековой истории региона. На основе этимологического и сравнительного анализа, выделяется группа гидронимов, известных по средневековым источникам, славянское происхождение которых оценивается как вероятное. Прежде всего, речь идёт о таких гидронимах Среднего Поволжья как: Бездна, Майна, Моча и Наясолка; в меньшей степени: Сок и Уса.

Ключевые слова: гидронимия, именьковская культура, Среднее Поволжье.

Belenov N.V.

PhD in Pedagogy, Samara State Social and Pedagogical University

TO THE PROBLEM OF ARCHAIC SLAVIC HYDRONYMY IN THE MIDDLE VOLGA REGION

Abstract

This article addresses the issue of possible Slav supplies a number of substrate hydronyms Middle Volga region, which is important in connection with the hypothesis of Slavic origin carrier Imenkovo archaeological culture, which played an important role in the early medieval history of the region. On the basis of etymological and comparative analysis, it stands out Slavic origin of which is estimated as probable hydronyms group, known by the medieval sources. First of all, we are talking about such hydronyms Middle Volga as Bezdna, Mayna, Mocha and Nayasolka; to a lesser extent: Sok and Usa.

Keywords: hydronymy, Imenkovo culture, Middle Volga region.

Гидронимы – наиболее устойчивая часть топонимической номенклатуры местности, которая способна передать данные языков народов, населявших ту или иную территорию сотни, а иногда и тысячи лет назад. По этой причине именно гидронимия, из всего топонимического многообразия, представляет наибольший интерес для историков и лингвистов.

Говоря об архаичной славянской гидронимии в Среднем Поволжье, мы, естественно, имеем ввиду не названия ручьёв, озёр и небольших речек, которые часто подвергаются переименованию и в большинстве своём имеют названия

на языках современного населения. Все они появились, как правило, не так давно и имеют прозрачную этимологию. Речь идёт о названиях относительно крупных рек, некоторые из которых зафиксированы в исторических источниках задолго до начала последнего активного проникновения славяноязычного населения в Среднее Поволжье.

На наличие в гидронимической номенклатуре Среднего Поволжья славяноязычных элементов впервые обратила внимание Г.И. Матвеева, в связи с выдвинутой ею гипотезой о славянском происхождении носителей именьковской археологической культуры. По её мнению, такие названия как «Сок», «Утка», «Бездна», «Майна», «Черемшан», «Уса» происходят из славянских языков [5].

Некоторые из указанных гидронимов имеют более вероятные неславянские этимологии, но имеются на территории Самарского Поволжья и те, которые имеют явно славянское происхождение, что, безусловно, требует объяснения.

К таковым мы относим, прежде всего, гидронимы «Бездна», «Майна» и «Наясолка» - в средневековом источнике «Рисалия» Ахмеда ибн Фадлана гидроним упомянут в форме «Неясна» [4].

Гидронимы типа «Бездна» имеют достаточно широкое распространение в Среднем Поволжье, что значительно снижает вероятность случайного происхождения этого названия в результате фонетических изменений из неславянских языков. Так, реки с подобными названиями отмечены на территории Ульяновской области и в Чувашии. Неслучайным представляется и тот факт, что все они сохранили фонетическую форму в иноязычной среде, а некоторые имеют параллельные названия на других языках. Последняя особенность чаще всего наблюдается в тех случаях, когда вновь пришедшее население заимствует у предыдущих насельников данной территории гидроним, а затем, по тем или иным причинам не преобразовав его в смысловую или фонетическую кальку, добавляет название на собственном языке.

Гидроним «Майна» также не единичен. По территории Ульяновской области протекают: Майна – приток Волги и Майна – приток Барыша. Принято считать, что термин «майна» со значением «широкая трещина во льду, полынья» происходит из прибалтийско-финских языков. Однако, существует и альтернативная версия: слово это может являться древнеславянским, сохранившимся в языке новгородских словен, а из него оно могло быть заимствовано сумью и вепсами. В таком случае, нельзя исключать вероятность того, что данный термин сохранился и в другом языке славянской периферии – на Средней Волге.

Наконец, гидроним «Неясна», по нашему мнению, очевидно славянский и находится в гидронимическом ряду с такими названиями как «Непрядва», «Неживка», «Нерусса», «Нежеголь» - имеющими убедительные славянские этимологии.

Что же касается таких гидронимов, как «Сок» и «Черемшан», то они могут являться болгарскими кальками со славянских названий, вероятное происхождение которых мы показали в специальной работе [2].

Мы, со своей стороны, считаем уместным привлечь к рассмотрению в этой связи также и гидроним «Моча» - название реки, сегодня носящей имя «Чапаевка». В «Рисалии» Ахмеда ибн Фадлана данный гидроним упоминается в форме «Бочаг», что, по-видимому, является воспроизведением болгарской формы названия. Для сравнения, та же Майна в этом источнике фигурирует как «Байнах». Кроме того, можно продолжить данный ряд и в области русских заимствований из тюркского, а также современными топонимами: «мусульмане» - «басурмане»; «Майтуга» - «Байтуга»; наконец, особенно показательно: «мочага» - «бочага».

Таким образом, предпочтительно полагать, что добулгарская форма была именно «Моча», а начальное «м» заместилось на «б» только в болгарской передаче, что и зафиксировал ибн Фадлан, получавший информацию о топонимии Среднего Поволжья от болгар. Гидроним же «Моча» зафиксирован достаточно широко – в частности, на территориях Московской и Нижегородской областей – и имеет славянскую этимологию.

Славянский гидронимический пласт, разумеется, мог возникнуть в Среднем Поволжье на разных исторических этапах. Помимо современного периода преобладания в регионе славяноязычного населения, начавшегося около трёхсот лет назад, можно отметить ещё несколько периодов достоверного пребывания здесь славян.

Спорадические проникновения славянского населения в Среднее Поволжье фиксируются археологически со времён Волжской Булгарии (Березовское селище). Позднее, во времена Золотой Орды, монгольские правители вели политику насильственного переселения на свои территории земледельческого населения, прежде всего, мордовского и русского. После распада ордынского государства на несколько независимых ханств, приток славянского населения в регион продолжался уже самостоятельно. Так, в «Казанской истории» упоминается о местопребывании русских рыбаков у Змиева Камня (так иногда именовались Жигулёвские горы и правобережная возвышенность вплоть до Хвалынского) [1].

Однако, ни одно из упомянутых проникновений славяноязычного населения нельзя рассматривать в качестве объяснения появления в Среднем Поволжье рассматриваемой архаичной славянской гидронимии. Как известно, гидронимы, происходящие из того или иного языка, крайне редко могут появиться вследствие случайного проникновения изолированных групп носителей этого языка и ещё более маловероятно их последующее закрепление в топонимической номенклатуре местности у преобладающего населения. Кроме того, большинство из указанных гидронимов было зафиксировано источником X века – уже упомянутой «Рисалией» Ахмеда ибн Фадлана, секретаря багдадского посольства халифа ал-Муктадира, отправленного им к эльтеберу волжских болгар Альмушу в 921 году.

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что рассматриваемая гидронимия сформировалась в Среднем Поволжье до X века, а, учитывая особенности гидронимии и топонимические закономерности, с большой долей вероятности можно утверждать, что она возникла в добулгарскую эпоху.

Славяноязычное население в Среднем Поволжье, обитавшее здесь до прихода болгар, можно идентифицировать либо с именьковской археологической культурой, либо с памятниками типа «городище Лбище», которые, вполне возможно, оставлены именьковским же этническим элементом на ранней стадии развития. Во всяком случае, истоки населения, оставившего памятники лбищенского типа на Самарской Луке, ведущие самарские археологи слеживают в Поднепровье [3]. Говорить о славяноязычии представителей какой-либо археологической культуры Среднего Поволжья до этого периода не позволяют данные ни глоттохронологии, ни этнической истории.

Надо отметить, что с момента открытия именьковской археологической культуры, высказывались различные точки зрения на этническую и языковую принадлежность её представителей: от хионитов до бастарнов. В настоящее время

данный вопрос также нельзя считать однозначно разрешённым, возможно, носители именьковской культуры были полиэтничны. Как известно, концепция «одна археологическая культура – один этнос» справедлива далеко не во всех случаях. Однако, наиболее аргументированная гипотеза, по нашему мнению, принадлежит Г.И. Матвеевой, которая уверенно идентифицировала, по крайней мере, значительную часть населения именьковской культуры со славянским этническим элементом.

Считаем, что приведённый в статье анализ архаичной славянской гидронимии Среднего Поволжья является дополнительным аргументом в пользу славяноязычия, по крайней мере, части носителей именьковской археологической культуры.

В свете вышеизложенного, считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Архаичные славянские гидронимы в Среднем Поволжье неединичны и образуют ареальную систему, что сводит вероятность случайности их появления к минимуму.

2. Архаичные славянские гидронимы преимущественно локализируются в ареале бассейна Большого Черемшана и смежных территорий, что соответствует постулируемой в археологической литературе региона гипотезе об отступлении в эти места представителей именьковской культуры под давлением булгар.

3. Наличие системы славянских гидронимов в добулгарской топонимической номенклатуре Среднего Поволжья является дополнительным аргументом в пользу славяноязычия носителей именьковской культуры.

Литература

1. Беленов Н.В. Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья. – Самара, 2014. – 325 с.
2. Беленов Н.В. «Рисалия» Ахмеда ибн Фадлана как источник по топонимии Среднего Поволжья// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2015. - №.3 – С. 52-56
3. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. – Куйбышев, 1986. – 232 с.
4. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956. – 345 с.
5. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV – VII вв.: именьковская культура. – Самара, 2003. – 165 с.

References

1. Belenov N.V. Istoriko-toponimicheski slovar' Samarskogo Povolzh'ja. – Samara, 2014. – 325 s.
2. Belenov N.V. «Risaliya» Ahmeda ibn Fadlana kak istochnik po toponimii Srednego Povolzh'ja// Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. – 2015. - №.3 – S. 52-56
3. Vasil'ev I.B., Matveeva G.I. U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ja. – Kujbyshev, 1986. – 232 s.
4. Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. – Har'kov, 1956. – 345 s.
5. Matveeva G.I. Srednee Povolzh'e v IV – VII vv.: imen'kovskaja kul'tura. – Samara, 2003. – 165 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.287

Бойко А.К.¹, Величко Е.В.²

¹ORCID: 0000-0002-8506-5190, Кандидат филологических наук, ²ORCID: 0000-0002-7626-6847, Кандидат филологических наук, Донской государственный технический университет

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВООБРАЖАЕМОЙ СИТУАЦИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о вербальной коммуникации, которая представляет собой словесное взаимодействие сторон и осуществляется с помощью знаковых систем, главной среди которых является язык. От разнообразия лингвистических средств зависит состояние текущего внимания собеседников. Гипотетическое суждение оказывает речевое воздействие на сферу эмоций и воображения собеседников. При создании данного суждения задействуются различные модели формирования, созерцания, принятия и поддержания диалогической коммуникации.

Ключевые слова: диалогическая коммуникация, прагматический аспект, воображаемые ситуации, когнитивистика, оценка речи, вербальная/невербальная реакция, адресат, дискурс, реагирующий собеседник.

Boyko A.K.¹, Velichko E.V.²

¹ORCID: 0000-0002-8506-5190, PhD in Philology ²ORCID: 0000-0002-7626-6847, PhD in Philology, Don State Technical University

PRAGMATIC ASPECT OF IMAGINARY SITUATION IN COMMUNICATIVE INTERACTION

Abstract

This article deals with the issue of verbal communication that is a verbal interaction of the parts involved and achieved through sign systems, the major among which is the language. It is the diversity of linguistic means which the state of current attention of the interlocutors depends on. A hypothetical judgment possesses verbal influence upon the realm of emotions and interlocutors' imagination. When creating this judgement, various models of formation, contemplation, acceptance and maintenance of dialogical communication are employed.

Keywords: dialogic communication, pragmatic aspect, imaginary situations, cognitivism, speech assessment, verbal/non-verbal reaction, addressee, discourse, reacting interlocutor.

It is the diversity of linguistic evaluative means which the state of current attention of the interlocutors depends on. Focused on the information about certain objects of the external world, their important pragmatic and cognitive characteristic features, relationships between these objects, which, in their turn, occupy the main position in verbal interaction (i.e. are the subject of discussion). Personal semantics in realization of evaluative meaning and semantics appears to be logical product of stable correlation between linguistic consciousness and verbal behavior of the interlocutors. Thereby, manifesting

their linguistic consciousness at the level of verbal realization, interacting partners, as a rule, actualize semantic and emotive contents which are relevant only for specific dialogic interaction.

In the process of evaluation realization in the dialogue not only individual voices of the interlocutors are manifested, but also their attitudes, cultural realities, typical of certain social community, views about the validity of judgments. From this standpoint the dialogue is interpreted as such an area of intersubjectivity in which creative interpretation of current interaction process turns out to be important [3]. The addressee decodes the received utterance, linking it to a certain degree with his / her life and worldviews, trying to perceive the cause of rendered verbal influence. Alongside with this the listening subject determines the way the initiated utterance will “fit in” emotionally-estimated background of subsequent dialogic interaction.

In other words, in linguistic constituent of the dialogue such pragmatic components as I, the Other, evaluative attitude are manifested. Herewith evaluative attitude transforms I and the Other into intersubjectivity, not so much manifesting their intrinsic connection as forming another unity, which forms the space of evaluative meaning of dialogical existence in the current communicative context.

The main pragmatic form of mutual participation in spontaneous communication appears to be a modeling of verbal images. The first interlocutor describes, offers the image in a verbal shell of its replica, the other interlocutor reconstructs and interprets this image in order to acquire relevant evaluative information, addition and specification of this information [2]. Pragmatic force of the image in communication of evaluative semantics and meaning as well as emotions is based on its ability to combine in cognitive consciousness of the listening with other images, to build plots which reflect separate fragments of objective situations.

At the level of macrostructure and interaction of the participants of unison dialogical communication hypothetical judgment with comic effect can be considered as a unique phenomenon of spontaneous interaction development and making speech impact on the interlocutors' sphere of emotions and imagination. At the macrolevel of dialogical communication the model of hypothetical judgment realizing comic evaluative sense assumes actualization of thematic blocks which are the derivatives of current situational context. As a result of participatory cooperation of the interlocutors the marked shift from discussion of objective events to modeling of unreal situations takes place in communication.

Models' gaming character of realization evaluation becomes evident upon the initiation of hypothetical judgment which does not reflect real event experienced by the interlocutors, but completely belongs to the sphere of spontaneous imaginary virtual communication being constructed at the given moment [1]. Eventful content of hypothetical judgment is predetermined by situational context of dialogic interaction. In this case, cognitive interaction scenario presupposes the realization of the model comprising the following stages:

- hypothetical judgment initiation by the first interlocutor. The study of dialogic communication showed that between the two interlocutors a certain slowdown in the exchange of replicas is observed. This stage is characterized by the presence of words like “imagine”, “wonder” to construct an imaginary situation. Directive speech act in initiating replica implements illocution of request to imagine an expanding hypothetical situation, that is to transfer the course of the conversation from concrete facts to the realm of the imaginary. The request to imagine a situation can be realized in the form of a question that assumes softer impact on the sphere of interlocutor's imagination. An important pragmatic characteristic feature of the process of hypothetical situation initiation is that the speaker, as a rule, appeals to interlocutor's imagination based on the situation which objectively has just occurred or appears to be the subject of the current conversation.

- verbal / non-verbal judgment support by the second interlocutor. This stage is characterized by the presence of two areas: verbal and non-verbal reactions. Non-verbal reaction is a smile, laughter: showing such a reaction the addressee lets the speaker comprehend that he has understood all absurdity of the given situation; verbal is sender's specification (usually with a humorous character). These reactions signify recognition of an imaginary situation, and manifest the recipients' willingness to listen to the continuation of the situation;

- formation of an imaginary, virtual world. After the first interlocutor outlines the objective event information and the sender expresses a particular reaction to this information; a hypothetical situation construction is observed in the following dialogical communication;

- involvement both of the interlocutors in the imaginary world. Responsive interlocutor responds with laughter, that encourages the speaker to extend the original hypothetical judgment, to continue the construction of virtual, imaginary world in the following replica, which receives support from the interlocutor. Up to a certain point in the spontaneous dialogue, perhaps its culmination, the author of a hypothetical judgment holds the attention of the interlocutor, through the strengthening of comic effect of the statements that extend the basic hypothetical judgment. Hereupon the facts of an imaginary world become absurd, fantastic, incredible;

- completion of speech influence on the sphere of the emotions and imagination of the partner in the interaction associated with the initiation of a hypothetical judgment with comic effect. This stage can be characterized either by the vision of an imaginary world, or a sudden spontaneous completion of communication. All the statements designate completion of a spontaneous dialogue and transition to objective reality, discussion of topical issues connected with interlocutors' everyday life.

Our analysis showed that the level of spontaneous dialogic communication of a hypothetical judgment with a comic effect can be considered as a discursive impetus to assess the objective situations in which the interlocutors find themselves. This imaginary situation is presented as a “driving force” of development communication.

Modeling of a hypothetical judgment, which usually has a comic character, is the interlocutors' joint discourse of performing a variety of cultural, social, interpersonal functions. In the process of modeling the interlocutors, as a rule, actualize their historical and cultural knowledge that become the basis for the assessment of real situation. As a result, dialogical communication becomes smooth, unison.

References

1. Clark H. H. Imagination in discourse / H. H. Clark, M. Van Der Wege // Handbook of discourse analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – Oxford: Basil Blackwell, 2001. – Pp. 772 – 786.
2. Green M. S. Self-Expression / M. S. Green. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – 241 p.
3. Wilson D. Meaning and relevance / D. Wilson, D. Sperber. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 297 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.233

Воронин М.С.

ORCID: 0000-0002-8586-1875, Аспирант, Алтайский Государственный Университет
ВИРТУАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: ЛИНГВОТОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные принципы виртуализации методов научного исследования с учётом лингвотопологического фактора влияния на формирование виртуальной знаниевой парадигмы. В рамках настоящей работы приведены механизмы навигации исследователя в условиях нелинейности виртуальной информационной среды с использованием многоуровневой ментальной репрезентации цифрового пространства. Также указаны основные подходы к оценке валидности виртуального научного знания как продукта техногенной цивилизации.

Ключевые слова: виртуализация, знание, лингвотопология.

Voronin M.S.

ORCID: 0000-0002-8586-1875, Postgraduate student, Altai State University
VIRTUAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN LINGUISTIC AND TOPOLOGICAL ASPECT

Abstract

This article considers main principles of virtualization of scientific research methods given linguistic and topological factor in forming the paradigm of virtual knowledge. Methods of researchers' navigation in nonlinear virtual information environment using a multileveled mental representation of digital environment are also considered in this study. In addition, this article considers key approaches to assessing the validity of virtual scientific knowledge as a product of technogenic civilization.

Keywords: virtualization, knowledge, topology and linguistics.

Modern understanding of knowledge forming and its role in the life of information society is not limited by traditional historical, cultural and scientific discourse. Today knowledge is often considered as a set of society intellectual resources ensuring the development of scientific and technological progress [1]. Broad approach to the study of knowledge phenomenon integrates two different paradigms represented by humanitarian and natural sciences, suggesting a high degree of diversification of a modern researcher's methodological framework.

Scientific and technical progress leads to the formation of a special model of civilization development, which is technogenic model. The main core of technogenic civilization is technosphere built on the functioning model of natural human habitat (biosphere) with the implementation of a technological component based on results of scientific research, which is carried out in a conglomerate of humanities and natural sciences [2].

As commonly cited, main tasks of the technoscience include the development and introduction of advanced technological means to transform the environment and create conditions for the optimization of scientific and technological progress. The technogenic model of civilization development assumes a special approach to forming, storing and using specific scientific knowledge to understand natural phenomena, create their analogues (rains, droughts, wind, sunlight, etc.), which ultimate goal is to give people the power over natural forces. In this regard, the use of electronic devices might simplify the access of a wider audience to accumulated knowledge making it popular.

The popularization of high technologies in mass communications led to the emergence of deep transformation processes in such spheres of social life as economic, social, cultural, political and other, which, in turn, facilitated the implementation of a qualitatively different model of social relations, which is the information society model.

Communication between people of the information society features greater intensity, while the density of information medium becomes higher, requiring more sophisticated and effective tools of stored knowledge management.

In order to meet growing needs of people in the age of post-industrial society, the development of science is based on the principles of a global enterprise functioning, which involves thousands of researchers from all around the world. Significant financial resources invested in the development of scientific research make it possible to talk about market economy principles used in modern scientific paradigm. Making information products, spreading their distribution networks indicates the emergence of mass demand for the results of scientific research, which is largely driven by the availability of powerful data processing systems.

The intensification of scientific knowledge base in the context of knowledge economy [7] through the integration of different scientific research methods into interdisciplinary paradigms such as cyber linguistics, made it possible to develop complex approaches to forming universal knowledge management infrastructure, or knowledge management system [6]. The aim of such infrastructure is to manage a huge amount of data generated in research activities, providing quick and reliable access to them. The need to create flexible and powerful tools for data processing appeared because of limited potential of traditional information carriers such as books, papers, etc.

Global Internet users obtained instant access to remote knowledge bases with information automatically sorted out and displayed in most convenient format to work with. In addition, the availability of special software for online data processing enables researchers to work with information without ever leaving digital information environment, which makes the scientific research more intensive. Knowledge developed in virtual environment by software algorithms with or without human participation can be considered as virtual knowledge.

Virtual knowledge is interactive, mobile, and user-friendly because it is available in the most accessible forms and shapes (in the form of objects familiar to user like a tree catalog, and other forms). From the linguistic point of view, the virtual knowledge is understood as electronic hypertext due to the features of its internal relations, which allows for knowledge existence in several different forms such as a video series, audio files, images, etc.

Nonlinear relationships of a hypertext elements, the presence of interactive interfaces to communicate with electronic environment make it possible to implement the following special techniques to work with virtual knowledge in the Internet: a.

virtual information environment, where users can communicate with each other while working on a certain file in real-time mode irrespective to their physical location; b. availability of options to customize *data representation format* on a display of an electronic device in accordance with user preferences and needs; c. *automatic modeling* of information units' quality characteristics by transferring from one semiotic category to another (for example, text ↔ audio transition based on a given encoding / decoding algorithm).

The availability of automatic data processing tools gives researchers freedom from manual sorting out, systematizing and analyzing data arrays in the Internet, so they can focus on practical use of results obtained in a full automatic analysis. Nonlinear structure of virtual reality is interactive, includes a variety of divergent information flows, which are quite similar to those existing in the human mind and called mindstreams or streams of consciousness [8]. A certain combination of the flows, or an information flow pattern, gives an idea of an object or phenomenon observed in objective or virtual reality.

Qualitative characteristics of virtual information medium, or electronic hypertext, make it possible to consider virtual reality as an unordered plurality of information flows and information clusters analogous to those existing in concept environment of the human mind and involved in cognitive processes of knowledge design [5].

Mechanisms of automatic electronic data processing, which result in certain content forming (images, video sequences, texts, etc.) are similar to heuristic processes in the human mind, allowing for the transition from concepts to knowledge. As in objective reality, knowledge in virtual reality can be divided into two categories: valid and invalid. Criterion for determining the validity of knowledge designed in virtual reality and by virtual means is the possibility of its practical application in solving cognitive tasks by a human or a machine.

Thus, the principle of virtualization of scientific knowledge methods is in transferring mental data processing mechanisms to the virtual environment, where the knowledge designer activities are supported by means of artificial intelligence (software algorithms).

The vast majority of content found in the Web hypertext is initially represented in English, which is, on the one hand, due to the geographical location of most Internet users at the beginning of its forming (so-called pioneers of the Web, such as North America, Britain, and other developed countries), which population uses English as their native language. On the other hand, the English language is being for a long time used as the language of the international diplomacy and economic relations. In the age of knowledge economy, the combination of these two factors stimulates the Internet users to learn English in order to consume Web content and make their own content uploaded to the Web consumable / understandable to other members of the Internet community [4, 3].

It is worth noting that modern global topological map of languages used in the Internet environment is slightly different compared to one we observed some fifteen years ago. Results of virtual hypertext statistical analysis demonstrate a significant reduction in the share of Web content published in English. Main reasons influenced the situation are of external nature, such as the development of economic and scientific potential of countries like China. Given the aforesaid, we can assume that the topological map of the Internet environment is a metaphor of objective world relations. The correlation of virtual network segments in English, Chinese, Spanish, German, French, Russian and other languages reflects current situation in society, economy and politics in the real world. [9]

In this regard, the virtual knowledge appears to be fragmented as it is represented in different languages over the Internet segments. The access to relevant information, required for successful synthesis of knowledge, assumes that researchers understand languages of advanced scientific research. Proficiency in foreign languages gives researchers an opportunity to navigate the virtual environment while developing their own scientific knowledge using the opportunities of this environment.

Internet navigation, or Web-surfing, is based on a researcher's cognitive map of virtual environment, which is built in his / her mind when consuming different Web content by following lots of hyperlinks. Given that the main conceptual units of Internet cognitive map in the human mind are formed in accordance with individual linguistic worldimage peculiarities, the user shall perform certain mental operations in order to 'transfer' the Web content in foreign languages to his / her cognitive map by means of conceptualization.

Thus, linguistic and topological aspects play an important role when working with virtual knowledge, requiring the Internet user to build his / her own mental map of the Internet environment by conceptualization means of their native language.

References

1. Kalyanov A. V. The theory of space-time continuum from the viewpoint of the natural science knowledge paradigm // The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. – 2012. – # 2. – Pp. 17 – 22.
2. Bedau M. A. Artificial life: organization, adaptation and complexity from the bottom up [Electronic resource] <http://people.reed.edu/~mab/publications/papers/BedauTICS03.pdf> (accessed date 03/28/2016).
3. Boyett, Joseph H. And Jimmie T. Boyett. The Guru Guide to the Knowledge Economy. John Wiley & Sons, 2001. John Wiley & Sons.
4. Gottschalk-Mazouz, N. Internet and the flow of knowledge [Electronic resource] <http://sammel punkt.philo.at:8080/2022/1/Gottschalk-Mazouz.pdf> (accessed date 03/27/2016).
5. Hatchuel, A; B. Weil. La théorie C - K: Fondements et usages d'une théorie unifiée de la conception. Colloque Sciences de la conception [Electronic resource] <http://www.spatial-computing.org/~michel/lib/exe/fetch.php?media=documents-ro:hatchuelweil2002latheorieick.pdf> (accessed date 03/28/2016).
6. Maier, R. Knowledge Management Systems: Information And Communication Technologies for Knowledge Management (3rd edition). Berlin: Springer, 2007.
7. Rooney, D., Hearn, G., Mandeville, T., & Joseph, R. Public Policy in Knowledge-Based Economies: Foundations and Frameworks. Cheltenham: Edward Elgar, 2003.
8. William, James. The principles of psychology [Electronic resource] <https://goo.gl/wFAyYr>
9. Zuckerman, Ethan English is no longer the language of the web [Electronic resource] <http://qz.com/96054/english-is-no-longer-the-language-of-the-web/#> (accessed date 03/28/2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.251

Гайломазова Е.С.

Доктор филологических наук, Ростовский институт защиты предпринимателя

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРАГМАТИКА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ**Аннотация**

Данная статья посвящена категории количества, ее языковой - семантической интерпретации и ее грамматической (морфологической, синтаксической) и деривационной рефлексии в современных языках, которая наряду с категорией аспектуальности, относится к типологически релевантным категориям. Категория количества представляется в языке в двух подкатегориях: в категории именной множественности и в категории глагольной множественности.

Ключевые слова: Квантификация, плюратив, числовые граммемы, дистрибутивное значение, числовое поведение.

Gaylomazova E.S.

PhD in Philology, The Rostov institute of Protection of Businessman

ETHNO-CULTURAL PRAGMATICS OF NUMERALS**Abstract**

Given article is devoted to a category of quantity, its language - semantic interpretation and its grammatical (morphological, syntactic) and derivational reflexivity in the modern languages which along with a category of aspectuality, concerns typologically relevant categories. The quantity category is represented in language in two subcategories: in a category of nominal plurality and in a category of verbal plurality.

Keywords: Quantification, plurativ, numerical grammemes, distributive value, the numerical behavior.

Наличие числительных является общеязыковой универсалией. Этимологии числительных в самых разных языках показывают, что многие из них восходят к словам со значением «много». Общей закономерностью является то, что числительные, обозначающие большие числа, обычно восходят к словам, являющимся названиями вещей, которые встречаются в большом количестве или представляют собой большую массу. Слав. *тъма* означает '10000', санскр. *samudra* ('океан') – '10000000000', *salima* ('морской поток') – '10000000000'. Ср. также интернационализмы типа русск. *мирады*, англ. *myriad*, нем. *Myriaden* и т.д., восходящие к др.-греч. – *μυριάς*, *μυριάδος* – '10000'. Эта этимологическая близость обуславливает широкие возможности использования числительных, обозначающих большие количества, для передачи неточного большого количества типа в общеязыковых гиперболах типа *Слышали сто раз! Миллиард раз тебя просили!*

Характерно также участие числительного в передаче значения интенсивности:

Какой-то скандал, учиненный Александром весной 1881 года, вынудил Чехова написать ультимативное письмо: «Будь ты хоть 100 000 раз любимый человек, я, по принципу и почему только хочешь, не вынесу от тебя оскорблений (А. Кузичева «Чехов»).

В европейских языках числительные выделяются в особую часть речи в составе имен, и их отличительная особенность определяется так: числительные «устремлены в бесконечность», то есть числительные составляют открытое семантическое поле. Если только счетный потенциал не остался неразвитым, в принципе невозможно назвать наибольшее число любой разработанной системы. Вследствие признака открытости непрактично использование отдельных лексических единиц для более чем нескольких низших чисел, тотальная лексикализация слишком громоздка для хранения в памяти или заучивания. Значительный простор для построения сложных и составных числительных обеспечивается тем, что используемые строевые элементы опознаваемы и могут быть интерпретированы с достаточной определенностью, и используемые операции при подборе сложной единицы могут быть декодированы носителем языка.

Долгое время в лингвистике не уделялось должного внимания факту отсутствия полного параллелизма цифр и слов-числительных, различиям в использовании числительных в языке математики и общем языке. Между тем, эти различия весьма существенны. Ноль в натуральном ряду чисел также является числом, тогда как ряд числительных начинается с *одного*. Общенародные естественные языки не располагают особыми нумеративами, соответствующими более абстрактным числовым понятиям математики. Сочетания с числительным *один* в известной мере избыточны, поскольку существительное в таком сочетании способно с помощью флексии передать значение единичности.

Как пишет О.В. Гомонова [2000 : 196], есть случаи, когда необходимо с помощью числительного *один* подчеркнуть количественную характеристику предмета:

... Как это стул достать? Купить?

- Как же, ответил Остап, - не говоря уже о совершенно непроизводительном расходе, это вызовет толки. Почему один стул? Почему именно этот стул? (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Выражение *номер один* частотно в рекламе как указание на высшую степень качества и признания со стороны потребителей. Ср.: «В рекламе реализуется стратегия превосходства рекламируемого товара, поэтому реклама пестрит словами: *новый, лучший, больше, дешевле, первый, революция, открытие, непревзойденный* и т.п. В этот же ряд можно поставить выражения типа *товар номер один в России*; ср. англ. *number one* 'самый важный'.

С помощью наименований чисел не просто производился счет, но и осуществлялись процессы познания мира, национального самопознания и самовыражения. Объективная и универсальная семантика количества трансформируется в конкретном языковом сознании и приобретает культурно обусловленные оценочные смыслы.

Многие из счетных слов насыщены фоновой и коннотативной семантикой: *два* (и существительное *пара*) выступает в значении «мало» (*в двух шагах, от горшка два вершка, пара пустяков*), что, в общем, мотивировано. Не очевидно, почему следующее слово в натуральном ряду чисел - числительное – *три* - уже символизирует «много»:

Наврать с три короба. А числительное *семь* (*семеро*) и вовсе связывается с представлением «очень много»: *семь нянек, работать за семерых, один с сошкой - семеро с ложкой, семеро одного не ждут, семь бед – один ответ, семь раз отмерь, семь верст до небес.* Сема «много» трансформируется у числительного «семь» в значение интенсивности: *семь шкур спускать, за семью печатями, седьмая вода на киселе, семь потов сошло* и под.

В составе ФЕ осуществляется косвенная номинация в фиксированном окружении за счет ассимилирующего воздействия другого слова, предопределяющего то или иное содержание и тем самым семантическую связность реализуемого слова: *пятое колесо, пятая колонна, опять двадцать пять, черта с два, сорок сороков* и под.

Итак, в отличие от нумеративов математического языка с их сигнификативными значениями, числительные общего языка имеют денотативные и даже коннотативные признаки (ср. *семь чудес света, семь смертных грехов*). В различных лингвокультурах различные числительные окружаются ореолом богатых ассоциаций, отраженных в национально специфических ФЕ. У числительных может развиваться фразеологически связанное значение неопределенного (большого или малого) количества: *в двух шагах живет, за семь верст киселя хлебать*. Многие переносные, восходящие к Библии или другим старинным источникам употребления числительных в составе ФЕ являются общими для ряда языков: *in the seventh heaven, seen deadly sins, seven wonders of the world* и под. Ср.:

Я, изо всех сил преодолевая довольно неприятные ощущения (ну, всю жизнь проездить за левым рулем, а тут!), сел за этот самый правый руль, и мы понеслись. С меня сошло семь потов, пока мы добрались до дома... (А. Ширвиндт «Schirwindt, стертый с лица земли»).

Чем более далеки друг от друга лингвокультуры, тем больше имеется между ними нумерологических различий. В работе: [Щуй Хун Ень, 2003 : 15-16] отмечается, что этикетное поведение носителей современной китайской культуры всячески акцентирует определенную нумерологическую ориентацию. Так, китайцы стараются дарить четное количество предметов, чаще - два: две коробки конфет, два торта, шесть персиков, два цветка. В русской культуре два цветка (и вообще четное количество цветов) уместны только на похоронах.

Китайцы в своей жизни всячески стараются избегать числа «три», а число «шесть», напротив, является положительно окрашенным, так как оно омонимично в китайском языке слову «хороший, благополучный, успешный». Утроенную шестерку (666) европейцы и американцы считают «числом дьявола», а с точки зрения китайцев, это число приносит удачу, счастье.

О явной и положительной оценочности нечетных наименований, прежде всего – числа *три*, свидетельствуют поговорки типа *Три перста крест кладут* или *Бог троицу любит*. В английских ФЕ используются числительные *twenty, twenty-four, forty, fifty, ninety, nineteen*, не характерные для русского языка:

He that chastens one, chastens twenty.

Кто обуздает одного, обуздает и двадцать.

Именно эти числительные специфичны для английского языка, в то время как другие (*сто, тысяча / hundred, thousand*) в этой функции используются разными языками. Ср.:

It will be all the same a hundred (thousand) years hence.

Все будет то же самое через сто (тысячу) лет.

В английском языке числительные *dozen, hundred, thousand, million* несмотря на свое конкретное числовое значение, часто употребляются в качестве синонимов местоимения *many*: *dozens of people, hundreds of cars, thousands and thousands*. Например:

In a thousand pounds of law, there's not an ounce of love - «В 1000 фунтов закона нет и унции любви» (вне ФЕ *pound, ounce* – показатели массы, но в сочетании с абстрактными существительными *law, love* они экспрессивно передают большой объем и малую степень).

Помимо определенно-количественных числительных выделяется небольшая группа неопределенно-количественных числительных – *много, мало, немного, немало*, омонимичных наречиям меры и степени. Существенную роль в выборе слова играет дискретность-недискретность квантифицируемого множества: *Он съел немного супа* (недискретное множество) / *Он съел несколько ложек супа* (дискретное множество). Характерно, что слова *мало* и *немного* далеко не всегда синонимичны. Слово *мало* является «пресуппозиционно маркированным» ибо с его помощью сообщается, что квантифицируемое множество меньше, чем ожидалось, а само существование квантифицируемого множества является при этом пресуппозицией. Слово *мало* неупотребительно в собственно экзистенциальных предложениях. Нельзя сказать * *У меня есть мало денег*, но можно *У меня есть немного денег*. Нельзя * *Нет ли у тебя мало соли?* Но можно *Нет ли у тебя немного соли?* Такие предложения неправильны именно потому, что экзистенциальное *есть* сообщает о существовании как о чем-то новом, а наличие слова *мало* указывает на то, что существование входит в пресуппозицию, то есть предполагается заранее. Информационный потенциал слова *мало* отражается и на интонационных характеристиках соответствующих высказываний: *мало* обычно несет на себе логическое ударение. Повтор слова *мало* усиливает значение, то есть *мало-мало* – это меньше, чем *мало*.

К неопределенно-количественным числительным со значением «мало» приближается слово *пара*, которое далеко не всегда идентично числительному *два*. Ср.:

Через пару месяцев, впрочем, у этой служебной и, по совести, давно подлежащей списанию мебели обнаружилась более законная хозяйка – вернувшаяся после годового пребывания в Польше энергичная докторица наших наук (Вл. Новиков «Роман с языком»).

Помимо определенного количества, на выражение которого, прежде всего, нацелено категориальное значение числительного как части речи, числительные участвуют в передаче приблизительного количества. Значение приблизительного количества связано со степенью познания количественных отношений и может быть определено как своеобразная языковая категория, так как оно представляет собой единство составляющих его противопоставленностей. Языковое обозначение приблизительного количества включает в себе более чем одно числовое значение, но в определенном количественном интервале: *там было человек двадцать*. Обозначение

приблизительного количества соотнесено с числом *двадцать* и близкими к нему числами (*девятнадцать*, *восемнадцать*, *семнадцать*, с одной стороны, и *двадцать один*, *двадцать два*. *Двадцать три* – с другой). Причем интервал близких к точке отсчета чисел не имеет каких-то строгих границ. Приблизительное количество тесно связано с идеей близости:

...мне было тогда примерно шесть лет девять месяцев и восемнадцать дней. Утром девятнадцатого дня я узнал, что порох изобрели китайцы. (А. Иванова «Порох» (на прозу В. Катаева)).

Относительно места приблизительного количества в семантической системе количественности существуют различные мнения: его рассматривают как разновидность значения неопределенного количества, как разновидность определенного множества и как самостоятельное количественное значение. Разброс мнений неслучаен, поскольку это значение синкретично по своей природе: одной своей стороной оно соприкасается со значением определенного количества, а другой – неопределенного. Хорошо описаны частные значения приблизительности: указание на начальный предел, на конечный предел, на количественный промежуток, на серединную точку отсчета и т.д.

Для выражения приблизительного количества отсутствуют специализированные (отдельные) лексические единицы, оно передается с помощью специальных схем и синтаксично по своей природе. Во всякой конструкции со значением приблизительного количества выделяются два компонента: 1. компонент, заключающий в себе идею о том или ином определенном количестве; 2. аппроксиматор (показатель приблизительности) – например, инверсия числительного и существительного: ср. *пришло двадцать человек* и *пришло человек двадцать*.

Семантика конструкций приблизительного количества зависит от характера компаратива, ср. невозможность сочетаний:

* *Ждали мы недолго, больше часа, До города далеко, менее сорока километров.*

То есть, идея ‘немного’ реализуется в сочетании с компаративом *менее*, идея ‘много’ – в сочетании с компаративом *более*. Таким образом, одни конструкции приблизительного количества заключают в себе только значение приблизительности (*около двадцати лет*), другие, помимо приблизительности, выражают оценку по шкале «много/мало».

Ср. переводческое решение относительно выражения *many businesses*

Before ten minutes had sped the captain with a dozen men stole with their guide into the hallway of a dark and virtuous-looking building in which many businesses were conducted by day (O. Henry “Little Speck in Garnered Fruit”)

И десяти минут не прошло, как капитан и двенадцать его подчиненных, следуя за своим проводником, уже входили в подъезд темного и вполне благопристойного с виду здания, где в дневное время вершили свои дела с десятков солидных фирм (пер. Е.В. Карпенко);

Порядковые числительные, помимо определено-порядковых значений, способны передавать неопределенно-порядковые и градационные значения:

Судя по известной снововке, они трудились там не первый час... (Л. Леонов «Русский лес»).

Переосмыслениям подвергаются порядковые числительные, как правило, первого десятка: *первый ученик, первая красавица, третий сорт, пятая колонна, пятая спица в колеснице, пятое колесо, четвертая власть* (пресса), *дело десятое, двое дерутся - третий не подходи, до седьмого пота* и под. Порядковые числительные в составе таких фразеологически связанных порядково-именных словосочетаниях имеют качественную сему (ср. *пятое колесо* ‘не главный, никому не нужный, лишний’, *тренировка, до седьмого пота* ‘до изнеможения’ и т.п.). В сочетании *третий сорт* у порядкового числительного совмечаются количественная (‘третий в счетном ряду после первого и второго’) сема и качественная (‘не лучшего качества’).

Форма множественного числа порядкового числительного может передавать множество с маркированным (ассоциативным) подмножеством:

Тридцать седьмые годы чудом не задели. Загадка (В. Некрасов «Трагедия моего поколения»).

Прагматика производных субстантивов *двойка, тройка, четверка, пятерка* определяется традиционной российской пятибалльной системой оценки успеваемости (*двойка* - ‘плохо’; *пятерка* - ‘отлично’). А.Д. Шмелев обратил внимание на то, что числительные *два, три, четыре, пять* в значении оценки успеваемости имеют редуцированные парадигмы, включающие только три падежа: именительный, родительный и винительный, ср.: *Он гордится пятеркой по математике*, но * *Он гордится пятью по математике*. Слово *десяток* чаще всего передает неопределенное количество, близкое к десяти.

Интересный пример эквивалентности функций количественных и порядковых числительных при нумерации дает сравнение русского и английского *узуса* в этом плане: в английском языке более естественно использование при нумерации количественных числительных: *chapter five, page seven, bus (rout)eleven, in (the year) nineteen hundred and forty-five*, при большей естественности порядкового числительного в аналогичном случае в русском языке: *пятая глава, седьмая страница, одиннадцатый автобус (маршрут), в тысяча девятьсот сорок пятом году*.

Распространение аналогичных моделей в русском языке справедливо расценивается как опосредованное влияние английского языка и процессов глобализации в целом.

Литература

1. Цуй Хун Ень Семантика наименований чисел в русском и китайском языках (лингвокультурологический аспект). Автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003.
2. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

References

1. Cui Hong Yan Semantics of the titles of numbers in Russian and Chinese languages (linguistic-culturological aspect). Author. ... candidate. doctor of Philology. Sciences. Krasnodar, 2003.
2. Shmelev A. D. Russian language and extralinguistic reality. M.: Languages of Slavonic culture, 2002.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.283

Гареева Л.М.

ORCID: 0000-0001-8046-9762, кандидат филологических наук,

Уральский государственный университет физической культуры

СИНОНИМИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*Аннотация*

В статье рассматриваются особенности синонимических и вариационных отношений лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке, предлагаются критерии разграничения единиц-синонимов и единиц-вариантов. В качестве примера представлена семантическая классификация релятивных единиц со значением причины, даны обоснования принадлежности единиц к синонимам либо вариантам. Среди предлогов различной структуры выделяются фонетические, компонентные, морфологические, словообразовательные, квантитативные (количественные) варианты.

Ключевые слова: синоним, вариант, предлог, синонимический ряд, синонимико-вариационный ряд.

Gareeva L.M.

ORCID: 0000-0001-8046-9762, PhD in Philology, Ural state University of physical culture

SYNONYMY AND VARIABILITY OF THE PREPOSITIONS IN RUSSIAN MODERN LANGUAGE*Abstract*

The article deals with the peculiarities of synonymic and variational relations of lexical and phraseological prepositions in Russian modern language, suggests criteria for distinguishing units-synonyms and units-variants. As an example, the semantic classification relative units with a value of the reasons given to justify the affiliation of units to synonyms or variants. Among the various pretexts structure are phonetic, component, morphological, word-formative, quantitative (quantitative) options.

Keywords: synonym, variant, preposition, synonymic row, synonymic and variational row.

В любом языке мира существуют различные способы выражения тождественного содержания. Синонимические и вариантные (вариационные) отношения относятся к основным способам системной организации элементов языка на уровне парадигмы и синтагматики.

Явления синонимии и вариантности единиц языка связаны с прагматической стороной языка, непрерывным развитием и совершенствованием речевых средств, их номинативных и стилистических функций.

Большинство исследований по данной проблеме в русском языкознании посвящено единицам самостоятельных (знаменательных) частей речи и фразеологическим единицам (работы Н. М. Шанского, В. М. Солнцева, Р. П. Рогожниковой и др.). Синонимические и вариационные связи предлогов различной структуры на данный момент остаются не в полной мере освещенными.

Синонимические и вариационные отношения единиц обнаруживаются на всех уровнях языковой системы. Для выявления их специфики в различных звеньях языка необходимо их изучить в ракурсе варьирования единиц на уровне фонетики, лексики и грамматики.

Системные связи единиц-релятивов являют собой многогранное явление (по сравнению с аналогичными связями слов знаменательных), потому как релятивные значения, которые передаются с помощью предлогов, поистине безграничны. Их семантика отражает все существующие связи между предметами, признаками, процессами и состояниями. В синтаксических отношениях служебных слов проявляются разнообразные смысловые и стилистические оттенки, влияющие на выбор определенного предлога [5].

Проблема дифференцирования синонимов и вариантов также представляется актуальной для современного языкознания. Л. В. Кропотова называет критерии разграничения синонимии и вариантности с помощью применения анализа распределения по текстам вариантных и синонимических явлений с их последующей гипотетической стилистической интерпретацией. Семантическое варьирование языковой единицы основано на нетождественности плана содержания при тождестве плана выражения, формальное варьирование – на нетождественности плана выражения при тождестве плана содержания [2, с. 160].

В кругу вариантных лексических и фразеологических предлогов различной структуры выделяются следующие разновидности: фонетические, компонентные, морфологические, словообразовательные, квантитативные (количественные). Из лексических предлогов наиболее часто встречаются фонетические варианты (которые различаются одним-двумя звуками), среди фразеологических – компонентные и словообразовательные.

Синонимичные и вариантные единицы можно разграничивать по нескольким признакам. К первым относятся полностью или частично совпадающие в семантике единицы, которые имеют полностью или частично совпадающую сочетаемость слева (с управляющим словом) и справа (с управляемым словом), оформляющие один падеж, различающиеся семантически или стилистически и взаимозаменяемые не во всех контекстах. Ко вторым отнесем предлоги, полностью тождественные по семантике, стилистической маркировке и сочетаемости, обладающие способностью к взаимозаменяемости в любых контекстах [1].

В синонимический ряд входят только предлоги-лексемы, только фразеологизмы или он может быть комбинированным (включать и те, и другие). Обычно в такие ряды входят и вариантные предлоги, поэтому они являются синонимико-вариационными.

Для иллюстрации такого рода системных связей предлогов приведем ряд, объединенный общим групповым значением указания на каузальные отношения.

Каузальное (причинное) значение проявляется в языке как необходимое основание, порождающий (предопределяющий) фактор, побочный (сопутствующий) фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, предпосылка, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул [3].

Среди предлогов с каузальным значением нами были выделены восемь подгрупп, среди которых четыре синонимических ряда, два синонимико-вариационных и два ряда предлогов промежуточного типа (находящихся на этапе перехода от синонимов к вариантам).

1. Синонимико-вариационный ряд предлогов, указывающих на прямую причину чего-либо: *из-за* (кого, чего) – в 4-м значении [3], *от* (чего) – в 6-м значении [3], *ввиду* (чего), *силой* (чего) – *силою* (чего), *по причине* (чего), *в силу* (чего), *на почве* (чего). Предлоги данной подгруппы имеют смысловые нюансы и являются синонимами, за исключением единиц *силой* (чего) – *силою* (чего), являющихся фонетическими вариантами.

2. Синонимический ряд предлогов, обозначающих причину, приводящую к положительному результату: *благодаря* (кому, чему) – в 1-м значении [3], *по милости* (кого, чего) – в 1-м значении [3]. Эти единицы выражают причинно-следственные отношения. Единицы данного ряда частично совпадают в сочетаемости, употребляются с разными падежами и не являются взаимозаменяемыми. Предлог *благодаря* (кому, чему) употребляется и с одушевленными, и с неодушевленными существительными, как с конкретными, так и с отвлеченными. Предлог *по милости* (кого, чего) употребляется в основном с одушевленными существительными. Предлог *благодаря* (кому, чему) является самым продуктивным.

3. Синонимический ряд релятивов, обозначающих причину, приводящую к отрицательному результату: *благодаря* (кому, чему) – во 2-м значении [3], *по милости* (кого, чего) – в 2-м значении [3], *по вине* (кого, чего). Две первые единицы содержат сему переносного значения, но не могут быть взаимозаменяемы из-за употребления с разными падежами. Предлог *благодаря* (кому, чему) в этом ряду (как и в предыдущем) является наиболее употребительным.

4. Вариантные единицы, обозначающие вынужденную внутреннюю причину: *за неимением* (кого, чего) и *за отсутствием* (кого, чего). Предлоги ряда полностью тождественны по семантике, стилистической окраске, употребляются с родительным падежом, совпадают в сочетаемости, способны к взаимозаменяемости в любом контексте.

5. Синонимико-вариационный ряд фразеологических релятивов, употребляющихся при указании на вынужденную внешнюю причину: *под влиянием* (кого, чего), *под воздействием* (кого, чего), *под давлением* (кого, чего), *под действием* (кого, чего), *под натиском* (кого, чего). Ряд содержит словообразовательные варианты *под воздействием* (кого, чего) и *под действием* (чего). Остальные единицы ряда различаются в семантике (по степени интенсивности воздействия) и в сочетаемости.

6. Предлоги, обозначающие указание на вымышленную причину *под предлогом* (чего) и *под видом* (чего) – во 2-м значении [3] были нами определены как переходное явление от синонимических предлогов к вариантным. В значении вымышленной причины чаще употребляется первая единица, а вторая является многозначной (чаще употребляется в объектном значении).

7. Синонимический ряд релятивных единиц, указывающих на событие, ставшее причиной для какого-либо действия: *по случаю* (чего) – в 1-м значении [3], *по поводу* (чего) – в 1-м значении [3], *в связи с* (чем), *в ознаменование* (чего). Предлоги этого ряда обладают дифференциальными признаками, отличающими каждую из них от всех прочих. Предлоги-фраземы *по случаю* (чего) – в 1-м значении, *по поводу* (чего) и *в ознаменование* (чего) указывают чаще всего на событие, являющееся знаменательным, а у единицы *в связи с* (чем) наиболее широкое значение и сочетаемость. Все единицы данного ряда являются книжными.

8. Синонимический ряд предлогов, обозначающих указание на причинно-следственную связь: *вследствие* (чего), *в итоге* (чего), *в результате* (чего). Эти единицы имеют общее причинно-следственное значение, однако обладают различной сочетаемостью. Так, предлоги *вследствие* (чего) и *в результате* (чего) органично сочетаются со словом *дождь*. Ср.: *В результате затяжного дождя разрушена дамба* (Комсомольская правда. 2012, сентябрь). В данном контексте единица *в результате* (чего) легко заменяется на предлог *вследствие* (чего) без нарушения смысла, а предлог-синоним *в итоге* (чего) здесь применить нельзя. То есть названные единицы не могут взаимозаменяться и поэтому не являются вариантами. Предлог *в результате* (чего) обладает наиболее широким кругом сочетаемости и поэтому в речи является самым продуктивным.

Синонимические и вариационные отношения единиц релятивной семантики столь же распространены, сколь и такого рода системные отношения самостоятельных слов. Сложность состоит в том, что их лексическое или фразеологическое проявляется специфически, в органической связи со значением имени. Выбор определенной релятивной единицы помогает точнее передать различные смысловые и стилистические тонкости, сделать нашу речь более красочной, а потому исследование подобных языковых явлений представляется интересным и актуальным.

Литература

1. Гареева, Л. М. Синонимико-вариационные отношения предлогов с обстоятельственным значением в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Гареева. – Челябинск, 2012. – 211 с.
2. Кропотова, Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (4). – С. 157-161.
3. Малый академический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1-4.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты : монография / В. Н. Телия. – М.: Школа "Язык русской культуры", 1996. – 288 с.
5. Шиганова, Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке : монография / Г. А. Шиганова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.

References

1. Gareeva L. M. Sinonimico-variatsionniye otnoshehiya predlogov v sovremennom russkom yasyke : dis. ... kand. filol. nauk [Synonymic and variational relations of the prepositions with adverbial value in the modern Russian language]. Cheljabinsk, 2012. (In Russ.).

2. Kropotova L. V. Problema razgranicheniya sinonimii i variantnosti [The problem of differentiation of synonymy and variance]. Philologicheskiye nauki. Voprosi teorii i praktiki [Philology. The theory and practice], 2009, no 2, pp. 157-161. (In Russ.).

3. A small academic dictionary of the Russian language. – M.: Russian language, 1999. – T. 1-4.

4. Teliya V. N. Russkaya fraseologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekti [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.).

5. Shiganova G. A. Sistema lexicheskikh i fraseologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yasyke [The system of lexical and phraseological prepositions in the modern Russian language]. Cheljabinsk, 2012. 454 p. (In Russ.).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.235

Гареева Г.Н.

Доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ДРАМАТУРГИИ МУСТАЯ КАРИМА

Аннотация

Проблема духовной свободы личности, свободы любви, нравственный выбор человека в сложнейших жизненных обстоятельствах, поднятые в драме Мустая Карима «Страна Айгуль», в трагедиях «В ночь лунного затмения», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!», решаются в каждом из этих произведений по-новому, высокохудожественно, эстетически действенно и философски глубоко. Ответственность человека за свои поступки, внутренняя свобода выбора жизненной, гражданской позиции поставлены во главу угла в драме М.Карима «Страна Айгуль». Герои трагедий Акъегет, Салават и Прометей своим отважным, героическим поступком утверждают идею самоотверженной, бескомпромиссной борьбы за высокие гуманистические цели.

Ключевые слова: духовная свобода, средства психоанализа, гражданская позиция, нравственный выбор, цельная натура, конфликт, противоречивость внутреннего состояния

Gareeva G.N.

PhD in Philology, Full Professor, Bashkir State University

THE PROBLEM OF SPIRITUAL FREEDOMS IN DRAMA OF MUSTAI KARIM

Abstract

The problem of spiritual freedom of the individual, freedom, love, moral choices a person in difficult circumstances raised in the M.Karim's drama "Country Aigul" tragedies "On the night of the lunar eclipse", "Salavat", "Do not leave the fire, Prometheus!", Decided in each of these works in a new, highly artistic, aesthetically powerful, and philosophically profound. The responsibility of man for his actions, the inner freedom to choose life, civil position at the forefront in the M.Karim's drama "Country of Aigul". Heroes of tragedies Akeget, Salavat Prometheus and his daring, heroic act claimed the idea of dedicated, uncompromising struggle for the high humanistic goals.

Keywords: spiritual freedom, the means of psychoanalysis, citizenship, moral choice, of integrity, conflict, contradiction internal state.

Проблема духовной свободы личности, свободы любви, нравственный выбор человека в сложнейших жизненных обстоятельствах – красной нитью проходила по всему творчеству всемирно известного писателя, драматурга, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, Народного поэта Башкортостана Мустафы Сафича Каримова – Мустая Карима. Ответственность человека за свои поступки, внутренняя свобода выбора жизненной, гражданской позиции, поставленные во главу угла в драме М.Карима «Страна Айгуль» (1964), предопределило широкое использование различных средств психоанализа. Глубокая человеческая трагедия Зухабиры начинает раскрываться на сцене ее встречи с подругами детства, которые не признают ее. В монологе Залифы выносится горькое, но справедливое обвинение: «Мы мир делим пополам – только на две части: белое и черное, на друга и врага, на добро и зло, на жизнь и смерть. Мы все четверо – вдовы. Мужья наши, воюя против врага, ушли в землю. Как твой первый, родной муж, Зухабира ... То, что привезла его с собой (синьора Пиккио – Г.Г.) задевает нашу честь и память тех, кто лежит в земле вдалеке от этих краев. ... Ты сама должна просить прощения, если сможем простить. Вот так-то, Зухабира, глаза наши узнали тебя, душа – нет. ... Твои страдания, твои раны страшны, то, что ты видела, пережила и вся твоя судьба ужасны, Зухабира. Однако, все это дает ли право променять Родину на чужбину, своих людей на чужих людей?». Ни принять подарков, ни простить, что она вышла замуж за итальянца – за синьора Пиккио они не могут. Этот их поступок вызывает в душе Зухабиры тяжкие переживания. Но самые драматичные и даже трагичные переживания ждут героиню впереди: ее желанию увезти дочь Айгуль в Италию воспрепятствуют все – и подруги детства, и Ричард, и родной дядя Ягафар, все односельчане. Зухабира самоотверженно бросается в нравственно- психологический поединок за свою дочь, отстаивает право матери за своего ребенка, но Ягафар ей спокойно отвечает: «На нашей стороне – право Родины, право земли и воды, право вон того солнца». Зухабира внешне остается такой же настойчивой, твердой, но внутренне она чувствует свою неправоту, свое поражение. Но и Ягафар, и Ричард, и Залифа, Банат, Минлекей, Гульсира не собираются вопреки воле, желанию Айгуль насильно оставить ее на родине. Право выбора: остаться на родной земле или уехать с родной матерью на чужбину - подвергает Айгуль долгим, мучительным переживаниям, противоречивым мыслям, чувствам. После тяжелого психологического процесса, происходящего во внутреннем мире, она решает остаться на своей родине. Это ее осознанное, самостоятельное, с большим трудом достигнутое ею решение воспринимается как поступок повзрослевшего за короткий, но очень напряженный, психологически

сложный промежуток времени человека, и умом, и душой постигшего одну из главных истин жизни: Родина-мать дороже всего, даже родной матери¹.

Благодаря показу процесса течения психологического процесса со всеми его противоречивыми мыслями, чувствами, переживаниями, окончательное решение Айгуль, которая жила до этого только мечтой о матери, страстным желанием найти ее и больше никогда не потерять, воспринимается мотивированным, убедительным поступком личности, достойно прошедшей испытание на прочность гражданского созревания.

В трагедиях М.Карима «В ночь лунного затмения», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!» главным героям Акъегету, Салавату и Прометею присуще единство мысли и чувства, разума и сердца. В трагедии «В ночь лунного затмения» (1965) проблема свободы личности, свободы любви и острейший конфликт, возникший в процессе разрешения этой проблемы, в первую очередь, решается на примере поступков и помыслов Акъегета. Акъегет – цельная психологическая натура с развитым чувством собственного достоинства, идущего наперекор устаревшим, изжившим себя канонам патриархально-общинного строя, сознательно вступающего в неравную борьбу, в смертельную схватку. Будучи внутренне свободной личностью, Акъегет активен в своих действиях, ему не присущи раздвоенность, колебания, раскаяния. Образ его матери Танкабики-бейбисе, наоборот, соткан из многочисленных противоречий, душевных терзаний, внутренних колебаний. В Танкабике живут два противоположных человека: Танкабика-мать, когда-то в молодости сама испытавшая огромную любовь и понимающая лучше всех остальных душу своего сына Акъегета, от всего сердца желает сыну счастья, со всеми силами стремится сохранить ему жизнь, уберечь непокорного, гордого, свободного духом сына от неминуемой гибели².

И властная, сильная Танкабика-бейбисе, раба своего положения в обществе, раба духа, раба адата, которая вынуждена соблюдать бесчеловечные, жестокие законы этого строя. Она правит своим родом, опираясь на эти каноны, и не может и не хочет отменить их даже ради спасения своего любимого сына. Разлад между чувством и долгом, умом и сердцем вызывают у героини огромные психологические коллизии, душевную борьбу, неразрешимый конфликт внутри себя. М.Карим в потрясающем глубоком психологическом ракурсе показывает удручающее душевное состояние Танкабики, превращение в финале гордой, самостоятельной, привыкшей повелевать людьми женщины в бессильную, окончательно сломенную.

В контрастном плане более выпукло раскрывается психологическое состояние Дервиша, раздвоенность его личности, противоположность его состояния, психологическая борьба между внешней кажущейся святостью, духовной отрешенностью и внутренней мирской обездоленностью, убогостью. Дервиш, всю жизнь ратовавший за веру во Всевышнего, в финале испытывает огромное разочарование, понимает всю бессмысленность своего занятия.

В трагедии Мустая Карима «Салават» (1971) легендарный герой-борец, поэт-импровизатор Салават Юлаев в заточении вспоминает героические страницы борьбы вместе с Емельяном Пугачевым, Укапом, Канзафаром Усаевым. Он напряженно размышляет о прошлых славных деяниях и трагическом положении народа после поражения, после жестокой казни повстанцев – доли и леса, поля и горы объаты пламенем, народ в крови и горестных слезах. Контрастное противопоставление – на одной стороне победный гул Крестьянской войны, а на другой кандалный звон пленных повстанцев – служит наиболее выпуклому показу психологического состояния героя. За прошлые героические битвы с врагом Салават испытывает огромную гордость. В то же самое время, за принесенные отчужденные беды, он переживает душевные муки, он считает себя ответственным, потому что первым поднял меч, песней, словом, призывным кличем вовлек народ в героическую- трагическую битву. Герой мучительно ищет ответа на вопрос о правомерности такого отчаянного шага, казнит себя за огромную расплату, принесенную народом за желание жить свободно. Душевные терзания Салавата в трагедии психологически глубоко раскрываются в его монологах, полных противоречивых мыслей, чувств, вопросов, повторов, в диалогах-спорах с Карателем. Но вопреки бедам, которыми обернулось восстание, вопреки собственным мучительным, неотступно преследующим его сомнениям, вопреки угрозам, мести, лести, обещаниям со стороны Карателя, Салават утверждает в правоте своего выбора, это чувство правоты не оставляет героя до последнего мгновения жизни.

Прометей из трагедии «Не бросай огонь, Прометей!» (1975) своим отважным, героическим поступком также утверждает идею самоотверженной, бескомпромиссной борьбы за высокие гуманистические цели. В своем желании принести огонь людям Прометей непреклонен, будучи психологически цельной, целеустремленной личностью, он стоит выше всяких колебаний и противоречий, титанический герой не идет ни на какое соглашательство и примиренчество. Вступая в борьбу с Зевсом, с владыками мира, Прометей заранее знает о грозящих ему муках, но, тем не менее, сознательно идет навстречу опасности и героически стойко принимает на себя последствия своего деяния. В противовес ему Гефест, вынужденный покориться воле богов и приковать Прометея к скале, испытывает огромные муки за свое безволие, за повиновение, за рабство души, за неспособность противостоять, бороться за справедливость. Образ Гефеста разработан драматургом в глубоко психологическом плане.

Литература

1. Гайнуллин М.Ф. Действительность. Конфликт. Характер. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1974. – С. 235.
2. Кильмухаметов Т. А. Драматургия и драматурги. – Уфа: Башкирское книжное издательство. 1986. – С. 205.

References

1. Gajnullin M.F. Dejstvitel'nost'. Konflikt. Harakter. - Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. - S. 235.
2. Kil'muhametov T.A. Dramaturgija i dramaturgi. - Ufa: Bashkirskoe unizhnoe izdatel'stvo. 1986. - S. 205.

¹ Гайнуллин М.Ф. Действительность. Конфликт. Характер. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1974. – С. 235.

² Кильмухаметов Т. А. Драматургия и драматурги. – Уфа: Башкирское книжное издательство. 1986. – С. 205.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.280

Голованова М. А.

Доктор филологических наук, Астраханский государственный университет
**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Аннотация

В статье описывается и предлагается к использованию когнитивно-дискурсивный метод анализа художественного драматургического текста, применяемый при определении коммуникативно-когнитивного пространства драмы. Метод включает приёмы функционально-смыслового и коммуникативно-прагматического характера. Он предусматривает определение базового предмета изображения и ключевого концепта, а также языковых средств, которые используются при реализации соответствующих коммуникативных стратегий и тактик. Выявление механизмов участия всех названных составляющих в генерации драматургического дискурса составляет суть предложенного метода.

Ключевые слова: концепт, языковое средство, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Golovanova M. A.

PhD in Philology, Astrakhan State University

COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF THE ART OF DRAMATIC METHOD TEXT

Abstract

The article describes and proposes the use of cognitive-discursive method of analysis of the art of the dramatic text that is used in determining the communicative and cognitive space drama. The method includes methods of functional-semantic and communicative-pragmatic. It provides a basic definition of the subject image and the key concepts, and linguistic resources which are used in the implementation of appropriate communication strategies and tactics. Identification of mechanisms for participation of all these components in the generation of dramatic discourse is the essence of the proposed method.

Key words: concept, linguistic means, communicative strategy, communicative tactics.

Задача описания коммуникативно-когнитивного пространства драмы сталкивается с необходимостью обращения к специфическим средствам анализа драматургического текста. Помимо известных общепилологических (интерпретация текста, анализ, синтез) и частных лингвистических: описательный, метод концептуального анализа, отдельные приёмы количественно-симптоматического метода – требуется реализация особого подхода, что обусловлено природой диалогической коммуникации в атмосфере драматургического дискурса. Сущность драматургического дискурса предопределяет систему приёмов, образующих когнитивно-дискурсивный метод, и алгоритм исследования драматургической дискурсивной ситуации.

Исследование коммуникативно-когнитивного пространства драмы базируется на лингвофилософских идеях, положениях и категориях: учение о языковой личности как субъекте речепорождения, текстообразования и речевосприятия, декодирования когнитивных структур; философская категория деятельности, составной частью которой является познавательная и речевая деятельность человека; базовые категории когнитивной лингвистики; теория дискурса; теория коммуникации и теория речевого воздействия; научные дискуссии о структуре и динамике разговорного диалога; теория лингвистического анализа текста; концепция полевой организации лексического значения слова. Отмеченное многообразие точек зрения, с которых рассматривается данный феномен, требует некоей обобщающей позиции, или инструмента, способного отвечать широким требованиям многогранного исследования.

Предложенный нами в работе [1, 16-17] когнитивно-дискурсивный метод в качестве составляющих включает следующие приёмы функционально-смыслового и коммуникативно-прагматического характера:

1. Извлечение (с помощью моделирования элементарных пропозиций) текстовой и внетекстовой информации о дискурсивной ситуации, которая названа нами *дискурсообразующей (объективной) реальностью автора*. Это сведения об исторических и идиостилевых условиях создания текста, которые составляют в драматургическом тексте *базовый предмет изображения*.

2. Выявление и дискурсивная интерпретация базовых *когнитивных структур* (макроконцепта, концептов и субконцептов), служащих передаче смыслового содержания текста.

3. Семантизация *языковых единиц*, объективирующих в тексте ранее выявленные когнитивные структуры.

4. Установления *смыслового варьирования высказывания*, в котором лексемы и фразеологические сочетания, вступая в лексико-фразеологические конфигурации, участвуют в самых разных семантических приращениях, отражающих мнения и ценностные установки участников драматургического диалога.

5. Дискурсивная интерперетация актуальных коммуникативных действий, реализующих *речевые стратегии и тактики*, организующие коммуникативно-когнитивное пространство драматургической коммуникации и позволяющие адекватно воспринимать перформативную информацию и обстоятельства, сопровождающие то или иное событие.

6. Приём коммуникативно-прагматического и лингвокультуроло-гического *обобщения* полученных ранее (пп. 1-5) сведений для целостного осмысления анализируемого фрагмента драматургического дискурса.

Отмеченные приёмы составляют алгоритм исследования любой дискурсивной ситуации. Следует указать, что под *драматургическим дискурсом* нами понимается речемыслительное пространство событийного характера, которое обычно образуется вокруг дискурсивно обусловленного макроконцепта, в результате чего создаётся смысловое содержание, включающее в себя информацию о субъектах речемышления, объектах, обстоятельствах и о пространственно-временных координатах. Исходной структурой дискурса служат последовательно выстроенные элементарные пропозиции. Элементами коммуникативно-когнитивного пространства драмы являются сами события, их участники, перформативная информация и обстоятельства, сопровождающие события. Под

коммуникативно-когнитивным пространством, следовательно, следует понимать такое пространство, в котором наряду с речевыми высказываниями органично сосуществуют следующие внеязыковые категории: знание мира, события, мнения, ценностные установки.

1. Иллюстрация положений разработанного метода должна, по нашему мнению, привлечь внимание к специфике филологического исследования, в формате которого находится осмысление дискурса драмы, и способствовать развитию аспектов большинства из тех направлений научной мысли, которые составили его методологическую базу. Обратимся к дискурсивной ситуации из пьесы М. Шатрова «Брестский мир»: путём голосования на заседании ВЦИК в 1918 году большевики принимают решение о признании поражения России в войне с Германией, выходе из войны, заключении мира. Драматургический текст *документален*, содержит выдержку из соответствующей стенограммы, педантично передаёт протокольную формулу обращения председателя к каждому члену, ответ-позицию каждого члена ВЦИК: «С в е р д л о в. *Требуя абсолютной тишины. Акулов? А к у л о в.* За мир. С в е р д л о в. Карахан? К а р а х а н. За мир! ... С в е р д л о в. Каховская? К а х о в с к а я. Против! С в е р д л о в. Штейнберг? Ш т е й н б е р г. Против! <...>» Данный фрагмент текста занимает четыре страницы пьесы. Автором преследуется цель воссоздания объективной реальности изображаемого. Идиостилевой компонент М. Шатрова обуславливает приверженность к документализации драматургического текста, исторической правде, посредством чего *базовый предмет изображения* – политический спор – представлен реалистично. Эксплицитное преподнесение текстовой информации об изображаемом историческом событии вкупе с открытым доступом к общеизвестной внетекстовой информацией о нём позволяют сделать вывод об открытости позиции автора, его интенции предоставить читателю такие форматы знания читателю, которые позволят ему без затруднений произвести коммуникативно-когнитивную обработку поступившей информации.

2. В связи с этим реализация второго шага предложенного метода, т.е. выявление и дискурсивная интерпретация базовых *когнитивных структур* (макроконцепта, концептов и субконцептов), служащих передаче смыслового содержания текста, в данном случае происходит без затруднений. Макроконцепт «Политический спор» объективируется в воссозданном полилогическом построении при рассмотрении диалогических единств – вопросно-ответных единств постоянного пропонента Свердлова и сменяющихся пропонентов – членов ВЦИК. Несмотря на то что актант Свердлов не находится в оппозиции к участникам голосования, а лишь выполняет функцию его ведущего, ему придана специфическая дискурсивная роль скрепляющего элемента в полиэпизодических коммуникативных событиях, на которые распадается весь протокол голосования. Объективация макроконцепта «Политический спор» осуществляется посредством эксплуатации концепторов различного плана (ввиду ограниченности места приведём минимум примеров): лексем и их сочетаний (*против, за, отказываюсь голосовать, браво, позор* и др.), перформативной формы (*требую абсолютной тишины, отказываюсь голосовать, выступаю за мир, прошу тишину* и др.), предикативных единиц (*Ленин молчит; Никто не отвечает. и др.*).

3. Семантизация языковых единиц, объективирующих ранее выявленные когнитивные образования (концепты), позволяет углубить анализ. Так, лексема *позор* в диалогической реплике: «Хор взрывается криками: Браво! Позор! Тише!») посредством осмысления, обнаружения её значения в коммуникативном диалогическом эпизоде раскрывает потенциал номинативной оценочно-бытийной синтаксической конструкции. Данная лексема выражает позицию одной из спорящих сторон, вступая в антитетические смысловые отношения с контактной лексемой *браво*, усиливает прагматическую функцию синтаксической конструкции, которая образована на основе лексемы *позор*. Позор – «бесчестное, постыдное, унижительное положение» [2, 547]; «бесчестье, постыдное для кого-нибудь положение, вызывающее презрение [3, 434]; синонимический ряд: бесславие, бесчестье, стыд, срам, срамота, стыдоба, сором [4, 213]. Словарные дефиниции позволяют говорить о «монотности» лексического значения, невозможности выделить разнообразные компоненты значения. Следствием этого является большая семантическая определённость, сопутствующая выражаемой позиции одной из сторон в политическом споре.

4. Установление *смыслового варьирования высказывания*, в котором лексемы и фразеологические сочетания, вступая в лексико-фразеологические конфигурации, участвуют в самых разных семантических приращениях, отражающих мнения и ценностные установки участников драматургического диалога, реализуется для воспроизведения всего спектра смыслов, составляющих дискурсивную ценностно-смысловую среду. Так, фрагмент речи персонажа Бухарина содержит *метафорическое* выражение *«решение, которое ... расстреливает нашу революцию»*, требующее пояснения. Оно может быть растолковано как носитель двух смыслов: 1) нивелирует достижения революции; 2) ослабляет потенциал её инициаторов. Контекст анализируемого полилога позволяет говорить о приоритете первого смысла. Контактное размещение *антитетических* реплик разных коммуникантов: *Позор!* и *Браво!* – свидетельствует о полярности мнений участников политического спора. Указанное языковое средство призвано исключить возможность смешения позиций участников политического спора.

5. *Коммуникативные тактики и стратегии* выявляются, благодаря предварительно произведённому установлению базового предмета изображения (политический спор), семантизации, установлению смыслового варьирования высказывания, определению языковых средств. Дискурсивная интерпретация актуальных коммуникативных действий приводит к выводу, что ведущей коммуникативной стратегией участников полилога-голосования является *стратегия дискредитации* политической позиции оппонентов. Реализация её происходит посредством проведения разных тактик, например, *тактики обличения* в реплике *Позор!* и *тактики поддержания* проводимой политики в реплике *Браво!* Первая реализуется посредством актуализации валюатива (осуждения), последняя – эмоционально-личностного экспрессива (похвалы).

6. Целостное осмысление анализируемого фрагмента драматургического дискурса позволяет сделать выводы о том, что коммуникативно-когнитивный потенциал автора текста направлен на проведение идеи об остроте политического спора как базового предмета изображения, отражённого в художественном тексте.

Таким образом, предлагаемый метод когнитивно-дискурсивного анализа драматургического текста позволяет производить комплексное выявление коммуникативно-когнитивного пространства драмы. В его основе лежит механизм

выявления всех составляющих сложной архитектуры драматургического дискурса – лингвистических средств и экстралингвистических факторов диалогического общения. Теоретическое и практическое значение предлагаемого метода заключается в определённом вкладе в теорию и практику лингвистического функционализма, позволяющего определять художественно-эстетический потенциал слова в аспекте взаимодействия языка, познания и культуры.

Литература

1. Голованева М. А. коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века / Дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, ВГСПУ, 2013. – 450 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 3. – М.: Просвещение, 2000. – С. 434.
4. Александрова З.Е. Словарь синонимов. – М.: Дрофа, 2010. – 576 с.

References

1. Golovaneva M. A. Communicative and cognitive space of Russian drama of the late twentieth century / Diss. ... Doctor. Philology. Sciences. – Volgograd, VGSPU, 2013. – 450 p.
2. Ozhegov SI Russian dictionary. – M.: Eng. lang, 1989. – 924.
3. Explanatory Dictionary of the Russian language: 4 volumes / ed.. D. N. Ushakova. – T. 3 – M.: Education, 2000. – S. 434.
4. Alexandrova Z. E. Synonym dictionary. – M.: Bustard, 2010. – 576 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.301

Горячева О. Н.¹ Гунько О.Г.²

¹ Кандидат филологических наук, Scopus Author ID: 56296843600,

² Кандидат филологических наук, Набережночелнинский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета

ЭКСФОРМАЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация:

В статье исследуется проблема эксформации в средствах массовой информации. Выдвинутая гипотеза о возможности разносторонней интерпретации текста, изменении его смысловых границ связана с переосмыслением реальности и доминированием в ней массмедийной продукции. Уделяется внимание процессам, влияющим на изменение медиасреды. Анализируются причины, приводящие к расширению интерпретационных возможностей медиатекстов. Основные теоретические положения статьи иллюстрируются примерами из средств массовой информации.

Ключевые слова: коммуникационный фон, медиатекст, эксформация, журналистика, информационный ресурс, интерпретация.

Goryacheva O.N.¹, Gunko O. G.²

¹PhD in Philology, Scopus Author ID: 56296843600,

²PhD in Philology, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University

EXPORTACI IN THE MEDIA

Abstract

This article examines the problem of exformation in the media. The hypothesis about the possibility of a diverse interpretation of the text, change its semantic boundaries associated with the rethinking of reality and the dominance in it of mass-media products. Attention is paid to the processes influencing changes in the media environment. The causes leading to extension of possibilities of interpretation of media texts. The basic theoretical principles of the article are illustrated by examples from the media.

Keywords: communication background, media text, exportaci, journalism, information resource interpretation.

Особенностью современной культуры, формирующей её глобальную информационную среду, стали медиатексты. Они представляют собой лингвистические артефакты, по которым можно изучать не только социокультурный ландшафт, но и специфику тестов СМИ. В современном мире важна не столько информация сама по себе, сколько технологии информационного воздействия, поэтому ведущим стал принцип тотального погружения реципиента в информационный поток.

В работе использованы следующие методы: анализ, выборка, описание, наблюдение за изменениями в языке средств массовой информации.

Представители СМИ все чаще сосредоточены не на поиске и производстве информации, а на её интерпретации. Постиндустриальное общество оценивает информацию с учетом общественно-экономической системы, перенося товарно-денежные отношения и в остальные сферы. При этом «знания» - теряют в качестве, а избыточная «эксформация» создает многообразие семантических знаков и смыслов» [1, с. 77].

Беспрепятственный доступ к информации влечет изменение в социокультурном пространстве и приводит к информационной перегрузке – эксформации. Понятие эксформация «намеренно удаляемая информация» было впервые использовано датским физиком Т. Норретрандерсом в книге «Иллюзия пользователя» (1998)[2]. Но однозначности в определении этого термина нет. Так, Грехов А.В. понимает под ним «избыточную информацию» [3, с.203]. Алексеева И.Ю. полагает, что «термин «эксформация» изобретен автором этих строк как смысловая пара термину «информация». Если «ин-формация» – то, что находится внутри формы, содержание сообщения, то «экс-формация» – то, что имеется «снаружи», вне формы, неизбежная «нагрузка» к сообщению, характер которой определяется способом его передачи. Например, эксформация телевизионного сообщения включает интонации голоса человека, передающего информацию, его мимику и жесты. Очевидно, что в печатном тексте этого нет» (4). Обобщая

всё вышеизложенное, под эксформацией мы понимаем надтекстовый смысл, ориентированный на метаконтекст, прямо не представленный, но предполагаемый для декодирования.

Кодирование сообщения происходит на всех языковых уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Как правило, при создании медиатекста предполагаются разные формы его интерпретации: авторская позиция, формирование общественного мнения, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Примеры интерпретации медиатекста
в заголовках газеты «Бизнес-онлайн» [5]

№ п/п.	Авторская позиция	Формирование общественного мнения
1.	«Некоторые рассчитывают сбежать к своим виллам, но грозные события настигнут их и там»	Депутатам не дадут «кошмарить» чиновников и силовиков
2.	Симон Кордонский: «Страну сплачивают русский язык, рубль и телевизор»	«Если мы назовем его ханом, султаном, падишахом, как угодно, — это должно быть наше решение»
3.	Геннадий Зюганов: «10% богатых захاپали 90% богатства! Нищета обуяла половину населения!»	«Какой из Шаймиева грубый восточный диктатор? Он Ходжа Насреддин всея Руси»
4.	Владимир Путин в ООН: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?»	«Это старая американская технология – управление сознанием первого лица через страх»

Конечный вариант декодирования зависит от коммуникативной насыщенности текста и тех способов и жанров, которые использовались при его оформлении. Как можно убедиться из приведенных примеров, «эксформация – лучшее средство дезинформации и манипуляции» [3, с. 203]. Неподготовленному коммуниканту сложно систематизировать и объективно оценить полученные сведения, он вынужден прибегать к помощи интерпретаторов, расширяя тем самым возможности для подмены понятий и не препятствуя обесцениванию смыслов.

В процессе осмысления информации следует отличать коммуникативные стратегии, основанные на манипулировании сознанием адресата от естественных, связанных с ментальностью. В первом случае, информация предоставляется как данность, без аналитического всестороннего рассмотрения, выводы навязываются адресантам и авторское мнение предстает как единственно возможное, что дает основание предполагать суггестивное воздействие, часто встречающееся в журналистских текстах, посвященных социально значимым, политическим темам, в коммерческих заказных статьях, рекламных материалах. Например, заголовком статьи «Если мы не отгрызем место России в мире, все будут решать без нас и без наших интересов» [5] стала цитата из выступления председателя комиссии Общественной палаты России по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений доктора экономических наук Иосифа Дискина, выступившего 16 марта 2016 года на конференции, посвященной 10-летию Общественной палаты РФ. В статье сообщается об изменении места России в мире, связанном с началом новой волны технологической революции. Освоение действительности через категории когнитивной лингвистики: картина мира, стереотипное языковое сознание, архетип, культурный код, более экологично для сознания, так как связано с национальным менталитетом. Это проявляется, например, во включении в заголовок устойчивых выражений: «Это был не ультиматум. Это был крик души...», имен узнаваемых героев, ставших нарицательными: Гумер Усманов: «Иуды в моей жизни хоть и редко, но тоже встречались», перефразов: Римма Федяева: «Чего же на самом деле хочет женщина?» [5].

Журналистский текст представляет собой закодированную информацию, которая, по мнению А.Б. Зверинцева, «будет положена в основу передаваемого текста» [6]. В начале XXI века особой актуальностью обладает деятельность по предотвращению экстремизма. Этому вопросу уделяли внимание, как практики, так и теоретики: С.И. Самыгина, М. Мчедлова, А. Тихомирова и др. Под предупреждением экстремизма традиционно понимают посредничество, поддержание мира, миротворчество, наибольшее распространение получили социальные и политические стратегии, включающие меры по укреплению доверия, популяризацию неформальной дипломатии, осуществление регулярного анализа «полученных уроков» и «лучшего опыта». Двусмысленность заголовка из газеты Бизнес онлайн «Запад сделал все, чтобы взорвать Татарстан, как Чечню. Но народ и элиты устояли...» [5], базируется на контраргументах. С одной стороны, сообщается о положительном исходе событий, выраженном в словоформе «устояли». С другой стороны, в заголовке содержится эксформальное напоминание о трагических событиях Чеченской кампании и недоброжелательном настрое Запада по отношению к россиянам в целом и, по мнению автора статьи, к татарстанцам в частности, заключенное в лексеме «взорвать». В данном заголовке размыты границы допустимых интерпретационных возможностей.

В последнее время в журналистике текст стал рассматриваться как минимальная единица речевой коммуникации, зависящая от внешних факторов. Возможность разносторонней интерпретации текста связана с расширением поведенческих установок, изменением смысловых границ текста, смешением элитарной культуры с массовой; переосмыслением реальности; доминированием массмедийной продукции над объективной реальностью. В современных условиях все чаще восприятие медиатекста происходит с учетом фоновой информации, что, в отсроченной перспективе, формирует новые коммуникативные установки и ведет к изменению языкового, социального поведения. Противостоять процессу эксформации возможно, если ориентироваться на научную картину мира и фундаментальные знания.

Литература

1. Мальковская, И.А. Профиль информационно-коммуникативного общества (обзор зарубежных теорий) // Социологические исследования. - № 2 (274), 2007 - С. 76 - 85.
2. Tor Nørretranders The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size, 1998, P. 467
3. Грехов А.В. Осторожно: Эксформация//Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы второй Международной научно-практической конференции. НГТУ. - Нижний Новгород, 2011. – С. 202-204.
4. Алексеева И.Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе //Информационное общество, 2001, вып. 2, с. 5-9. Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/>
5. Сайт газеты «БИЗНЕС Online» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/139831/> (Дата обращения 19.03.2016)
6. Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент: Рабочая книга менеджера PR. СПб., 1997. С.176.

References

1. Mal'kovskaja, I.A. Profil' informacionno-kommunikativnogo obshhestva (obzor zarubezhnyh teorij) // Sociologicheskie issledovanija. - № 2 (274), 2007 - S. 76 - 85.
2. Tor Nørretranders The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size, 1998, R. 467
3. Grehov A.V. Ostorozhno: Jeksformacija//Aktual'nye problemy social'noj kommunikacii: materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. NGTU. - Nizhnij Novgorod, 2011. – S. 202-204.
4. Alekseeva I.Ju. Problema intellektual'nogo suvereniteta v informacionnom obshhestve //Informacionnoe obshhestvo, 2001, vyp. 2, s. 5-9. Rezhim dostupa: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/>
5. Sajt gazety «BIZNES Online» [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.business-gazeta.ru/article/139831/> (Data obrashhenija 19.03.2016).
6. Zverincev A.B. Kommunikacionnyj menedzhment: Rabochaja kniga menedzhera PR. SPb., 1997. S.176.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.057

Джулай И.Ю.

Кандидат педагогических наук,

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА: ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются преимущества и возможные затруднения при использовании параллельных или аналоговых текстов в переводческой деятельности.

Ключевые слова: параллельные тексты, аналоговые тексты, переводческая деятельность, лингвистические проблемы.

Dzhulai I.Yu.

PhD in Pedagogy, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)

LINGUISTIC TRANSLATION PROBLEMS: TEXT AS AN OBJECT OF TRANSLATION PRACTICE

Abstract

The article regards some advantages and possible difficulties of using parallel or analogue texts in translation practice.

Keywords: parallel texts, analogue texts, translation practice, linguistic problems.

В настоящей статье предпринимается попытка выделить преимущества использования параллельных или аналоговых текстов в переводческой практике и в профессиональной подготовке переводчиков.

Аналоговые тексты – это тексты на языке оригинала или перевода, обладающие схожей тематикой и созданные для функционирования в таком же контексте, как и предполагаемый текст перевода.

Параллельные тексты представляют собой переводы оригинального текста (или, как особый случай, тексты, функционирующие равноправно, а также редакции выполненного перевода).

Тексты могут сопоставляться по следующим параметрам [1]:

– план выражения: сопоставляются тексты с одинаковой прагматической ориентацией, принадлежащие к одному и тому же стилистическому пласту или, наоборот, к разным пластам. Такое сопоставление позволяет уяснить различные аспекты функционирования как языка оригинала (ИЯ), так и языка перевода (ПЯ);

– план содержания: сопоставляются тексты со схожей тематикой. Этот вид сопоставления параллельных текстов используется при подготовке к переводу тематики, которая недостаточно знакома переводчику, он помогает выявить термины, наиболее частотные обороты данной профессиональной сферы, при этом сопоставляемые тексты необязательно представляют собой оригинал и перевод;

– существует еще один вид сопоставления, направленный на уяснение содержания оригинала – сопоставление существующих редакций (а также черновики) оригинала, что особенно важно при художественном переводе, поскольку дает возможность проследить за авторским развитием мысли, обращает внимание переводчика на те элементы оригинального текста, которые необходимо сохранить в переводе. Сходный алгоритм работы с параллельными текстами имеет место, когда редактор и переводчик корректируют и отшлифовывают несколько вариантов перевода одного текста в поисках оптимального результата.

Процедура сопоставления параллельных текстов может включать как сравнение текстов в рамках одного языка, ПЯ или ИЯ, когда отмечаются наиболее типичные средства такого текста, как и в паре ИЯ и ПЯ, после чего переводчик во многом подготовлен к переводу текста данной тематики.

Изучение параллельных текстов – привычная составляющая работы переводчика, о чем свидетельствуют заметки практиков, в частности, технического перевода [2]. Алгоритм переводческой работы, открывающийся внимательным ознакомлением с оригиналом, переводчик И.А. Беляев предлагает продолжить изучением параллельного текста (в данном случае нормативной технической документации), на основе которого удобно составить необходимый глоссарий, уяснить для себя контекст употребления того или иного термина, причем время, затраченное на поиск необходимого эквивалента в процессе перевода, значительно сокращается. Такая работа тем более эффективна, что поиск эквивалента в соответствующих словарях и выбор подходящего варианта из порой внушительного ряда словарных эквивалентов иначе заметно увеличили бы время перевода. Можно добавить, что переводчик рекомендует работать с параллельными текстами в обоих языках, чтобы сравнить толкования найденных указанным способом эквивалентов, контекст их употребления, а также выделить для себя ключевую лексику и фразеологию, типичную для таких текстов в обоих языках.

Очевидно значение работы с корпусом параллельных текстов и составлением на их основе надежных глоссариев (для данного типа документов, для данной отрасли и т.п.) в переводческой практике. Нужно отметить, что параллельные тексты, будь то на языке оригинала или на переводящем языке, подбираются согласно определенным критериям: в случае с технической документацией переводчик может полагаться на тексты утвержденных государственных стандартов или документы сертифицированных учреждений в данной отрасли, а, например, переводчик бизнес-издания или службы финансовых новостей будет опираться на тексты авторитетных новостных агентств или качественных деловых изданий, получивших признание прежде всего у профессионального сообщества.

Переводеды рассматривают использование параллельных текстов как средство достижения качества переводного текста [3]. Известно, что оригинальный текст функционирует в некоей первичной коммуникативной ситуации и несет соответствующую прагматику, что предопределяет его принадлежность к определенному стилю и жанру, тогда как переводной текст призван функционировать во вторичной коммуникативной ситуации для адресата, являющегося представителем иной культуры, в которой могла сложиться своя традиция создания аналогичных текстов.

Есть более обобщающий способ наименования категории, к которой принадлежит тот или иной текст – это тип. В свою очередь, качество переводного текста определяется тем, насколько он соответствует принятой в культуре ПЯ традиции создания текстов такого типа и, следовательно, оправдывает ожидания адресата переводного текста. Исследованию типологии текстов призван помочь системный анализ параллельных текстов, которые с переводоведческой точки зрения можно определить как «тексты на двух языках, обладающие одинаковой степенью информативности и созданные в идентичных коммуникативных ситуациях» [3].

Таким образом, переводоведческая интерпретация параллельных текстов шире, так как в корпусной лингвистике определение «параллельные тексты» относится только к корпусу оригинальных текстов и их переводам на другие языки.

Как видно из приведенных определений термина «параллельные тексты», они, как правило, представляют собой тексты на разных языках, однако допускается, что такие тексты существуют в рамках одного языка, знакомство с ними полезно переводчику для получения более полного представления о создании и закономерностях функционирования текстов определенного типа внутри каждого из пары языков.

Широкое поле для исследований представляет собой анализ параллельных переводов литературного произведения (или редакций одного и того же перевода), так как помимо изучения авторского стиля (полезного для создания словаря писательского идиолекта) и закономерностей функционирования текстов в данных двух языках он позволяет проследить переводческий процесс, механизмы саморедактирования и появления/устранения переводческих ошибок.

Особого внимания в связи с проблемой параллельных текстов заслуживают случаи видимого отсутствия оригинала: это некоторые равноправные юридические и политические документы, принятые наднациональными организациями и странами с закрепленным на государственном уровне многоязычием. Речь может идти о новом «многоязычном согласованном» типе текста, когда целый ряд разноязычных документов используются в подготовке окончательного варианта. В связи с этим возникает вопрос о необходимости пересмотра традиции текстовой типологии, уточнения понятия «параллельные тексты».

Знакомство с представительным корпусом параллельных текстов того или иного типа (стиля, жанра) является неотъемлемой частью рекомендаций по переводу – как в рамках учебного процесса, так и в целях оптимизации перевода текстов конкретного типа. Работа по поиску эквивалентов в параллельных текстах уже применяется в курсах специализированного практического перевода (например, юридического). Студентам, таким образом, легче усвоить закономерности порождения текстов определенного типа на двух языках.

Термин «аналоговые тексты» (АТ, синонимичные тексты), по ряду определений сопоставимый с термином «параллельные тексты», трактуется двояко: а) это может быть текст на языке оригинала, рассчитанный на ту же целевую аудиторию, относящийся к тому же функциональному типу и той же тематической области, что и исходный текст (ИТ); б) это может быть текст на языке перевода, рассчитанный на ту же целевую аудиторию, относящийся к тому же функциональному типу и той же тематической области, что и потенциальный текст перевода (ПТ) [4].

Работа с АТ осуществляется на различных этапах переводческого процесса: 1) на подготовительном этапе; 2) на собственно переводческом этапе и 3) на этапе авторского редактирования («вторичной адаптации ПТ к новым условиям восприятия»).

На первом этапе без сопоставления ИТ с АТ на двух языках – оригинала и перевода – невозможен грамотный переводческий анализ. В процессе анализа переводчик определяет те характерные особенности функционального стиля ИТ (коммуникативное задание, получатель текста, языковое оформление), которые необходимо сохранить, компенсировать или адаптировать при переводе.

На втором этапе переводчик прибегает к АТ на языке оригинала в том случае, если он не уверен в значении исходной единицы перевода, то есть если это значение (или вариант перевода данной единицы) не содержится в

имеющихся у него словарях. В АТ он может найти развернутое описание или характеристику явления (предмета, события и т.д.), которое вызвало у переводчика затруднение. На этом же этапе полезно использовать АТ на языке перевода для проверки вариантов перевода имен собственных, содержащихся в ИТ. Такой прием экономит время и позволяет избежать ошибок и неточностей.

На заключительном этапе сопоставление переводного текста с АТ на языке перевода позволяет отследить ошибки в употреблении того или иного слова/словосочетания, а также в сочетаемости лексических единиц.

Наиболее популярным источником АТ является сеть Интернет. Стоит напомнить, что при всем разнообразии предлагаемых ресурсов переводчику необходимо руководствоваться только авторитетными источниками текстов.

Нужно подчеркнуть, что работа профессионального переводчика с аналоговыми или параллельными текстами концентрируется на первом – подготовительном – этапе, при этом значительно сокращается время, затраченное в процессе перевода, а также редактирования – будь то правка самим переводчиком или редактором (носителем языка – стилистом). Кроме того, эта работа отличается по задачам, которые ставит перед собой профессионал: как правило, для наиболее стандартизированных жанров (новостные сообщения с закреплёнными тематиками, такими как «назначения», «опубликованные результаты квартальной/годовой отчетности», «изменения законодательства», «итоги мероприятия» и т.д.) можно подготовить шаблоны, тогда как аналитические статьи, обзоры и репортажи при наличии определенных типичных черт тем не менее демонстрируют большее разнообразие языковых средств и организации материала.

Нельзя полагать, однако, что использование параллельных текстов и составление шаблонов при всей универсальности этого решения избавляет от необходимости дальнейшего изучения параллельных текстов как источника наиболее идиоматичных и актуальных форм подачи материала данной тематики. Богатство привлеченных средств, используемых в верном контексте, умение добиться оригинальности в подаче даже стандартизированного материала определяет качество перевода.

Литература

1. Тюленев С.В. Теория перевода / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 293 с.
2. Беляев И.А. Нормативная документация как источник наиболее строгой терминологии / И.А. Беляев // Мосты. – 2004. – № 3. – С. 61-69.
3. Шадрин В.И. Параллельный текст как объект переводоведения / В.И. Шадрин // Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 21-23 октября 2004. – СПб.: 2005. – С. 450-455.
4. Ананьина А.В. «Всемирная паутина» как глобальный источник вспомогательных переводческих ресурсов / А.В. Ананьина // Филологические науки 6, Актуальные проблемы перевода. – 2005. <http://www.rusnauka.com/Filology/89.html>

References

1. Tjulenev S.V. Teorija perevoda / S.V. Tjulenev. – M.: Gardariki, 2004. – 293 s.
2. Beljaev I.A. Normativnaja dokumentacija kak istochnik naibolee strogoj terminologii / I.A. Beljaev // Mosty. – 2004. – № 3. – S. 61-69.
3. Shadrin V.I. Parallelnyj tekst kak ob#ekt perevodovedenija / V.I. Shadrin // Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po perevodovedeniju «Fedorovskie chtenija», 21-23 oktjabrja 2004. – SPb.: 2005. – S. 450-455.
4. Anan'ina A.V. «Vsemirnaja pautina» kak global'nyj istochnik vspomogatel'nyh perevodcheskih resursov / A.V. Anan'ina // Filologicheskie nauki 6, Aktual'nye problemy perevoda. – 2005. <http://www.rusnauka.com/Filology/89.html>

DOAJ

Все материалы, опубликованные в Международном научно-исследовательском журнале, размещаются в депозитарии научных изданий Университета Лунда.

DOAJ (Лунд, Швеция) [<http://www.doaj.org/>].

Таким образом, публикации наших авторов доступны еще большему кругу исследователей, что поднимает их статус и увеличивает возможность цитирования.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.145

Евстигнеева М.В.¹, Бутыркина И.С.²¹Кандидат филологических наук, ²Студент, Оренбургский государственный педагогический университет

СИМВОЛИКА ОБРАЗА МОГИЛЫ В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Аннотация

В статье рассмотрены характерные для поэзии английского романтизма образы могилы, особенности поэтического воплощения и символического содержания данного мотива, трансформация образа и функциональный аспект в зависимости от мировосприятия автора. Предпринята попытка проанализировать различные подходы автора к пониманию и оценке данного концепта, рассмотреть символическое значение мотива «могила», его связь со смежными ему мотивами, такими как ночь, сон, тишина, тьма, смерть. Также была предпринята попытка доказать, что мотив «могила» является важнейшим смысловым элементом художественного текста, вскрывающий особенности не только одного художественного текста, но и всего творчества поэта или определенного периода в развитии литературы.

Ключевые слова: символика, образ, могила, Романтизм.

Evstigneeva M. V.¹, Butyrkina I. S.²¹PhD in Philology, ²Student, Orenburg State Pedagogical University

THE SYMBOLIC FEATURES OF THE GRAVE IMAGE IN THE ENGLISH ROMANTIC POETRY

Abstract

The article considers the specific images of grave in English Romantic poetry, the peculiarities of the poetic embodiment and symbolic meaning of this motive, the transformation of the image depending on the author's world perception. An attempt has been made to analyze the author's different approaches to the understanding and evaluation of this concept, the symbolic meaning of the motive «grave», its close connection between this motive and other similar motives such as «night», «dream», «silence», «darkness», «death». One more attempt has been made to prove that the motive «grave» is the most important semantic element of the literary text, which reveals the peculiarities of the poet's works or a certain period in the development of literature.

Keywords: symbolics, image, grave, Romanticism.

Одним из самых значительных явлений английской литературы первой трети восемнадцатого века является «ночная», «кладбищенская» поэзия (англ. Graveyard poetry), которую следует рассматривать в контексте традиционной для английской поэзии того периода темы кладбища, так как кладбище становится постоянным местом действия лирических произведений.

К существенным характеристикам «кладбищенской поэзии» относят мысли о тщетности мира и бытия, печаль и грусть, мистический и зловещий поэтический пейзаж, кладбище. Эту поэзию отличает общее настроение меланхолии и отречения. «Интенсификация эмоции личности в рамках борьбы сентиментальной поэзии с гипертрофированным рационализмом эпохи, поиски нового типа образности... – все это не способствовало унификации стиля кладбищенской поэзии и заставляло исследователей трактовать явление как весьма условное и не принадлежащее одному какому-то литературному направлению» [4, с. 88].

Основным атрибутом кладбища в формальном и художественном планах данного образа являются могилы, среди которых бродит лирический герой и предаётся размышлениям о тайнах бытия. Лирические поэты создали особый комплекс мотивов: «ночь» («night»), «ночной пейзаж» («night landscape»), «кладбище» («cemetery/ churchyard/ graveyard»), «могила» («grave /tomb») и сформировали особый лирический хронотоп. Вместе с поэмами Роберта Блэра («The Grave», 1743) и Эдуарда Юнга («Night Thoughts», 1742 – 1743) появляются «кладбищенская» школа и «ночная» поэзия.

В обеих поэмах авторы используют характерные мотивы готических произведений («тени», «темнота», «сумрак», «неясность»), которые порождают «ощущение тайны, а также эмоции и страсти, чуждые рассудку» [4, с. 91] и настраивают на эмоциональное сопереживание и возвышенное чувство ужаса:

Эдвард Юнг	Роберт Блэр
The land of apparitions, empty shades! All, all on earth, is shadow, all beyond Issubstance;	WHILST some affect the sun, and some the shade, Some flee the city, some the hermitage;

Отличительной особенностью образа «могилы» («grave») является ее поливалентный характер. Входя с другими мотивами в единую систему, данное понятие может преобразовываться и присвоить иное семантическое наполнение. Другими словами, мотив «могила» может иметь несколько интерпретаций, как в поэмах разных авторов, так и в пределах одного лирического произведения. Дидактическая поэма Эдварда Юнга «Жалоба, или ночные думы о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night-Thoughts on Life, Death and Immortality») предлагает вниманию читателя несколько вариантов изображения могилы.

«Могила» («grave») у Э. Юнга – это «царство Ночи» («Night kingdom»), «унылый храм» («the dreary shrine»), «пустыня» («desert»), «одинокость», «уединение» («solitude»), «подвал печали» («creation's melancholy vault»), «земля теней и призраков» («the land of apparitions, empty shades»):

Silence and darkness: solemn sisters! twins
From ancient Night, who nurse the tender thought
To reason, and on reason build resolve
(That column of true majesty in man),

Assist me: I will thank you in the grave;
The grave, your kingdom: there this frame shall fall
A victim sacred to your dreary shrine [2, с. 6].

...

This is the desert, this the solitude:
How populous, how vital, is the grave!
This is creation's melancholy vault,
The vale funereal, the sad cypress gloom;
The land of apparitions, empty shades!
All, all on earth, is shadow, all beyond
Is substance; the reverse is Folly's creed:
How solid all, where change shall be no more! [2, с. 8]

Эпитеты «populous», «vital», относящиеся к слову «grave», подтверждают мысль, что данный мотив является одним из основных в поэме. Частой повторяемостью слова «grave» Э.Юнг «акцентирует внимание читателя на единстве трех компонентов поэмы «Night First» – «ночь» («night»), «смерть» («death»), «могила» («grave»)) [3, с. 34].

Поэма Роберта Блэра «Могила» («The Grave») наполнена мрачным готическим колоритом, при помощи которого автор создаёт образ ужасного пространства смерти. Ряды эмоционально окрашенных прилагательных, наречий, устойчивых словосочетаний позволяют автору наиболее полно и эмоционально изобразить зловещий холод могилы («dread» / «ужасный», «gloomy» / «мрачный», «rueful» / «унылый», «dark» / «темный», «glimmer» / «тусклый», «cheerless» / «угрюмый», «gloomy horrors» / «мрачный ужас», «supernumerary horror» / «беспредельный ужас», «cold moon» / «холодная луна», «low vaults» / «низкие своды», «witching time of night» / «колдовское время ночи»):

Ah! how dark
Thy long-extended realms, and rueful wastes,
Where nought but silence reigns, and night, dark night,
Dark as was chaos ere the infant sun
Was roll'd together, or had tried his beams
Athwart the gloom profound! The sickly taper
By glimm'ring through thy low-brow'd misty vaults,
Furr'd round with mouldy damp and ropy slime,
Lets fall a supernumerary horror,
And only serves to make thy night more irksome! [1].

Эмоционально нагруженные прилагательные и натуралистические детали, используемые Блэром в своей поэме, призваны внушить отвращение и страх перед смертью, поэтому перед читателем предстают картины с призраками и ожившими мертвецами, а главным центром всего этого действия являются «пустые могилы» («hollow tombs»):

Strange things, the neighbours say, have happen'd here.
Wild shrieks have issued from the hollow tombs;
Dead men have come again, and walk'd about;
And the great bell has toll'd, unring, untouch'd!
Such tales their cheer, at wake or gossiping,
When it draws near the witching-time of night.
Oft in the lone church-yard at night I've seen,
By glimpse of moon-shine, chequering through the trees,
The school-boy [1].

Функция данных натуралистических деталей направлены на то, чтобы вызвать у читателя определенные эмоции, взволновать излишне рационализированный ум.

Для описания образа «могилы» («grave») Роберт Блэр использует такие эпитеты, как «dread» («ужасный»), «invidious» («ненавистный»), «dull» («тусклый»), в которых усматривается единая константа «ужаса» и «смирения»:

Eternal King! whose potent arm sustains
The keys of hell and death. The Grave, dread thing!

...

Invidious Grave—how dost thou rend in sunder
Whom love has knit, and sympathy made one!

...

Dull Grave! thou spoil'st the dance of youthful blood,
Strik'st out the dimple from the cheek of mirth,
And every smirking feature from the face; [1]

Основная содержательная линия заключается в неизбежности смерти и всеобъемлющем чувстве печали. Однако трактовка «могилы» как обители смерти в негативном ключе не является единственной. В самом конце поэмы Роберт Блэр показывает смерть человека как некое «возвращение домой», в исходное состояние, в котором он пребывал перед тем, как начать жизнь на земле; это «счастливая встреча» («happy meeting») с Богом, и теперь ни «время» («time»), ни «смерть» («death») не смогут оборвать вновь связанные узы:

Thrice happy meeting!
Nor time, nor death, shall ever part them more!
'Tis but a night, a long and moonless night;
We make the grave our bed, and then are gone! [1]

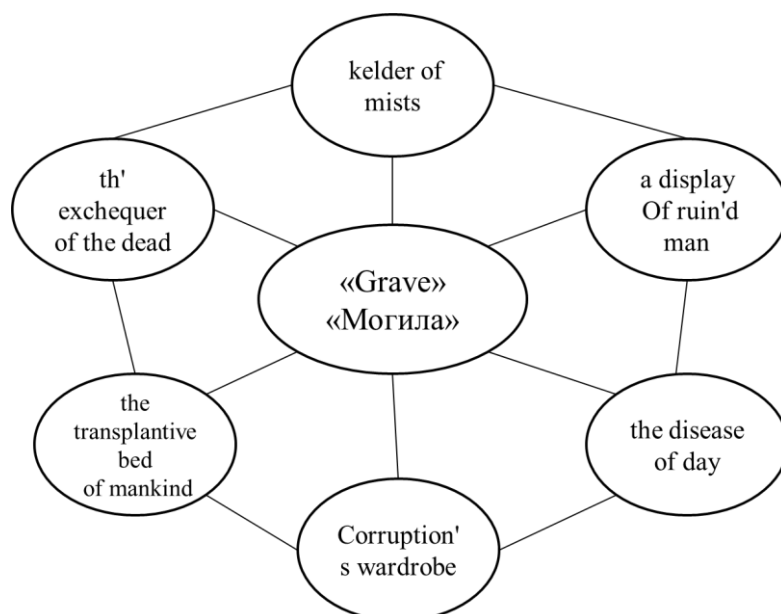
«Могила» («grave») – это «постель /ложе» («bed»), последнее пристанище для человека, ищущего уединение и покой.

В поэме «Elegy over a Tomb» («У могилы») Эдвард Герберт показывает лирического героя, размышляющего среди могил и задающего вопрос, возрождается ли на небесах внешняя и внутренняя красота человека, жизнь которого закончила свой ход. Образ «могилы» здесь играет ключевую роль, поскольку является моментом перехода от жизни к смерти. Герой может осознавать только то, что происходит на земле. Но здесь с последним вздохом умирает и красота, превращаясь в прах и тлен. Автор избегает прямого упоминания «могилы» и использует метафорические конструкции, например, «eternal night» («вечная ночь»), «endless heritage» («вечность»), чтобы подчеркнуть эмоциональную составляющую поэмы:

Oh, if you did delight no more to stay
Upon this low and earthly stage,
But rather chose an endless heritage,
Tell us at least, we pray,
Where all the beauties that those ashes ow'd
Are now bestow'd [1].

Обилие метафорических переносов с номинацией могилы можно также наблюдать и в поэме Генри Вагана «The Charnel House». Они не только входят в состав символических средств отображения действительности, но и вызывают в сознании читателя яркие, запоминающиеся образы и порождают сильные эмоции, что и отличает «кладбищенскую поэзию» от других направлений в литературе.

Все метафорические преобразования, находящие отражение в поэме Г. Вагана, можно представить в следующей схеме:

Таким образом, мотив «могила» («grave») представляет собой многомерное явление, структурный элемент внешнего и внутреннего процессов; это не просто термин, относящийся к формальной структуре произведения. Это средство изучения мировоззрения и психологии поэта, важнейший смысловой элемент художественного текста, вскрывающий особенности не только одного художественного текста, но и всего творчества поэта или определенного периода в развитии литературы, в данном случае, кладбищенской поэзии.

Исследуемый мотив, как и любое художественное слово, именуется вещь, факт, событие или идея, однако, номинацией функции мотива не ограничиваются. Он несет в себе возможность иных трансформаций, вариантов, которые вскрывают глубокий смысл произведений, помогая читателю разгадать ряд иносказаний, скрытых идей и сравнений, превращая читателя из пассивного созерцателя в человека думающего, анализирующего, чувствующего.

Анализ мотива «могилы» («grave / tomb») показал поливалентный характер его семантического наполнения. Разнообразные трактовки данного мотива, несущего большую смысловую нагрузку, представляют особенности художественного видения мира разных поэтов.

Литература

1. English Poems [Электронный ресурс] URL: <http://www.poemhunter.com/> (дата обращения 20.02.16)
2. Young E. Night Thoughts or, The Complaint and The Consolation. New York, Dover Publications, 1975. P. 404.
3. Бутыркина И. С. Ведущие мотивы поэмы Эдварда Юнга «The Complaint; or Night Thoughts on Life, Death and Immortality» // Международная студенческая научно - практическая конференция «Молодежь. Наука. Будущее». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2015. – С 33- 35.
4. Токарева Г. А. Природа жанровой поливалентности поэмы Р. Блэра «Могила» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 2. – С. 88 – 95.

References

1. English Poems [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.poemhunter.com/> (data obrashhenija 20.02.16)
2. Young E. Night Thoughts or, The Complaint and The Consolation. New York, Dover Publications, 1975. P. 404.
3. Butyrkina I. S. Vedushhie motivy poemy Jedvarda Junga «The Complaint; or Night Thoughts on Life, Death and Immortality» // Mezhdunarodnaja studencheskaja nauchno - prakticheskaja konferencija «Molodezh'. Nauka. Budushhee». – Orenburg: Izd-vo OGPU, 2015. – S 33- 35.
4. Tokareva G. A. Priroda zhanrovoy polivalentnosti poemy R. Bljera «Mogila» // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2015. – № 2. – S. 88 – 95.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.170

Ильюшенко Н.С.

ORCID: 0000-0002-8204-6867, кандидат филологических наук, Российский государственный социальный университет
**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМНОГО СОСТАВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу семного состава фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе мы исходим из определения термина «сема» как «минимальной предельной единицы плана содержания», которая соотносится с определенными свойствами предметов и явлений. В статье анализируются узловые и окказиональные семы в структуре значения фразеологических единиц, проводится исследование интегральных и дифференциальных сем в системе фразео-семантических парадигм. На основании анализа материала были выявлены наиболее характерные семантические компоненты в английских и русских фразеологизмах: определительные, определительно-обстоятельственные и субъектные семы.

Ключевые слова: компонентный анализ, фразеологическое значение, определительные семы, субъектные семы.

Ильюшенко Н.С.

ORCID: 0000-0002-8204-6867, PhD in Philology, Russian State Social University

**CONTRASTIVE ANALYSIS OF SEME COMPOSITION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH
AND RUSSIAN LANGUAGES**

Abstract

The article deals with the contrastive analysis of seme composition of phraseological units in the English and Russian languages. The article defines the term “seme” as the “minimal unit of meaning” which correlates with particular properties of objects and phenomena. The article analyses usual and occasional semes in the significant structure of phraseological units. It also describes integral and differential semes in phrasal-semantic paradigms. On the basis of analysis we elicit the most characteristic semantic components in the English and Russian phraseological units: attributive, attributive-adverbial and subject semes.

Keywords: component analysis, phraseological meaning, attributive semes, subject semes.

Проблема семантики языковых единиц, их содержательной структуры занимает центральное место в современных лингвистических исследованиях. Такое положение обусловлено как чисто теоретическими, так и практическими потребностями.

Во-первых, теория значения имеет общезначимый для лингвистики характер, а семасиология занимает среди других наук, связанных с изучением значения, «центральное место и преследует цель не только решить специально лингвистические проблемы значения, но и опираться при этом на общезначимую, общенаучную теорию и разрабатывать такую теорию» [15, 6]. Во-вторых, как отмечает В.Н. Телия: «Трудности, стоящие перед современными лексикографией и фразеографией, во многом обусловлены неразработанностью теоретических проблем семантики» [16, 137].

Согласно современным семасиологическим взглядам фразеологическое значение, как и лексическое, представляет собой сложное, многоаспектное образование, состоящее из упорядоченных семантических элементов или сем (*от греч. sema – знак*), которые соотносятся с определенными свойствами предметов и явлений. Чешский лингвист В. Скаличка впервые предложил термин «сема» для обозначения микроэлемента значения. Под семой понимается «минимальная предельная единица плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» [16, 37].

«Существуют разные подходы к компонентному анализу и несколько методов исследования семантики языковых единиц: метод интроспекции, основанный на интуиции исследователя, логико-лингвистический, включающий метод оппозиций и метод словарных дефиниций, а также метод синтаксической сочетаемости и другие» [11, 70]. Следует отметить, что при наличии значительного количества подходов в основе компонентного (или семного) анализа лежит реально существующее явление, которое на языковом уровне семы выражает признаки понятий о денотатах окружающего мира. Поэтому сегодня значительная часть исследований лексического значения слова использует именно компонентный (семный) анализ.

Изучение лексического значения слова проводилось в количестве работ таких лингвистов, как Ю.Д. Апресян [1], В.Г. Гак [4], Г.В. Степанов [13], И.А. Стернин [14] и др.

Проблеме изучения фразеологического значения посвящено большое количество исследований. Здесь можно отметить фундаментальные монографические исследования В.Н. Телия [16], А.В. Кунина [9], Н.М. Шанского [19], А.Д. Райхштейна [12], В.М. Мокиенко [11], М.Л. Ковшовой [7], Е.Г. Чалковой [17] и др.

Необходимо отметить, что семантические компоненты в структуре значения фразеологизма так же, как и в структуре значения слова, выполняют три основные функции – образующую (образуют значение как таковое), объединяющую (обеспечивают объединение фразеологизма с другими фразеологизмами в структуре фразеологического фонда языка) и различающую (различают значения).

Исходя из различной роли сем во фразеологическом значении, а также во фразеологической системе языка, принято говорить о разных типах сем. Учитывая особенности фразеологической семантики, наиболее полную классификацию семантических компонентов в сфере фразеологии предложил в своей монографии А.В. Кунин [10], в основу которой была положена классификация И.А. Стернина, разработанная для лексических единиц.

По отношению к системе языка выделяются узуальные и окказиональные семы. «Узуальные семы входят в состав значения фразеологизма, а окказиональные реализуются только в контексте с опорой на значение фразеологизма. Окказиональные семы передают объем окказиональной информации, реализуемой в акте коммуникации» [10, 162]. В то же время окказиональные семы могут входить как в сигнификативно-денотативный, так и в коннотативный макрокомпонент значения. Так, например, фразеологизм «синий чулок» *неодобр.* – «женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами», имеющий закрепленную узуальную грамматическую сему женского рода, в контексте в соответствии с намерением автора приобретает окказиональную сему мужского рода:

«Синий чулок... Как зло было сказано. Может, он это потому, что сам не может мыслить и беседовать в этом плане? А там требуют именно такого, более глубокого подхода... Потому как подход такой показывает и самого человека, который говорит... Тараканы-то надоели. Сегодня тараканы, завтра тараканы... И получилась заминка. Но я – какой же я синий чулок? Ведь я ужасно... Я не могу без нее!» – отдал он вдруг себе отчет» [5, 65].

В следующем примере мы встречаем использование узуальной грамматической семы женского рода:

«На курсы... в гимназию... – бормочет Сомов. – Это уж крайности, матушка! Что хорошего быть синим чулком. Синий чулок... черт знает что! Не женщина и не мужчина, а так, середка на половине, ни то ни се... Ненавижу синих чулков! Никогда бы не женился на ученой... [18, 298].

Интерес для более глубокого изучения фразеологической семантики также представляют прототипные семы. Будучи связанными с различными реалиями, фольклорными представлениями, историческими традициями, религиозными верованиями, прототипные семы способствуют созданию фразеологического образа, и выделяются только во фразеологических единицах с живой внутренней формой. Приведем несколько примеров: “burn one’s fingers” – «обжечься на чем-л.» (*букв.*: «обжечь пальцы»); “bread and butter” – «средство к существованию» (*букв.*: «хлеб и масло»); “big cheese” – «важная персона», «шишка»; “be all ears” – «превратиться в слух, слушать с напряженным вниманием» и т.д.

Сопоставляя анализ семного состава разноязычных фразеологических единиц и исследуя фразеологические парадигмы, основными «рабочими» семами выделяют интегральные и дифференциальные. Интегральные семы являются наиболее общими и, как правило, объединяют фразеологизмы в различные фразео-семантические группы и подгруппы. Дифференциальные же семы, отражая второстепенные свойства и характеристики обозначаемого явления, являются дополнительными семантическими признаками и носят частный характер. Дифференциальные семы выявляются на основе сопоставления фразеологических единиц, входящих только в одну фразео-семантическую подгруппу, и выполняют различительную функцию. Так, интегральными семами фразео-семантической подгруппы «сообразительность, смысленность» являются *сема сообразительности, смысленности и сема интеллектуальных способностей*. Групповой дифференциальной семой является «степень сообразительности». Например, ФЕ «блоху подковать» имеет дифференциальную сему *находчивости*, ФЕ «голова (котелок) варит у кого» в качестве дифференциальной дополнительной семы имеет сему *догадливости и понятливости*, а фразеологизм “have a good head on one’s shoulders” имеет дифференциальные семы *ума и рассудительности*.

В результате анализа обширного языкового материала нам представляется возможным произвести следующую классификацию наиболее характерных семантических компонентов.

1. **Определительные семы** могут быть как интегральными, так и дифференциальными. Об их наличии во фразеологическом значении свидетельствуют прилагательные, причастия настоящего или прошедшего времени или определительные придаточные предложения в дефинициях фразеологических единиц. Приведем несколько примеров: «горькая правда» – «неоспоримый факт (часто такой, который неприятно признавать)»; «темная лошадка» – «политик-кандидат, о котором обществу мало что известно»; “cat burglar” – «ночной вор-взломщик (проникающий с крыши в верхние этажи дома)»; “red herring” – «ложная информация, отвлекающая от основной проблемы; ложный след, отвлекающий маневр»; и т.д.

2. **Определительно-обстоятельственные дифференциальные семы:**

а. *образа действия*. О наличии данной семы во фразеологическом значении свидетельствуют наречия, деепричастные обороты или предложно-падежные формы существительных в дефиниции данной единицы: «не мытьем, так катаньем» – «так или иначе; перепробовав множество возможных способов»; «набить руку на чем» *разг.* – «приобретать сноровку, умение, опыт в каком-либо деле»; “like water off a duck’s back” – «не действуя на кого-либо, не производя никакого впечатления на кого-либо; впустую»; «как с гуся вода»; “pay through the nose” *разг.* – «платить втридорога»; и т.д.

б. *причины*. Данная сема представлена в словарных дефинициях с помощью предложно-падежных конструкций (с предлогами «по», «из-за», «от») или деепричастных оборотов: “cook one’s goose” *разг.* – «погубить себя, пострадать от собственных козней»; “in the seventh heaven” – «на седьмом небе (от счастья, радости и т.п.)»; “eat one’s heart out” – «изводить себя; изнывать от тоски»; «лица нет на ком» *разг. экспрес.* – «сильно побледнеть, осунуться, измениться в лице (от волнения, болезни, боли, страха и т.п.)».

в. *цели*. Данная сема манифестируется в словарных дефинициях придаточными цели, деепричастными или причастными оборотами, а также предложно-падежными формами существительных («для», «чтобы», «с целью»,

«ради» и т.д.) или их сочетанием: “rob Peter to pay Paul” – «взять у одного, чтобы отдать другому; отдать одни долги, сделав новые»; “a round robin” – «петиция с подписями, расположенными кружком (чтобы скрыть, кто подписался первым)»; «разбиться/расшибиться в лепешку» *разг.* – «делать все возможное для достижения каких-то результатов»; и т.д.

3. **Субъектные семы**, которые кодируются в словарных дефинициях с помощью специального оборота «о ком-либо или о чем-либо» и используются с прилагательными или дополнительным придаточным предложением. Данный оборот в дефиниции, как правило, заключен в скобки либо представлен с большой буквы: «семи пядей во лбу» – «очень умный. О человеке, отличающемся обширными знаниями и живым умом»; «звёзд с неба не хватает» *разг. неодобр.* или «он пороку не выдумает» *разг. ирон.* – «О человеке, не отличающемся сообразительностью»; «глаз не отвести (оторвать)» – «о ком-либо или о чем-либо очень красивом, которым нельзя не восхищаться»; «дышать на ладан» – «находиться при смерти (о человеке)»; «рука набита» – «О человеке, имеющем необходимые навыки в каком-то деле»; “couch potato” *разг.; неодобр.* – «о человеке, ведущем пассивный малоподвижный, инертный образ жизни перед экраном телевизора»; “dog in the manger” – «собака на сене (о человеке, не желающим делать что-либо и мешающим другим)»; и т.д.

Данное исследование показало, что фразеологическое значение представляет собой сложное образование, состоящее из совокупности иерархически упорядоченных сем (минимальных единиц семантики). В результате проведенного анализа было выявлено, что семантическое своеобразие фразеологической единицы заключается в специфике сочетания сем, которые, выполняя смыслоопределяющую или смыслообразующую функцию, «выступают не только как конstituенты основных семантических составляющих ФЕ, но и как связующие звенья между ними» (2, 37).

Таким образом, изучение семного состава ФЕ имеет большое значение для сопоставительных исследований, поскольку оно позволило выявить не только принципиальные сходства или различия семной организации фразеологического значения, но и выразить специфику семантической структуры английских и русских фразеологизмов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. – 172 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка // 4-е изд. Телия В.Н., отв. ред. – М.: АСТ-Пресс, 2014. – 784 с.
4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
5. Дудинцев В.Д. Белые одежды / Роман-газета. – 1988. – В. 7, 8. – 240 с.
6. Ильющенко Н.С. Семантические корреляции в системе английских и русских антропоморфных фразеологизмов: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 194 с.
7. Ковшова М.Л. Об аллюзивных реакциях в экспериментальном исследовании фразеологизмов / Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. Тезисы XVI Симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Эйдос, 2009. – С. 220-221.
8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд. – М.: Рус. язык, 1984. – 944 с.
9. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. – М.: «Международные отношения», 1972. – 291 с.
10. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Просвещение, 1986. – 212 с.
11. Проблемы фразеологической семантики / Под ред. Г.А. Лилич. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 172 с.
12. Райхштейн А.Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов // Словари и лингвострановедение. Сборник статей Верещагин Е.М. – М.: Издательство «Книжный мир», 1982. – 184 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 172 с.
15. Телия В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова и др. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
16. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – 418 с.
17. Чалкова Е.Г. Личностно-ориентированное общение на английском языке. Семантические поля поведения, эмоционального состояния. – М.: Магистр, 1996. – 118 с.
18. Чехов А.П. Розовый чулок // Собрание сочинений в 12 томах. – М.: Правда, 1985. – Т.V. – 431 с.
19. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1969. – 232 с.
20. Cambridge Idioms Dictionary. Second edition. – CUP, 2006. – 520 p.
21. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – OUP, 1986. – 752 p.

References

1. Apresjan Ju.D. Izbrannyye trudy. Tom I. Leksicheskaja semantika. 2-izd., ispr. i dop. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. – 464 s.
2. Arsent'eva E.F. Frazеologija i frazeografija v sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov). – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2006. – 172 s.

3. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka / 4-e izd. Telija V.N., otv. red. – M.: AST-Press, 2014. – 784 s.
4. Gak V.G. Sopotavitel'naja leksikologija. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1977. – 264 s.
5. Dudincev V.D. Belye odezhdy / Roman-gazeta. – 1988. – V. 7, 8. – 240 s.
6. Il'jushhenko N.S. Semanticheskie korrelyacii v sisteme anglijskikh i russkikh antropomorfnyh frazeologizmov: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2011. – 194 c.
7. Kovshova M.L. Ob alljuzivnyh reakcijah v jeksperimental'nom issledovanii frazeologizmov / Psiholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. Tezisy XVI Simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii / Otv. red. E.F. Tarasov. – M.: Jejdos, 2009. – S. 220-221.
8. Kunin A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. – 4-e izd. – M.: Rus. jazyk, 1984. – 944 s.
9. Kunin A.V. Frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka. Opyt sistematizirovannogo opisanija. – M.: «Mezhdunarodnye otnoshenija», 1972. – 291 s.
10. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka. – M.: Prosveshhenie, 1986. – 212 s.
11. Problemy frazeologicheskoi semantiki / Pod red. G.A. Lilich. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1996. – 172 s.
12. Rajshstejn A.D. Lingvostranovedcheskij aspekt ustojchivyh slovesnyh kompleksov // Slovarei i lingvostranovedenie. Sbornik statej Vereshhagin E.M. – M.: Izdatel'stvo «Knizhnyj mir», 1982. – 184 s.
13. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. – M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. – 824 s.
14. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1985. – 172 s.
15. Telija V.N. Osnovnye osobennosti znachenija idiom kak edinic frazeologicheskogo sostava jazyka // T.S. Aristova, M.L. Kovshova i dr. Slovar' obraznyh vyrazhenij russkogo jazyka / Pod red. V.N. Telija. – M.: Otechestvo, 1995. – 368 s.
16. Telija V.N. Semantika idiom v funkcional'no-parametricheskom otobrazhenii // Frazeografija v mashinnom fonde russkogo jazyka. – M.: Nauka, 1990. – 418 s.
17. Chalkova E.G. Lichnostno-orientirovannoe obshhenie na anglijskom jazyke. Semanticheskie polja povedenija, jemocional'nogo sostojanija. – M.: Magistr, 1996. – 118 s.
18. Chehov A.P. Rozovyj chulok // Sobranie sochinenij v 12 tomah. – M.: Pravda, 1985. – T.V. – 431 s.
19. Shanskij N.M. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka. – M.: Vysshaja shkola, 1969. – 232 s.
20. Cambridge Idioms Dictionary. Second edition. – CUP, 2006. – 520 p.
21. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – OUP, 1986. – 752 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.274

Исакова А.А.

ORCID: 0000-0003-3312-3034, Кандидат филологических наук, доцент,

Тюменский государственный нефтегазовый университет

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕКЛАМНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация

В статье рассматривается региональная реклама как одна из форм массовой коммуникации. В настоящее время именно реклама является одним из ярких показателей заимствования и адаптации иностранной лексики в русском языке. Актуальность данного исследования определяется самой повседневной жизнью, поскольку, чтобы адаптироваться в условиях повседневной действительности человек вынужден в большей степени самостоятельно ориентироваться среди городского потока средств массовой информации.

Ключевые слова: товарные марки, словесные товарные знаки, прагмоним, поликультурная основа, язык рекламы Тюменской области, национальный колорит, пассионарность, лингвокультурологический подход

Isakova A.A.

ORCID: 0000-0003-3312-3034, PhD in Philology, Tyumen State Oil and Gas University

COMMUNICATION STRATEGIES OF THE TYUMEN REGION SPACE

Abstract

The article considers the regional advertising as a form of mass communication. Now advertizing is one of bright indicators of loan and adaptation of foreign language in Russian. The relevance of this research is defined by the most everyday life as to adapt to the conditions of everyday reality, it is forced to be guided more independently among a city stream of mass media.

Keywords: trademarks, word trademarks, pragmatonim, multicultural basis, the language of advertising of the Tyumen region, the national character, passion, lingua cultural approach.

Comprehensive research of the communicative space of the Tyumen region is becoming increasingly important and actual nowadays. The process of spontaneous, unregulated influx of foreign words in Russian language is closely associated with activation of business, scientific, trade and cultural relations.

Indeed the penetration of foreign languages is irreversible in Russian. Since the early twentieth century many scientists have tried to deal with this process but how it has been? Let's take the most banal example described in linguistic textbooks: just a few words: "pozor, mostilische, mokrostupy". Nobody understands what does it mean, but these are native Russian words. It means "theater, sidewalk, galoshes", but these are early borrowed foreign words. Thus the using of the foreign borrowing is dictated by time and ethno-linguistic regularities. But... Is such penetration always justified? It's an important question. But why do we so easily change a Russian word for a foreign one, especially in advertising.

Lexical borrowing is a result of the interaction of languages [1:66]. It is one of the general linguistic problems, and its learning has great importance for characterizing the ways of the development of modern literary language. Research of the lexical borrowings is based on the theory of language contact and the interaction terms of the different languages vocabulary.

There are two approaches to decide the issue of borrowing. Traditionally borrowing means a complex, multifaceted process which is one of the ways to increase the native vocabulary and to develop the creative activity of the borrowing language and foreign language material. It's not just a vocabulary of the replenishment quantity but also the qualitative changes. This process is caused by the influx of foreign-language lexical items and active exploration of alien words and suggests an enrichment of the language associated with the conversion of foreign words in Russian [2: 34].

Our days it's one of the advertising brightest indicators of borrowing and adapting of the foreign vocabulary in Russian. There are a lot of foreign words especially used in Tyumen catering. Everyone knows Ukrainian restaurant "Chinook", Kazakh cafe "Asia", Georgian cafe "Alaverdi", Uzbek cafe "Tamerlane", Armenian cafe "Urartu", English cuisine restaurant "English gardens" and others. Some cafes have names in English with a varied range of dishes for example: Italian Pizza, American hotdogs, Russian salads, and they also have an English version «Free days», «Fast-Food», and Russian «fridayz». «fast food» etc. Moreover all these names are not caused linguistic shock by people and they're adapted in freely everyday Tyumenian conversation.

Since ancient times the proper names have been the most important elements of language consciousness and they are required detailed study by all scientists. The proper names are studied by the special science – onomastics, many other sciences try to disclose their natural secrets. The emergence of new facts, new knowledge gives new directions in this study [3:78]. Competent possession of onomastic knowledge contributes to successful mastering of the language, adequate participation in intercultural communication, ownership of technology transfer, disclosure of the content of the work, understanding of the meaning of the text and many others. The rapid growth of consumer goods leads to the growth of regional pragmonimics, where now you can allocate different pragmonimic spheres of consumption, such as: engineering (transport, medical, household, etc.), grocery goods, light industry, etc. Each of these subspaces may also have further gradation. Indeed the proper names can be included in a huge vocabulary, which is practically impossible to compose all these words in dictionaries. Thus, the huge body of proper names cannot be an object of one research.

Primarily these proper names can be attributed to pragmonims because they define the name of the goods with their own peculiarities of pragmatic orientation.

The present research of trade marks and names of companies, firms, enterprises increased in connection with the fact that they allow to solve such important problems of onomastics, such as the specifics of the functioning of proper names in texts, the dynamics of the relations between onomastic centre and the periphery etc. Thus, pragmonimic space is polycultural, polyvaluable and structured on nuclear peripheral principle, where pragmonims occupy leading positions [4:75]. Therefore, we can speak about the location of the nuclear pragmonimic center in onomastic field.

In other words, we can speak about some pragmonimic unity which includes pragmonim with the surrounding context (Toyota - manage dream; Lada Kalina - it seems, our city fell in love; Reno - art design of cars; air-conditioners Hitachi - nothing superfluous, but the air; computers Apple - think otherwise, never apples were not as tasty; Swiss watches Patek Philippe is set to start his own tradition; household appliances Tefal - you always think of us), because of the advertising context is spanned in the memory of speaking/listening people. Now the research of pragmonimics is very actual in connection with the fact that they allow to solve the most important problems of onomastics, such as the specifics of proper names, onomastic center and periphery, the transition of proper names, etc.

However, when we try to understand pragmonims it is necessary to know foreign languages to understand the meaning of the name and the history of creation of this or that brand. Co-existence of functionally powerful languages in a single communicative space led to the interaction onomastic units of different zones of Russian and other onomastic space, which leads to the appearance adapted names which borrow from one national system (English, German, Japanese, French etc.) in another. Nevertheless the process of deployment of the so-called onomastic myth concluded in associative pragmonimic chain, and the associative pragmonimic field «is an analogue of a set of key words in texts describing the designated in pensive object» [5:120].

So trademarks stand out among the other names because they are called to perform an aesthetic and «draft» attractive function. The main methods of creating attraction of this category are syntactic (the formation of a multi-word names with an unusual word order); semantic (usage of words with negative connotations); phonetic (the use of the rhymes and alliteration); morphological (the intentional use of alien to the language of morphological models); graphics (changes common spelling). Thus we should discuss advertizing using the pragmonimia knowledge [6:200].

At the same time we suppose that the emotional side of the advertising message is emphasized for the promotion of goods on market. A good example of this situation is vehicle advertising. Newspaper and magazine advertising, usually abounds exact characteristics of the machines thus a buyer can view on leisure. TV ads mostly emphasize "at pleasure, sat behind the wheel, the owner of a vehicle test. At that advertisers are trying to cover all aspects of a person's emotional state, ranging from calm, even inhibitory (Renault Megane. Spread your wings. / Toyota Camry - First class business class. Immerse yourself in the atmosphere of unparalleled comfort. Camry gives you a incomparable sense of harmony and protection from external noise. Now nothing prevents you to enjoy the tranquility of the Camry. Your ticket to the world of comfort) to a high and cheerful (Game proactive Audi A3 Sportback. To win, there is little to be one step ahead of everyone. You must be able to keep the lead. The newest engine power up to 250 hp, all-wheel drive quattro, revolutionary mission DSG, dynamic suspension - welcome to the sport. Audi A3 Sportback. Winning a clear advantage. Hyundai Accent. Sedan life. The movement, advancing the idea). However, the most successful advertising is considered to calm, since a moderate degree of excitation information processing capability higher than that at very low or very high degree of excitation. However, the most successful advertising is considered to calm, since a moderate degree of excitation information processing capability higher than that at very low or very high degree of excitation [7:32]. Tyumen advertisers use one of the effective ways to attract attention to the advertising text, namely, the creation of new tokens. New word serves to highlight the slogan of a number of competing

advertising phrases, attracts attention and makes a person actively to try to understand the meaning of the word. The new word must be related in meaning and associative with the object of advertising, ie associated with the name of the company or product category, or the distinctive qualities of a product (eg, "KRASHnye oranges - find out yourself!" (lemonade "Crash").

Homonymy and polysemy are an inexhaustible source of verbal tricks that allow elegantly packaged advertising information to the user easier to perceive and quickly memorize the message. However, only one word game's enough in the advertising text. It requires several mandatory conditions for the justification and functional use of reception. For example, a "brilliant defense of your shoes" (means Shoe care "Kiwi"), "Fresh solution" (candy "Mentos"), "The source of cheerfulness" (mineral water "Aqua Minerale" "Bon Aqua").

There is another way to attract the attention of consumers who are the creators of advertising - the so-called "deliberate mistakes". Sometimes when you use the word puns parties artistic device differ not only in meaning but also in spelling. When playing a graphic slogan it looks like a deliberate misspelling. Usually the creators of advertising texts not only prefer not to hide this incomplete overlap but also specifically allocate it. Thus, the slogan attracts attention unusual shape. Often the use of such techniques is compounded correction "deliberate mistakes", e.g. "Chew - do not chew" (chewy candy «Miller»). "Ravsvratno low prices" (mobile phones «Motorola Rav»).

Researchers allocate also basic design at creation of suggestive texts which received widespread practice – use of phrasological units. It is quite explainable: phrasological units are bright, colorful, at the same time make part of active lexicon of native speakers. Advantage of the phrasological unit means its habitualness and recognition. One of words automatically pulls for itself another, their compatibility is predictable. It considerably increases ability of the consumer to perceive, remember and reproduce a slogan. Besides, as a rule, phrasological units are, concrete [8:10]. They express difficult representable abstract concepts by means of visible subject pictures.

Usually phrasological units are used in advertizing creativity in two forms. The first option - paraphrases. Advertizing phrases paraphrase the phraseological unit, replacing one of the words making it with the conformable. At the same time it is necessary to remember that using of the phraseological unit was functional in the advertizing text, it has to transfer important consumer information on goods. Such information dressed in a figurative form is much easier and is more strongly remembered by the consumer.

The phraseologies using in advertising are "turned inside out" very often, especially when the integral value phraseologism splits into separate values of its constituent words [9:103]. These words are typically called significant and advertising units. We can see a "defrazeologizatsiya" and the expression takes on new meaning with the object of advertising in the mind. Although the idiom does not formally change the meaning but it's another unit of language. These idioms are perceived much better and operate more efficiently than simply preparing stable expressions used in its everyday sense. For example, "easy-going" (Aeroflot); "Bathe in luxury!" (Company "Maxwell" - equipment for bathrooms) and others.

All this techniques for creating advertising texts promote memorization of advertising and many foreign words. On many billboards advertising abounds in Russian interspersed with non-native, that helps consumers learn and remember items in both Russian and foreign language (Karius Company. Quality should be easy. Dipton Enterprises Limited. 10 years in Russia. Always on the Passat lowest price). Almost all companies give Tyumen advertising in Russian, and a product name or a foreign enterprise (Denim Clothing-, md Westland. / Configure and professional installation, Pioneer. / Install - computers. Chain stores). Even all the familiar former cinema "Jubilee" and the cinema "Cosmos" are now foreign names (Eng.) And Artpalas Kinomax.

Along with the development of the advertising business in Tyumen formed a special sphere of communication with an original Russian language. Many Tyumenians use the following expressions: otkserit (instead of a copied), drink a Coke (the buying any gas. Water), my Toyotochka (affectionately known as Toyota), buy diapers (instead buy diapers). Consequently, we can talk about a kind of multicultural language based the Tyumen region advertising, which requires a certain control and further study.

References

1. Komolova Z.P.: Emotionality pragmones // Actual problems of lexicology. Part 1. Terminology. – Novosibirsk, 1971. – P. 66-67.
2. Isakova A.A., Karabulatova I.S.: Mystery car name: Concise Dictionary mehanonimov mehanonimicheskikh and associations. – Tyumen, 2006.
3. Superanskaya A.V.: The general theory of the proper name. M.: Science, 1973. – P. 78-80.
4. Marinova Elena: Foreign words: term, concept, Real // vocabulary, grammar, the text in the light of anthropocentric linguistics. Issue 2: Collection of articles. – Irkutsk: Izd Irkutsk State University, 2003. – P. 75-86.
5. Isakova A.A. The main language trends in contemporary discourse of advertising space of the onomastic multiethnic region (the Tyumen region) // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Issue 4 (part II). – SPb., 2007. – P. 119-124.
6. Moshantsev R.I.: Psychology of Advertising. – M., 2000. – 257 p.
7. Otin E.S.: Waternames southeastern Ukraine: ADD. Kiev, 1974.
8. Swtsf N.N. Advertising: The Art of the word. – M.: Moscow State University, 1997. – 96p
9. Timofeev V.P.: Initial (dictionary) form words in Russian. Sverdlovsk, 1971. – P.115.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.299

Лебедева О.В.

Кандидат филологических наук, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
**ПОЭТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВСТАВНОЙ НОВЕЛЛЫ АНГЛИЙСКОГО
ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА****Аннотация**

Вследствие тесного взаимодействия между английским готическим романом и вставной новеллой как его неотъемлемым элементом, малый жанр проходит процесс жанровой трансформации, адаптируя такие важные категории романной поэтики как пространственно-временная доминанта, персонажно-образная система, сюжетология и категория сверхъестественного. Эволюция готической вставной новеллы от Г. Уолпола до Ч. Метьюрина демонстрирует тенденцию перехода от схематичной авантюрной интриги и сверхъестественных ситуаций к сочетанию событийности и акцентированию ритма внутреннего сюжета, динамики эмоционального переживания страха, описаний психологических состояний.

Ключевые слова: новелла, вставная новелла, готический роман, поэтика.

Lebedeva O.V.

PhD in Philology, Novgorod State University of Yaroslav the Wise

**THE SPECIFIC CHARACTER OF THE INSERTED SHORT STORY POETICS
OF THE ENGLISH GOTHIC NOVEL****Abstract**

As the result of close interrelation between the English Gothic novel and inserted short story as its` essential component, the short genre comes through the process of genre transformation, adapting such important categories of novel poetics as space –time aspect, system of characters, the plot and the category of supernatural. The evolution of the inserted short story of the Gothic novel from H. Walpole to Ch. Maturin demonstrates the tendency of transition from schematic adventurous plot to combination of events and accentuating the rhythm of the inner plot, dynamics of the emotional experience of fear, descriptions of different psychologic conditions.

Keywords: short story, inserted short story, Gothic novel, poetics.

Функционирование вставных новелл в каждой из разновидностей романа отличается своеобразием. Новеллистичность как жанрообразующий фактор готических романов создает повышенную сложность и неоднородность их пространственно-временной организации. Вставная новелла всегда сигнализирует о смене времени и места действия, что создает «тот самый эффект диалогичности, без которого, немислим роман нового времени» [1, 111].

По мере того, как новелла выступает в качестве вставного эпизода, между большой и малой формой устанавливаются тесные взаимоотношения по принципу диалогического взаимодействия. Такое взаимодействие часто обусловлено приемом создания ситуации беседы - обсуждения вставной новеллы в рамках романа. Так, вставная новелла «Замка Отранто» Г. Уолпола не просто включается в повествование в тот момент, когда Фредерик рассказывает Ипполите свою историю, она вызывает активный отклик персонажей, слушающих ее. То же и во вставной новелле романа Ч. Метьюрина «Мельмот скиталец» («Повесть о двух влюбленных»): история, рассказанная Аляго незнакомцем, сначала вызывает искреннее недоумение последнего, а затем воспринимается как предупредительный знак о грозящей опасности его дочери. Рассуждения об этом переносятся в основной текст романа. Новеллистический мотив устного повествования и установка на рассказывание и беседу нередко дополнительно подчеркиваются авторской жанровой маркировкой «tale» («краткая жанровая форма, тяготеющая к свободному построению сюжета и «сказовой» манере повествования» [2, 135]), как например, во вставных новеллах романа Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец» («Stanton's Tale», «Tale of the Spaniard», «Tale of the Indians») или во вставных новеллах романа А. Рэдклиф «Удольфские тайны» («The Provencal Tale»).

Вследствие тесного взаимодействия между большим и малым жанром английская вставная готическая новелла адаптирует некоторые поэтологические черты готического романа XVIII века, среди которых выделяются такие важные категории поэтики как пространственно-временная доминанта, персонажно-образная система, сюжетология и категория сверхъестественного.

Из романа во вставную новеллу приходит специфика системы образов и психологии персонажей, которая заключается в предельной поляризации героев. Конфликт строится на противопоставлении добродетели неискушенных людей, ведущих скромную жизнь, порокам злодеев, буруемых страстями (барон и рыцарь во вставной новелле «Провансальская новелла» - роман «Удольфские тайны»; монах и влюбленные, заточенные в темнице монастыря во вставной новелле «Рассказ испанца» - роман «Мельмот скиталец» и т.д.).

Подчеркнутая условность хронотопа вставной новеллы также обнаруживает некоторое сходство с большим жанром, выявляясь в том, что время действия конкретизируется, дается ссылка на реальное событие, якобы породившее сюжет, и вносятся детали, связанные с историческими событиями того времени, но они остаются лишь декоративным фоном. Чаще всего события готической новеллы относятся к эпохе средневековья. При этом художественное время в ней существенно расширяется – воскрешается прошлое и показывается его связь с настоящим. Приведем в качестве примера вставную новеллу из романа Г. Уолпола «Замок Отранто». В готическом сюжете новеллы хронология событий разворачивается ретроспективно. Вся история Альфонсо Доброго приоткрывается лишь в самом финале новеллы и лишь в связи с открытием тайны рождения монаха Джерома. Типично готическое сосуществование прошлого и настоящего обеспечивается специфической нарративной структурой сюжета новеллы: ситуация рассказывания, выступающая как настоящее, сопрягается, с событиями прошлого.

Территорией совершения событий вставной новеллы, как и большинства романов, часто становится замок или аббатство с заброшенными покоем, подземельями-лабиринтами, привидениями и тайнами, как правило, реально существующий («Замок Отранто», замок «Удольфо»). Особенности сюжета готической вставной новеллы заключаются в искусно разработанной авантюрной интриге на фоне использования сверхъестественных ситуаций: посещение потусторонних сил со злой целью (вставная новелла в романе Х. Уолпола «Замок Отранто»), явление призрака (вставная новелла в романе А. Рэдклиф «Удольфские тайны»), загадочное предначертание и тому подобное.

Поначалу создатели вставных новелл (в романах А. Рэдклиф, Г. Уолпола) ориентируются в большей степени на внешний событийный ряд, соотношенный с идеей авантюристичности (странные, непонятные происшествия, пугающие неожиданностью случаи). Известная в этом смысле схематичность сюжета вставных новелл ранних готических романов со временем преодолевается, и во вставных новеллах более поздних романов (Ч. Метьюрин «Мельмот Скиталец») из интенсивного пространства готического топоса автор все глубже вырабатывает внутреннее, психическое пространство персонажа. Тем фабульным компонентом, с помощью которого автор направляет сюжетное разветвление во внутреннее пространство сознания героя, становится вынужденное заключение, изоляция, обособление главного субъекта повествования: будучи ограниченным в пространстве, герой вынужден вглядываться в подробности своей душевной жизни. Рефлексия оказывается одним из отличительных признаков готического персонажа вставной новеллы. Особое внимание к механизмам душевной жизни постепенно дает возможность разнообразить и усложнить сюжетное развитие. Во вставной новелле Ч. Метьюрина «Рассказ испанца» (роман «Мельмот Скиталец») искусно разработанная авантюренная интрига и традиционный в готическом жанре внутренний конфликт, построенный на противопоставлении добродетельного юноши Алонсо и порочного монаха - злодея, отцеубийцы работают по-новому на фоне того, что все действие сосредотачивается не на внешних перипетиях сюжета, а переносится в темные глубины человеческого сознания. Суть поэтики обозначенной вставной новеллы, заключен, по нашему мнению, в следующих строках произведения, принадлежащих монаху: «...столько всего странного приходит в голову каждый день, что события, которые другому запомнились бы, вероятно, на всю жизнь, проплывают передо мной, как тени, а мысли обретают плоть. **Событиями для меня становятся чувства**» [3, 217].

Физические ощущения ужаса и страха отходят на второй план, автор заменяет их описаниями особых психологических состояний. Например, кровожадного монаха не удовлетворяет просто убийство человека (его собственного отца), гораздо большее удовольствие он испытывает от причинения моральных страданий, от «ковыряния» в человеческих сердцах: «Перерезать горло отцу - это был, разумеется, благородный поступок..., но тут надо было **резать по живому человеческие сердца, добираться до самой сердцевины их, ковырять их** день ото дня и с утра до вечера, и я никогда не сидел без дела» [3,221].

Эволюция готической вставной новеллы от Г. Уолпола до Ч. Метьюрина выявляет тенденцию перехода от просто искусно разработанной авантюренной интриги на фоне использования сверхъестественных ситуаций к сочетанию событийности, соотношенной с идеей авантюристичности и акцентировании ритма внутреннего сюжета, динамики эмоционального переживания страха, описаний особых психологических состояний.

Так, развиваясь в сложном диалектическом единстве с романом, адаптируя вышеобозначенные категории его поэтики, готическая вставная новелла претерпевает процесс жанровой трансформации, эволюционного изменения поэтологических свойств в направлении углубления степени художественной условности. Можно говорить о формировании тенденции накопления в новелле ряда признаков, сближающих ее с жанром романа.

Литература

1. Соколянский М.Г. Западноевропейский роман эпохи Просвещения. Киев-Одесса: Вишашк.,1983. 140 с.
2. Бурцев А. А. Рассказ как форма времени в английской литературе конца XIX- начала XX вв.// Вестник ЯГУ.- 2010.- том 7, №2. - С.134 -138.
3. Метьюрин Ч. Р.Мельмот скиталец. Л.: Наука, 1976. 740 с.

References

1. Sokoljanskij M.G. Zapadnoevropejskij roman jepohi Prosveshhenija. Kiev-Odessa: Vishhashk.,1983. 140 s.
2. Burcev A. A. Rasskaz kak forma vremeni v anglijskoj literature konca XIX- nachala XX vv.// Vestnik JaGU.- 2010.- tom 7, №2.-S.134 -138.
3. Met'jurin Ch. R.Mel'mot skitalec. L.: Nauka, 1976. 740 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.158

Лебедева Е.А.

ORCID: 0000-0002-3038-3458, Кандидат филологических наук,

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ВВОДНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*Аннотация*

Статья посвящена изучению семантического и прагматического потенциала вводных элементов со значением проблематической достоверности в английском языке. Наблюдения основаны на англоязычных аналитических медиатекстах. Вводные показатели рассматриваются как средство субъективно-модальных и оценочных значений. Использование вводных элементов всегда обусловлено коммуникативными установками говорящего субъекта. Представленные данные также позволяют расширить список вводных элементов с позиций их лексического состава.

Ключевые слова: вводные показатели, семантика, прагматика, медиатексты

Lebedeva E.A.

ORCID: 0000-0002-3038-3458, PhD in Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

PARENTHETICAL ELEMENTS AS A MEANS OF PROBLEMATIC CERTAINTY IN ENGLISH LANGUAGE*Abstract*

The article is devoted to the study of semantic and pragmatic potential of the parenthetical elements with the meaning of problematic certainty in English language. The observations are based on the English-language analytical media texts. Parenthetical elements are considered as a means of modal and subjective estimates. The usage of the parenthetical elements is always caused by communicative settings of speaking person. The given information is also a chance to expand the list of parenthetical elements in terms of their lexical structure.

Keywords: parenthetical markers, semantics, pragmatics, media texts

В современной английской грамматике парентеза (вводность) определяется как совокупность прагматических маркеров, которые синтаксически не связаны с остальным предложением, не имеют референциального значения. В результате синтаксической независимости она имеет позиционную мобильность и, в конечном счёте, воспринимается как дополнительные замечания, комментарии или оценки, эксплицирующие коммуникативные намерения говорящего.

Между тем английская грамматика не располагает завершённым списком единиц, которые могут функционировать грамматически как вводные показатели в английском языке вообще и в конкретных жанрах, в частности.

Вводные показатели, указывающие на степень достоверности сообщения, в лингвистической литературе принадлежат к вводно-модальным словам и сочетаниям слов с общей семей «модификаторов достоверности». Они всегда востребованы потому, что обладают способностью вносить разнообразие в ритмическую организацию текста и воздействовать на функциональную перспективу в коммуникации.

Вслед за Г.А. Золотовой, мы группируем такие вводные эксплицитные показатели в два разряда: 1) слова и сочетания слов, вносящие в высказывание значение уверенности, убеждённости говорящего в том, что высказывается, и 2) слова и словосочетания, вносящие в высказывание значение предположительности говорящего в том, что высказывается [1, С.148].

Цель настоящей работы является выявление смысловых значений и прагматических функций вводных показателей как средства выражения проблематической достоверности («значения предположительности») в английском языке. Материалом исследования послужили фрагменты из англоязычных аналитических медиатекстов.

Неуверенность в достоверности сообщаемого выражается при помощи подгруппы вводных (модальных) слов, а также авторизационных конструкций (субъективированных, объективированных), отрицания и т.д. Авторы оценивают информацию как недостоверную, когда опираются на слухи или высказывают предположения, строят версии и подчёркивают её достоверность, если источник надёжен.

Вплетая в ткань предложения вводные показатели, принадлежащие подгруппе, которую мы называем проблематической достоверности, автор акцентирует внимание адресанта к излагаемым в высказывании событиям, одновременно указывает на факт предположительности, неуверенности, гипотетичности. Такие вводные показатели несут на себе существенную прагматическую нагрузку, так как они выражают сомнение в истинности высказывания, употребляются для выражения того, что дальше следует предположение, которое, будучи логичным, необязательно является достоверным. К данной группе относятся следующие языковые элементы: *maybe, perhaps, probably, arguably, apparently, presumably*, выражающие значения: *может быть, возможно, вероятно, по-видимому* [2]. Такие вводные слова, как правило, относят к группе низшей степени достоверности информации и употребляются при стремлении автора с логической точки зрения объяснить какое-либо событие. Однако эти объяснения могут не всегда совпадать с точкой зрения адресата, и конкретных фактов у автора может быть недостаточно: *A Russian marine was subsequently killed during a rescue attempt, probably by U.S.-backed rebels* (Andrew Roth // The Washington Post 04.02.2016); *Perhaps when oil prices are high, oil-rich states are also less afraid that others will punish them for transgressions* (Erik Voeten // The Washington Post 28.01.2016).

Несколько обособленно в данной подгруппе стоит вводное *apparently* – по-видимому, вероятно, видимо, которое передаёт значение какой-то степени очевидности, основанной на представленных фактах, на сообщениях, на логических рассуждениях. В английском языке *apparently* соотносимо с модальным глаголом *must* – *должно быть*. *Apparently, consolidation isn't for him, and he added that the life insurance sector isn't really one where economies of scale are easily derived* (Simon Evans // The Independent 09.08.2009). В данном контексте с помощью *apparently* выражается

предположение автора и подчёркивается ироническое отношение автора медиатекста к излагаемой информации. Таким образом, одним из прагматических свойств вводных элементов проблематической достоверности является создание иронической тональности.

Вероятность может быть выражена рядом немногочисленных словосочетаний: *more likely* – более вероятно; *credibly or not* – достоверно или нет; *so far as possible* – насколько это возможно; *my guess* – почти не сомневаюсь; *almost surely* – почти наверняка, так: *The Handel House's deputy director, Martin Wyatt, explains that the trigger for these shows was their desire to explore the truth of the myths which have long been circulating about what these singers got up to, and, so far as possible, Handel too* (Michael Church // The Independent 17.04.2008).

Кроме того, гипотетичность высказывания выражается и вводными предложениями. На примере англоязычных аналитических медиатекстов можно отметить два типа таких предложений. Это безличные – *it seems* (кажется) и др.; а также субъективированные предложения с личным местоимением первого лица – *though as far as I could tell* (однако насколько я могу судить), *I may be wrong* (возможно я ошибаюсь), *I suppose* (пожалуй). *The wisest path, it seems, is to get the facts and find a compromise before conflict arises* (Jenny Luesby // FT 19.05.2006). В таких высказываниях вводное предложение *it seems* кроме актуализации недостоверности факта, выражают семантику психологического состояния автора – ощущения надежды.

Семантика единиц, выражающих отношение проблематической достоверности, свидетельствует, что данный модус эмоционально окрашен: *I'm not so sure, though O'Leary's ideas for improving airports should be taken on board* (Margareta Pagano // The Independent 24.08.2008). В представленном случае выражение эмоционального отношения есть лишь сопутствующий признак модуса. Но самостоятельного модуса не образует.

Особое внимание уделяется промежуточным, переходным и гибридным случаям. Вводно-модальные предложения с глаголами мыслительной деятельности (*I think, I believe, I suppose, I guess*), с одной стороны, вносят в речь личностное начало, расширяют представления об авторе, способствуя тому, что излагаемое приобретает характер не анонимного объективированного рассказа о событиях, а становится повествованием конкретного лица, смело выражающего свои чувства, взгляды, мнения, оценки. С другой стороны, семантика употребляемых в эксплицитном модусе глаголов свидетельствует о том, что модус проблематической достоверности имеет степени. Глаголы *think, suppose, guess, believe* и т.д. подразумевают высокую степень вероятности события: *Population ageing and outsourcing of industry to China played, I suspect, much bigger roles* (Stephen King // The Independent 24.08.2009); *History, I now believe, will praise their efforts in subduing the collapse* (Joe Nocera // NYT 12.09.2009); *It is possible, I suppose, that he really didn't know that the Merrill losses were mounting until after the merger was approved by shareholders – even though Bank of America had executives swarming all over the place* (Stephen King // The Independent 10.08.2009).

С синтаксической точки зрения интересны случаи условных эллиптических метапредложений: *if any, if at all, if you like, if necessary*, так: *To reduce the risk of a domino effect, the Bush administration fashioned an emergency rescue plan last week to shore up Fannie Mae and Freddie Mac, the nation's two largest mortgage finance companies, if necessary* (Gretchen Morgenson // NYT 20.07.2008). Условность вносит оттенок неуверенности, поэтому они примыкают к подгруппе предложений со значением проблематической достоверности. Эти вводные условные предложения всегда сохраняют смысловую самостоятельность по отношению ко всему предложению. Однако, являясь вводными, такие предложения в какой-то степени нарушают логический ход мысли предложения, в которое они включены, и разрывают его. Такой разрыв, очевидно, более допустим в английском языке, чем в русском, благодаря доминирующей в нем роли синтаксиса. При переводе далеко не всегда можно сохранить вводное предложение на том же месте, на котором оно стоит в английском. Для правильного перевода, соответствующего нормам русского языка и передающего полностью смысл, нужна грамматическая трансформация, причем возможен не один вариант перевода.

Очевидно, что помимо реализации собственной семантики (различные оттенки вероятности, возможности) данные ряды вводных показателей объединены прагматическими установками воздействия на адресата и способны эксплуатировать личностную оценку автора к сообщаемому факту. Кроме того, изучение языкового наполнения современных англоязычных медиатекстов даёт нам возможность расширить список вводных элементов с позиций их лексического состава.

Литература

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351с.
2. Электронный словарь Мультитран [Электронный ресурс] URL: <http://www.multitrans.ru/> (дата обращения: 15.04.2016).

References

1. Zolotova G.A. Oчерk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka. M.: Nauka, 1973. 351s.
2. Jelektronnyj slovar' Mul'titrans [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.multitrans.ru/> (data obrashhenija: 15.04.2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.230

Никулина М.А.

Кандидат филологических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов

О СПЕЦИФИКЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация

В данной статье рассматриваются стилистические приемы и другие лексико-грамматические средства, придающие экспрессивность научному тексту и реализующие функцию его воздействия на эмоциональную сферу личности читателя. Особое внимание уделяется специфике образной экспрессивности в англоязычных текстах. Также в статье сделан акцент на способах перевода экспрессивной лексики и грамматических конструкций, подлежащих при переводе на русский язык определенной «нейтрализации» и снижению «градуса экспрессивности», - с целью достижения переводческой эквивалентности и, соответственно, более органичного восприятия русскоязычным читателем.

Ключевые слова: количественная экспрессивность, образная экспрессивность, смысловая эквивалентность.

Nikulina M.A.

PhD in Philology, assistant professor
Peoples` Friendship University of RussiaON SPECIFIC WAYS OF USING AND TRANSLATING EMOTIVE STYLISTIC DEVICES
IN SCIENTIFIC TEXTS

Abstract

The given article analyses stylistic devices and other linguistic means, which are used to attain emotional coloring to certain parts of a scientific text, thus realizing the function of its influence on the emotional sphere of the reader's personality. The article also gives attention to specific ways of translating emotive lexico-grammatical elements and structures in English scientific texts, which are usually subject to neutralization and lowering «the degree of emotiveness» – to achieve the high level of translational equivalence and to be adequately perceived by Russian readers.

Keywords: quantitative expressiveness, expressive figurative, semantic equivalence.

В лингвистике принято считать, что основной функцией научного стиля является интеллектуально-коммуникативная, в то время как другие функции воздействия на реципиента факультативны. Поскольку цель научного текста заключается, в основном, в том, чтобы передать точные сведения из какой-либо области человеческих знаний, экспрессивность в этих текстах не исключается, однако ее употребление носит весьма ограниченный и специфичный характер. Научные тексты содержат, чаще всего, количественную экспрессивность, например: *much of the same, very effective, much less limited, most essential, almost all of which, very diverse types, long before the discovery* и т. п.

Что же касается образной экспрессивности, то она, как правило, встречается при создании новых терминологических единиц, например: *free floating mechanism* (механизм свободного плавания валюты), *basket of goods* (корзина товаров), *knock-on effect* (эффект «домино»), *to provide an economic underpinning* (получить экономическую поддержку), *to suffer tariffs* (облагаться пошлиной), *to enjoy trade surplus* (получить торговую прибыль); *the plum-pudding model of the atom* (модель атома, ассоциируемая со «сливовым пудингом», авт. Томсон), *the solar system atom* (модель атома, ассоциируемая с моделью солнечной системы, авт. Резерфорд), *the «gold section»* («золотое сечение»), *the gold standard* и т. п.

Причем, образность, присутствующая на начальном этапе развития терминологической единицы, со временем, чаще всего, стирается - по мере того, как данный термин укореняется в соответствующей терминологической системе, он приобретает нейтральное значение и употребляется уже, как правило, без кавычек.

В некоторых научных текстах экспрессивность может заключаться в лексико-грамматических конструкциях, указывающих на важность излагаемого материала, например: *it should be emphasized that..., another point of considerable interest is..., one of the most remarkable features is..., it is by no means trivial that...* и т.п. [1; с. 340].

Кроме того, экспрессивность зачастую выражается в оценке достоверности и объективности сообщения, заявленной автором текста в эксплицитной или имплицитной форме. Для выражения подобной оценки широко используются такие слова, как: *obviously, evidently, no doubt that..., there is no deny that...* и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что, по сравнению с русскоязычными научными текстами, английские (и, в особенности, американские) тексты того же функционально-коммуникативного стиля обладают более высокой долей экспрессивной лексики. Поэтому при переводе на русский язык эмоционально окрашенной лексики зачастую приходится, условно говоря, «снижать градус экспрессивности», т. е. прибегать к приему нейтрализации, а также к другим лексико-грамматическим трансформациям.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из статьи британского ученого, известного в области математики, физики и космологии, Роджера Пенроуза:

«...According to the most widely-accepted (1) theory of origins, at some point, roughly 14 billion years ago, everything that is, was and will ever be, was tightly packed into a small, but infinitely dense (2) point – a singularity. This «point» eventually expanded (3)... However, to many physicists, 13.7 mln. years just isn't enough time for highly complex (4) structures – like superclusters – to form (5).

One particular physicist (6) from the University of Oxford not only believes, that the big bang model leaves a lot to be desired (7), but that he can prove it. In fact, drawing from the only evidence left behind after the big bang – the cosmic microwave background radiation, which was thrust into existence (8) when the universe was just 300,000 years old (9) – the big bang wasn't the beginning but instead, it was only one of the series of cyclical big bangs (10), or «aeons». Each of which spawned a new chapter in the universe's history (11) ...».

«... *THE FIRST OR THE ONLY?* (12)

In the simplest possible terms (13), *I believe that our universe is not the first, nor will it be the last, to spawn from a dense mass of highly-ordered-everything* (14), *into the complex universe we see around us. The current big bang model, which is partially grounded in inflation, doesn't supply a reason as to why a low entropy, highly ordered state existed at the birth of our universe* (15). That is *UNLESS* (16) *things were set in motion* (17) long before the big bang actually occurred. In Penrose's theory, our universe has, and will again, return to a state of low entropy as *it approaches its final days* (18) of expanding into *eventual nothingness* (19), leaving behind *a cold, dark, featureless abyss* (20)...». [2, с. 83].

Прежде всего, рассмотрим синтаксическую структуру этого текста. В нем заметно преобладание сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, в то время как простые предложения развернуты за счет однородных членов. Полнота изложения мыслей обеспечивается также за счет широкого использования определений, преимущественно препозитивных (см. примеры: 1, 2, 4, 13, 19, 20).

Для усиления логической связи между предложениями употребляются наречия и специальные устойчивые выражения, такие как: *according to, however, in fact*.

Экспрессивность данного текста весьма специфична. Наряду с количественной экспрессивностью (напр., *the most widely-accepted* (1), *infinitely dense* (2), *highly complex* (4)), в тексте широко используется образная экспрессивность (напр., *spawned a new chapter in the universe's history* (11), *to spawn from a dense mass of highly-ordered-everything* (14), *at the birth of our universe* (15), *things were set in motion* (17), *the universe approaches its final days of expanding* (18), *eventual nothingness* (19), *a cold, dark, featureless abyss* (20)).

Обращают на себя внимание случаи создания образной экспрессивности: а) за счет создания новых космологических терминов (напр., *nothingness* (19); *highly-ordered-everything* (14)), б) иронии как стилистического приема (напр., «*one particular physicist...*» (6); «*However, to many physicists, 13.7 mln. years just isn't enough time for highly complex structures – like superclusters – to form...*» (5), «*...the big bang model leaves a lot to be desired...*» (7); а также подзаголовок «*The First or the Only?*» (12)).

Кроме того, для усиления выражения своей мысли автор прибегает к довольно нетипичному для научного стиля приему – графическому изображению слова заглавными буквами (*UNLESS* (16)).

В целом, анализ отрывка из работы Р. Пенроуза позволяет продемонстрировать многие типичные черты научного стиля, хотя, несомненно, индивидуальность крупного ученого неизбежно отражается на языке статьи, повышает «градус экспрессивности», уменьшает стереотипность и, в целом, приближает текст к художественному стилю.

При переводе данного текста на русский язык для достижения переводческой эквивалентности и органичного восприятия статьи русскоязычным читателем следует, по всей видимости, довольно широко применять прием трансформации. Например, эмоционально окрашенное выражение «*the big bang model leaves a lot to be desired*» (7) можно перевести как нейтральное: «модель Большого взрыва не является совершенной», а фразу, обладающую чертами книжного стиля: «*the universe approaches its final days of expanding*» (18) – как «расширение Вселенной подходит к завершающей стадии». Выражение «*the cosmic microwave background radiation, which was thrust into existence* (8)...» можно перевести как «космическая фоновая радиация появилась...», заменяя эмоционально окрашенный глагол *thrust* (пер. «толкать, навязывать, лезть, пробиться») на стилистически нейтральный эквивалент («появиться») и т. п.

Вообще, при переводе «нетипичных» научных текстов, т. е. текстов, характеризующихся высокой долей «продуктов» индивидуального словотворчества автора, переводчик также обладает определенной свободой выбора языковых средств. В частности, при переводе терминов-неологизмов, обозначающих новые для системы ИЯ понятия (напр., *nothingness* (19) – «отсутствие материи»), «...переводчику следует широко использовать прием трансформации (а не прибегать к механическому калькированию материального знака термина из иноязычной терминологической системы)» [3, с. 17].

По всей видимости, сегодня мы наблюдаем зарождение тенденции к определенному «размыванию границ» между «консервативным» научным и другими, более «демократическими», функционально-коммуникативными стилями, и такие крупные ученые, как Р. Пенроуз не только стоят у истоков этой тенденции, но и способствуют ее формированию.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта. Наука, 2014.
2. Никулина М. А. Вариологический взгляд на терминологию, проблемы ее распространения и эквивалентности перевода в современных условиях. – М., РУДН, 2009.
3. Roger Penrose Cycles of Time: An Extraordinary New View of the Universe – London: published by Bodley Head, 2010.

References

1. Arnold I. V. Stilistika. Sovremenniy anglijskij yazik. – М.: Flinta. Nauka, 2014.
2. Nikulina M. A. Variologicheskij vzglyad na terminologiju, problmy rasprostraneniya i ekvivalentnosti perevoda v sovremennyh usloviyah. – М.: RUDN, 2009.
3. Roger Penrose Cycles of Time: An Extraordinary New View of the Universe – London: published by Bodley Head, 2010.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.141

Рабеев С.К.Б.

ORCID 0000-0003-3208-8433, аспирант кафедры зарубежной литературы,

Воронежский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ В МОДЕРНИЗМЕ И ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Аннотация

Стиль модернизма может быть определен чрезмерным чувством самосознания, расходящимся с традиционными стилями поэзии и прозы. Модернизм появился после Первой мировой войны. Жанр постмодернизма опирается на повествовательные методы, такие как фрагментация, парадокс и ненадежный рассказчик; этот стиль или направление появился как протест против Второй мировой войны. В статье рассматриваются модернистские и постмодернистские жанры, играющие очень важную роль в формировании американской мечты в 20-м и 21-м веках, поскольку они исследуют субъективизм, перемещающийся от внешней реальности к исследованию внутреннего состояния сознания.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, американская мечта, самосознание.

Rabeeakh S.K.B

ORCID 0000-0003-3208-8433,

Postgraduate student at the department of foreign literature, Voronezh State University

THE AMERICAN DREAM REFLECTIONS IN MODERNISM AND POSTMODERNISM

Abstract

Modernism style can be defined by feeling an undue awareness of oneself "self-conscious" which split up with traditional genre of poetry and prose. This style appeared after the first World War. Postmodernism genre is characterized by its relying on narrative techniques such, paradox and unreliable narrator; this style or direction appeared as a protest against the second World War. This article deals with "modern" and "postmodern" genres which play very significant role forming the American dream in throughout 20th and 21st century as they explore subjectivism that shifts from external reality to explore inner states of awareness.

Keywords: Modernism, Postmodernism, American dream, self-conscious.

Concerning the American dream, these two genres used to be one movement which develops the idea of American dream after two large-scale wars and protests against the old-fashioned thoughts and traditions which brought the American dream to destruction.

Beforehand American literary works were acquainted by specific literary styles depends on well-known directions of thought, contemplating the pulchritude of the American dream, the best era of American literature is well defined by getting rid of the old traditions and norms rather than imitating them [3, 4]. The speedy alterations in American life generated new genres revealing confusion, inner conflicts with many universal unanswered questions that change the beautiful picture of the American dream. It is difficult to say that both genres of "modern" and "postmodern" writers absolutely rejected the spiritual connection with God but they start to discuss materialism as an entrance to spiritualism to reach self-consciousness based on experience.

A distinguished savor of "modernism and postmodernism" is self-awareness. This will direct to procedures with form and work that draws attentiveness to the processes and materials used [1, 953]. Such directions found a fertile land for American writers to sow their seeds and grew new conceptions and recreate a new route of perception to the actuality of the world afield from "dictated dreams". Many American writers were dissatisfied with social norms and prominence that had affected American literature, folks and art since the accouchement of the American nation. The alteration was the gauge of the time as new amelioration in technology, drastic new social theories, and two merciless wars changed the face of the world evermore so "modernism" and "postmodernism" work as one unit in literature as an alarm to wake the sleeping pates of the Americans who were absentminded and daydreamlike.

The thuggery and bloodshed of both World War I and World War II were matchless and dreadful, and these two tussles help to disintegrate all delusions of the American dream's romanticism. Such swift, brought Americans and especially prosaists to be more skeptic and suspicious about the old institutions and foundations which lead American life for a long time. America's artists and authors questioned the aim behind trusting the new world after all these wars and destructions. No sufficient answers can feed their curiosity and uncertainty to the horrible questions that had been raised due to the changes in progress. It was the time of precariousness, the time of consummated mystery that unites the true style of life and writers genres.

The period of "modernism" and "postmodernism" witness's considerable upheaval fictions, prose, and poetry reflecting the challenge contra the American dream. "modern" and "postmodern" poetry showed a deep displeasure with conventions and old norms. Poems defy readers by intentionally devastating the essentials of grammar that the English language was constructed on, submitting a new style of poetry that distribute less with circumspect themes and more with associations and dreamlike portraits to reach self-consciousness through such images to show the moral deformity of man and society. Poets of the time explore to make their poems purposely complicated reading in an endeavor to grab the reader into the work. T.S. Eliot buckles down to ancient Greek and Latin version for oracle as he aimed to grasp his very modern world around him while preserving a rapport to the classics of the past. Eliot's most remarkable work, *The Waste Land*, debriefed a somber sight of the post-World War I, which had vague parlance, rich with occult hints, trying to oblige the readers to be vigorously part of the poetry approach finding the dark portions of philanthropic human nature [4].

Prose also in its role as part of life and literature experienced the change and resurgence, many novelists and short story writers were completely involved in creating newfangled methods of linkage that had propelled writers to such originaive

peak. The anti-heroic war anecdotes of Ernest Hemingway were both debatable and wildly praised by readers. One of well-famed prose writers of the period, he served as an ambulance driver during World War I before he began his literary writing profession. Via novels such as *A Farewell to Arms*, Hemingway transported many hematic battlegrounds that he had seen forthright to American readers. His novels and short stories often considered realities of war, while he juggled his straightforward, journalistic prose style to express his own dreary view of the world around him, a world outside of simple cause and effect relationships, lacking both logic and philosophy [2].

The masterworks of “modernism” and “postmodernism” writers have drastically altered the soulful image of the American dream when it comes to the wars that were viewed by numerous Americans as heroic and spirited protection to their ideals of independence and democracy. But after both wars, it became clear that wars were just bloodshed a horrible slaughter of mankind which had nothing to do with romanticism and heroism. It even killed people’s passion and sentiment for each other and sowed the seeds of disillusion, disappointment, and mistrust. They were very destructive for the dearly loved deal of the American dream. However, the mutiny of the period change was not confined to the spheres of philosophy and art. The public modulation was also vigorous power during this time, as minorities who had used to be in shed captured the changing scope to raise one's voice and be noticed. The temperament of alteration found its way to people’s mind and heart, grateful to “modernism” and “postmodernism” movements that worked as coherent line facing and criticizing the whole destruction and deformity that vividly covered the beautiful face of people’s dreams.

Gender discrimination was a challenge which faced by female writers such as Virginia wolf and Willa Cather to fragment stereotypes of women as second-class citizens, via their masterpieces their voice was so loud through their works like *Sapphira* and *the Slave Girl* 1940. But still many writers questioned the class problem as old ruins still invade a place in modern life. John Steinbeck’s masterpieces, such as *Of Mice and Men* and *Cannery Row*, were good paradigms of exploiting peasants in California, while F. Scott Fitzgerald’s classic American novel *The Great Gatsby* presented the gap between social different classes. Fitzgerald’s *Gatsby* as a good epitome of an ordinary man who realized his dream but his dream made him dishonest and corrupted. The corruption of the society gave the chance to antihero like *Gatsby* to deform the beauty of the American dream.

The Catcher in the Rye, Salinger’s masterpiece, tells a horrible tale of a young boy growing up in a degenerated world (New York). Young Holden Caulfield is dismissed from school because of poor academic performance. The anti-hero-Holden Caulfield analyzes adolescent problems Holden Caulfield and his journey from childhood to adulthood, those including Holden’s protection of innocence, his disgust of the adult world, and his isolation from society. “Modern” and “postmodern” writers used anti-hero as a message to reveal the weaknesses of the society and the dying concepts were represented by the American dream.

The American writers relocate the condensation of the work from solely imitating the world in which they lived to say something about that world, likewise. This closely correlates with a new vision of the American dream as strengthening their individuality in teamwork, organizing opposition to the evil magnitude of the society, such as slavery, corruption, and humiliation.

“Modernism” and “postmodernism” furthermore responded to an epidemic sense of deprivation and stupor indoctrinate by the social and technological changes of the 20th century. Disillusionment and confusion characterized the “up-to-date Mood”. It turned out growingly explicit that many traditional ethics and social criterion had substituted seriously. This shift brought by “modern” and postmodern” writers who changed the way of people’s interaction. Many authors who represent the line of modernism and postmodernism create in their prose and poetry variety of ways challenging the American dream and its illusion like J. D. Salinger in his work *The Catcher in the Rye* 1951, Ralph Ellison’s *the Invisible Man* 1952, Hunter S. Thompson’s *Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream* (1971), Thomas Wolfe’s *The Bonfire of the Vanities* (1987) and others. The works of all “modern” and “postmodern” style considering the possibilities for individuality questioning the reality and fakeness of the American dream in such huge society that lost his faith in ideals. The directions of “modern” and “postmodern” literature deal mostly with the ideals of the American dream and the outline to destroy the old-fashioned traditional beliefs. The faith in the American dream grasped by people in the USA that through drudgery, valor, and resoluteness one can attain a better life, usually through a pecuniary boom. The American dream has become a universal question, and some people believe it underlines material prosperity as a measure of winning and felicity.

In conclusion, this article reached a very important point that modernism and postmodernism are not different movements in literature as it is known but it is one movement which is developed according to many changes occurred in a certain period of time where the American dream underwent to the changes, so its meaning changed to mean corruption and dishonesty which shivered the real image of its beauty.

References

1. Gardner H., De la Croix H., G. Tansey R., Kirkpatrick D. *Gardner's Art Through the Ages* //San Diego: Harcourt Brace Jovanovich. 1991. ISBN 0-15-503770-6, p. 953.
2. Wright S. *Modern American literature*, Student// University of North Carolina at Pembroke, 2000.
3. Childs P. *Modernism*//Routledge. 2008. p. 4. ISBN 0415415462.
4. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Merriam-Webster> (access date 25.04.2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.125

Сангинова Ш.А.

Преподаватель общеуниверситетской кафедры иностранных языков, соискатель кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков Худжандского Государственного Университета имени академика Б.Г.Гафурова Республики Таджикистан

ОБ ОДНОМ ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу средств выражения принадлежности в современном английском и таджикском языках. Таким средством выступают английские притяжательные местоимения в своей связанной форме. Сочетаясь с именем существительным, такое местоимение образует субстантивное словосочетание, между компонентами которого обнаруживается субъектно-объектного отношения, т.е. некоторому субъекту принадлежит некий объект.

В таджикском языке такое отношение выражается тремя способами: сочетанием имени существительного с личным местоимением, комбинированием возвратно-эмфатической морфемы с именем существительным, присоединением возвратного местоимения худ + указанной морфемы к существительному. В первом случае внимание акцентируется на субъект, во втором словосочетании объект находится в центре внимания, а в последнем случае выделяется и субъект и объект одновременно. В английском языке в качестве эмфатического средства выступает логическое ударение.

Ключевые слова: посессивность, субъект, объект, притяжательные местоимения, личное местоимение.

Sanginova Sh.A.

Lecturer of the all-University Department of Foreign Languages,
Researcher of the English translation and grammar department of the faculty of foreign languages,
Khujand State University named after academician B.G. Gafurov
Republic of Tajikistan

ON ONE OF THE MEANS OF EXPRESSING ATTRIBUTIVE POSSESSIVENESS IN MODERN ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES

Abstract

The article is devoted to the contrastive study of expressing attributive possessiveness in Modern English and Tajik. In Modern English possessive pronouns in their conjoint form serve as such a means. Combining with a noun such a pronoun forms a substantial phrase between the components of which there exists a subjective-objective relation. The content of this relation is reference of an object to some subject. Such a relation finds its expression in Modern Tajik by three means: by combining a noun and a personal pronoun, by adding a reflexive-emphatic morpheme to a noun, by means of the reflexive pronoun "khud"+ the mentioned morpheme, which are added to a noun. In the first case the subject is emphasized, in the second case the object, is in the center of attention, in the third case both of them are emphasized. For these three purposes Modern English uses the logical stress.

Keywords: possessiveness, subject, object, possessive pronouns, personal pronouns.

В языке разграничивают категорию посессивности, которая относится к разряду функционально-семантической категории, так как в её выражении участвуют не только морфологические, но и лексические, синтаксические и даже фонетические средства.

Само понятие посессивности заимствовано из английского языка "Possession" и обозначает обладание и принадлежность. Понятие обладания предполагает нахождение чего-либо или кого-либо, у кого-либо или у чего-либо. Например: "I want you to have a baby, Annette" [4, 37].

"Well, I had an idea of going back to camp". [5, 136].

"Занъир аввал аз Бадалбек нель гумони бад надошт". [6, 9].

"Ной гарангъо, вай мард як мильон пул доштагист, ба нафт пушти Занъир мерасад". [6,37- 38].

В этих примерах понятие обладания выражено личной формой глагола "to have" в английском языке и "доштан" в таджикском. В таких случаях следует говорить о предикативной посессивности, которая находит своё выражение в структуре предложения. Как было отмечено выше, под посессивностью понимается не только обладание, но и принадлежность, которая находит своё выражение в структуре словосочетания. Например: cat's eyes, my hand и т.д. В таджикском языке в качестве примеров можно привести следующие: чашмони гург, фикри ман, хонаам и т.д.

Как видно из данных примеров, в английском языке одним из средств выражения принадлежности является апостроф '-s, в качестве другого средства выступает притяжательное местоимение. В таджикском языке принадлежность находит своё выражение при помощи либо изафета – и, либо личного местоимения, связанного с именем существительным при помощи того же изафета или же посредством особых единиц, называемых в таджикском языке "бандакълонишинъои шахси-соъибӣ". (энклитические местоимения)[4, 219]. Примеры приведены выше.

Когда принадлежность выражается грамматическими и лексическими средствами, то речь должна идти об атрибутивной посессивности. В частности, в словосочетании "отчий дом" посессивность выражена лексическим средством, т.е. при помощи притяжательного прилагательного "отчий", в примерах типа "хонаи падар" и "father's house" принадлежность конструируется при помощи грамматических средств, к которым относятся таджикский изафет -и, и английский апостроф - 's.

В данной статье анализируются способы выражения атрибутивной посессивности при помощи английских притяжательных местоимений и их таджикских эквивалентов. В английском языке функционирует особый разряд местоимений под названием “Possessive pronouns” (притяжательное местоимение). Каждое личное местоимение имеет параллельную форму притяжательных местоимений. У этого типа местоимений разграничиваются формы числа, рода и лица, имеется присоединяемая форма и абсолютная форма.[3, 97]. К присоединяемым формам притяжательных местоимений относятся следующие:

Таблица 1

	Единственное число	Множественное число
I лицо	My	Our
II лицо	Your	Your
III лицо	His (муж. род)	Their
	Her (жен. род)	
	Its (без рода)	

[см 3,97]

Эти слова в древнеанглийском языке были формами родительного падежа личных местоимений, а в среднеанглийском языке они стали использоваться как притяжательные местоимения [3, 96]. Эти формы называются присоединяемыми, так как они присоединяются к именам существительным и образуют субстантивное словосочетание. Например: *my book*, *his task*, *our city* и т. д. Эти притяжательные местоимения определяют имя существительное в плане принадлежности номинируемого данным существительным предмета какому-либо лицу или объекту, т.е. эти местоимения выполняют атрибутивную функцию, которая предполагает наличие субъектно-объектного отношения. Суть этого отношения заключается в том, что определенному субъекту принадлежит соответствующий конкретный объект. В частности, если сказать “*their house*”, то это означает, что некий объект под названием “*house*” принадлежит субъекту “*their*”. Следовательно, притяжательные местоимения в присоединяемой форме в английском языке служат для выражения посессивности. Следует разграничивать отторжимую и неотторжимую принадлежность (см. Исаева АКД стр. 14). Под отторжимой принадлежностью следует понимать такую принадлежность предмета, который не является неотъемлемой частью обладателя. Если сказать “*my book*” то слово “*book*” указывает на отнесенность книги ко мне. Эту книгу я могу подарить или продать кому-то, т.е. она является отторжимым предметом.

Под неотторжимой принадлежностью следует понимать принадлежность такого предмета кому-либо, составной частью которого он является в результате чего его нельзя отторгать от обладателя. В частности, если сказать “*my pose*”, то ясно, что нос невозможно отторгать от меня и дать его кому-либо.

В таджикском языкознании проблема посессивности не изучена вообще, не говоря уже о понятиях типа предикативная посессивность, атрибутивная посессивность, отторжимая принадлежность, неотторжимая принадлежность и т.д. Здесь отсутствует также специальный разряд местоимений, указывающих на принадлежность одного предмета другому предмету. Как было отмечено выше, единицы типа - ам, - ат, - аш, - амон, - атон, - ашон в словоформах типа гапам, гапат, гапаш, гапамон, гапатон, гапашон называются местоимениями.

Как приведено в учебнике “Забони адабии ӯзбираи тољик”, “энклитические местоимения одновременно указывают и на принадлежность, и на лицо, присоединяясь к концу имён предмета. Их можно заменить сочетанием имени существительного и личного местоимения, связанного с существительным при помощи изафета - и”. Кроме того, в этой книге говорится о возможности замены этих двух эмфатически-возвратных единиц. [1, 220] Следовательно, в таджикском языке разграничиваются три средства выражения атрибутивной посессивности, тогда как в английском языке этой цели служат только присоединяемые формы притяжательных местоимений. С вышеуказанным мнением таджиковедов нельзя согласиться полностью. Как отмечает К. Усмонов, “- ам, - ат, - аш, - амон, - атон, - ашон, нельзя считать местоимениями, т. к., во-первых, местоимение является частью речи, а не “бандак” (связка), как об этом пишут таджиковеды, и во-вторых, местоимение, как часть речи, не пишется вместе с другим словом. Если -ам, - ат, - аш и другие считать словом, то согласно теории словообразования, единицы типа **китобам, китобаш** следует считать сложными словами, что является абсурдным, и наконец, ни в одном из индоевропейских языков “бандак” не может функционировать как отдельная часть речи, поэтому -ам, -ат, - аш и т. д. не являются лексическими единицами, а относятся к сфере грамматики. [2, 52].

Мы, придерживаясь мнения К. Усмонова, также не относим единицы типа -ам, - ат, - аш и т.д. к разряду местоимений. Они являются морфемами, у которых есть особая функция, о чём пойдёт речь ниже. Наш фактологический материал свидетельствует о том, что в качестве основного эквивалента вышеуказанных притяжательных местоимений английского языка выступают личные местоимения, связанные с существительным при помощи изафета – **и**. Например: *my heart* – дили ман, *their attention* – диќќати онњо, *his duty* – вазифаи ӯ, *his friend* – дӯсти вай, *its cover* – муковаи он. В пределах этой эквивалентности между сопоставляемыми языками имеются некоторые различия. Во-первых, в английском языке сначала идёт притяжательное местоимение, тогда как в таджикском языке его эквивалент (личное местоимение) следует за именем существительным; во-вторых, компоненты таких образований связываются в английском языке способом примыкания, тогда как в таджикском языке

используется изафетная связь. В-третьих, в английском языке разграничиваются две родовые формы притяжательных местоимений третьего лица единственного числа, когда обладателем является лицо, а в таджикском языке род у местоимений не разграничивается. Если предмет относится к лицу мужского рода, то английский язык использует словоформу **his**, а при принадлежности предмета лицу женского пола англичане употребляют форму **her**. Ср.: Her lips – лабони ў (вай), his eyes – чашмони ў (вай). Когда предмет принадлежит не лицу, род не различается, а используется словоформа **Its**. В таджикском языке **Its** передаётся двумя местоимениями в сочетании с изафетом: **вай, он**. Например: Its leg – пояи он (вай). Здесь имеется в виду ножка стола или чего – либо другого. Its tail – думи вай (он), здесь имеется в виду хвост лисы, волка и т.д. Следует отметить, что в семантическом плане между эквивалентным сочетанием **my book** и **китоби ман** имеются некоторые различия. Конструкция **китоби ман** подразумевает не чью-то книгу, а именно свою книгу. Например: Китоби ман гум шуд. Здесь говорящий подчёркивает, что потерялась только его книга, а не других. В английском языке для выражения этого смысла следует поставить логическое ударение над притяжательным местоимением: My book is lost. Когда говорящий хочет подчеркнуть не обладателя предмета, а обладаемый предмет, то в таджикском языке употребляются единицы типа - ам, - ат, - аш. Например, в предложении “Китобам гум шуд” говорящий хочет подчеркнуть, что у него потерялось не что-либо другое, а именно книга, а в английском языке данный смысл передаётся сочетанием притяжательного прилагательного с именем существительным. Следовательно, данное предложение с таджикского языка переводится на английский тем же образом, что выше: My book is lost. Но в отличие от предыдущего случая здесь ударение падает на “**book**”. Поскольку единицы типа –ам, - ат, - аш и т. д. служат для эмпазы, то К. Усмонов называет их возвратно-эмфатическими морфемами, а не местоимениями [2,52], с чем солидарны и мы.

Что касается таджикского возвратно-эмфатического местоимения, как средства выражения посессивности, то с мнением таджиковедов нельзя полностью согласиться, так как в таджикском языке в этот разряд местоимений входит только одно слово **худ**, поэтому, когда говорим **китоби худ**, то неясно, кому принадлежит книга, она может быть и моей, и твоей, и его, и нашей, и т.д., так как **худ** подразумевает все лица и числа, поэтому для выражения посессивности к слову **худ** следует добавить возвратно-эмфатические местоимения – ам, - ат, - аш, что способствует точному выражению принадлежности предмета тому или иному лицу или лицам. Например: Китоби худам – my book, китоби худат (худатон) - your book, китоби худааш - his book (her).

Таким образом, в английском языке имеется только одно средство выражения атрибутивной посессивности, а в таджикском языке их три. Разница между языками заключается также и в том, что в английском языке компоненты таких словосочетаний связываются способом примыкания, тогда как в таджикском языке используется изафетная связь. Ещё одна разница заключается в том, что посессивность в английском языке выражается лексическими средствами, т.е. притяжательными местоимениями, тогда как в таджикском языке кроме лексических средств (личных местоимений) используются также и грамматические средства (возвратно-эмфатические морфемы).

Литература

1. Забони адабии ӯзорираи тољик. қисми I. Душанбе: Ирфон, 1973.-452с.
2. Усмонов, К.У. Морфология муқоисавии забони англисӣ ва тољики. К.Усмонов.- Хуљанд 2015. – 232с
3. Ganshina, M. A. English Grammar. / Vasilevskaya N.M, Ganshina M.A.- M.: Higher Publishing House, 1964.-544p.
4. Cussack, D. Say no to Death./ D.Cussack. – Kiev: Dnipro Publishers, 1976 - 383p.
5. Maghidson, G. K. Islands in the Stream./ Stepanova - G.K.Maghidson.- M.: Military Publishing House USSR. Ministry of Defence, - 1975 – 248p.
6. Фирӯз,Б. Агар вай мард мебуд./ Б.Фирӯз. – Душанбе: Адиб, 1987 –384с.

References

1. Modern Tajik literary language, part I. Dushanbe: Irfon, 1973-452p
2. Usmonov K.U. The Comparative morphology of Tajik and Russian./ K.U Usmonov- Khujand: 2015.-232p.
3. Ganshina, M. A. English Grammar. / Vasilevskaya N.M, Ganshina M.A.- M.: Higher Publishing House, 1964.-544p.
4. Cussack, D. Say no to Death./ D.Cussack. – Kiev: Dnipro Publishers, 1976 – 383p.
5. Maghidson, G. K. Islands in the Stream./ Stepanova - G.K.Maghidson.- M.: Military Publishing House USSR. Ministry of Defence, - 1975 – 248p.
6. Firuz, B. If he would be a man. /B.Firuz.-Dushanbe:Adib, 1987-384p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.031

Собченко Т.А.

ORCID: 0000-0003-0405-2628, Аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается текущее положение и возможное развитие языковой политики на территории Испании. Отмечается актуальность и важность этих процессов для формирования текущей языковой картины мира и возможного прогнозирования ее будущих трансформаций.

Ключевые слова: языковая политика, билингвизм, глобализация, государственный язык, мажоритарный язык, многоязычное общество, языковой вариант, альтернативный дискурс, языковое разнообразие

Sobchenko T.A.

ORCID: 0000-0003-0405-2628, PhD student on the Philological faculty of Peoples' friendship university of Russia
LANGUAGE POLICY IN MODERN SPAIN

Abstract

The article under discussion is intended to describe the current position and possible development of language policy in modern Spain. The author emphasizes the importance and urgency of these tendencies for the formation of the current linguistic world – image.

Keywords: language policy, bilingualism, globalization, national language, majority language, multilingual society, regional linguistic variant, alternative discourse, linguistic diversity

На сегодняшний день, более чем 35 лет после утверждения испанской конституции в 1978 году, лингвистическая ситуация и языковая политика в Испании очевидно претерпела значительные изменения. Главный закон страны официально обозначил Испанию как государство, на территории которого официально используется несколько языков, взаимодействующих в рамках особой лингвистической концепции “территориального билингвизма”. Иными словами, языки, отличные от испанского признаются официальными в тех областях, где на них разговаривают, а правительствам этих регионов предоставлены полномочия для определения и развития языковой политики в этих регионах. В современном мире такая ситуация встречается довольно часто, как минимум 40% населения земли так или иначе использует в своей повседневной жизни несколько языков или хотя бы проживает в регионах, где активно используются несколько языков. Но в конституции Испании 1978 года впервые было дано законодательное обоснование возможности местных региональных правительств устанавливать и развивать собственную языковую политику, вплоть до использования собственных независимых языков, отличных от государственного. В третьей статье Конституции говорится:

1. Из языков Испании кастильский является официальным государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им.
2. Остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных Сообществах в соответствии с их Уставами.
3. Богатое языковое и диалектное разнообразие Испании является частью ее культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой. (1)

Таким образом, в этом документе впервые было признано языковое разнообразие, которое существовало в Испании уже на протяжении нескольких столетий, но не получало достаточного освещения в силу повсеместного использования кастильского варианта испанского языка.

Можно сказать, настолько рискованные уступки в отношении региональных языков и диалектов были сделаны с целью смягчить последствия франкизма. Несмотря на определенные достоинства столь щедрой языковой политики, прописанной в Конституции 1978 года, законное возрождение и культивирование региональных языков (каталонского, баскского и галисийского) послужило стимулом к возобновлению националистических настроений. Таким образом, националистам предоставилась возможность контролировать степень взаимодействия и использования как региональных языков, так и основного государственного языка. Все это готовит весьма благодатную почву к возникновению идей о предоставлении региональным языкам статуса основного языка в соответствующих регионах (в обход кастильского языка).

Во многом настоящее языковое разнообразие на территории Испании сложилось в силу различной степени романизации – влияния латинского языка, которому подверглись языки, использовавшиеся в этих регионах ранее. На сегодняшний день официальное закрепление существования и использования обозначило начало новой эпохи, когда каталонский, галисийский и баскский языки заняли свое законное место рядом с кастильским вариантом испанского языка. Но на сегодняшний день данная языковая политика интерпретируется достаточно искаженным образом, когда национализм часто выступает как единственная или наиболее значимая сила, выступающая от имени того или иного регионального языка. В некоторых случаях националисты монополизируют публичный дискурс, буквально “присваивая” язык себе, становясь его “хозяевами”, становясь при этом “единственным транслятором чувств говорящих на нем людей” (2).

Стоит заметить, что важную роль в любых изменениях языковой картины или политики играет не только политическая ситуация, но также и социальный фактор. Испания сочетает в себе два противоречивых принципа – несколько национальностей существуют в рамках единой испанской нации. В Конституции Испании, как и в законодательных документах многих стран Европы, не употребляется термин “меньшинство” для определения людей, использующих при общении язык, отличный от государственного. Такая политика была свидетельством умаления значения региональных языков и культур.

Одним из самых ярких недостатков испанской языковой политики является “концентрация” языковых прав региональных языков исключительно в тех областях, где они используются. Это сразу же помещает эти языки в невыгодное и приниженное положение, препятствуя формированию полноценного двуязычия.

Конечно языковая политика Испании и по сей день находится в стадии формирования, так как до сих пор не решены вопросы с языковой ситуацией в Валенсии, Неварре, Астурии, Валь-д’Аран и Балеарских островах.

В заключении мне хотелось бы привести цитату Мерсе Виларубиас, преподавателя английского языка в официальной школе языков в Барселоне и автора книги «Складывать, а не вычитать. Почему в Каталонии нужно двуязычное образование»: «Мы многоязычная страна, в которой к тому же существует общий мажоритарный язык. Ситуациями разнообразия всегда сложнее управлять, чем теми, в которых преобладает однородность, но тот уровень нетерпимости и вовлеченности, которого достиг в Испании языковой вопрос, заставляют задуматься о необходимости немедленного и решительного вмешательства с целью попытаться направить этот вопрос в другое русло. Все, в общем, согласны с тем, что проблемы языковой политики не получили никакого удовлетворительного рассмотрения и решения и что это одно из главных препятствий на пути нашего общего будущего как страны. Иными словами, настал момент подумать о реформе в языковой сфере» (3).

Необходимо выработать подход к ведению языковой политики многоязычной страны, который бы учитывал интересы носителей всех языков, не ущемляя и не превознося никого из них. Ведь в статье 3.3 основного закона страны говорится: «богатство разных языковых вариантов Испании является ее культурным достоянием и предметом особого уважения и защиты» (4).

Наиболее оптимальной и действенной политикой может стать окончательное признание языкового разнообразия Испании и интеграция всех официальных региональных языков во все государственные институты наряду с государственным испанским языком. Выбрав такую политику сближения и интеграции, государство будет способно выстраивать разумную и почтительную языковую политику по отношению ко всем языкам Испании. Государство не должно позволять никаким отдельно взятым людям или группировкам диктовать языковую политику и определять будущее того или иного языка. Необходимо выработать языковую модель, учитывающую и уважающую языковые права всех граждан страны. Только так можно в полной мере обеспечить соблюдение прав языков, а также полноценно представлять говорящих на них людей. Главной задачей на сегодняшний день является изменение самого отношения к языковому разнообразию в стране. Необходимо прийти к тому, что многоязычие – положительная характеристика любой страны, связанная с ее способностью принимать различия и уметь их примирять.

Граждане страны не должны становиться заложниками той или иной политики региональных или центральных властей. Нужно помнить, что языковые противоречия чаще всего теснейшим образом связаны с религиозными и политическими противостояниями и потенциально способны гораздо сильнее расколоть общество.

В документе ЮНЕСКО, известном как «Всеобщая декларация культурного разнообразия» можно найти следующие слова: «... человечество развивается и нуждается в разнообразии...» Нашей первоочередной задачей является сохранение и развитие существующих языков и языковых традиций. Это важно делать не только для сохранения стабильности, преемственности поколений и поддержания лингвистического разнообразия, но и для того, чтобы не потерять те знания, которые сейчас находятся в наших руках.

Литература

1. Spanish constitution, 1978 (Boletín Oficial del Estado, #311, December 29, 1978), 29.313-29.424.
2. Blas Arroyo, J.L. “Las comunidades de habla bilingües. Temas de sociolingüística española”, Zaragoza: Pórtico, 1998
3. Merce Vilarrubias, “Sumar y no restar: razones para introducir una educacion bilingue en Cataluña”, Editorial Montesinos, 2012 – 176 p.
4. Act 1/1998, January 7, Linguistic policy (Diario Oficial de la Generalitat de Catalunya, issue 2553, January 9, 1998), 291-303.

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.058

Тхайцухова А.М.

ORCID: 0000-001-9437-3171, кандидат филологических наук,
 Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
СИСТЕМА ОБРАЗОВ КНИГИ «ЭТА ЗЕМЛЯ» К.Л. МХЦЕ

Аннотация

Целью данной статьи является исследование системы образов в лирических стихотворениях, включенных в книгу «Эта земля» К.Л. Мхце, а также анализ стилистическо-тематических особенностей их воплощения. В данном исследовании применялись описательный и интерпретационный методы исследования. В ходе исследования проанализирована система образов книги К.Л. Мхце «Эта земля», дана интерпретация, описание собственного понимания и трактовка выбранных для анализа произведений, представлена динамика развития мастерства поэта в аспекте исследуемой проблемы.

Ключевые слова: абазинская поэзия, лирика, лирический герой, лирические стихотворения, образ, образ сердца, образ гитары, образ коня, образ поезда, образ ладьи, образ белых акаций, семантическое поле, символ.

Тkhaytsukhova A.M.

ORCID:0000-001-9437-3171, PhD in Philology,
 Karachay-Cherkess state university after named U.D. Aliyeva
SYSTEM OF IMAGES OF THE BOOK «THIS EARTH» TO K.L. MKHTSA

Abstract

The purpose of this article is to research the system of images in the lyrics including the book «This Earth» by K.L. Mkhitsa and also the analysis of stylistic and thematic features of their embodiment. In this research descriptive interpretative and methods of research were applied. In the course of research the system of images of the book of K.L. Mkhitsa «This earth» was analysed the interpretation and description of his understanding and the interpretation of the chosen works for the analysis, was given the dynamics of development of the poet's in skill aspect of the studied problem was represented.

Keywords: abazin poetry, lyrics lyrical hero, lyrics, image, image of heart, image of a guitar, image of a horse, image of the train and image of a castle, image of white acacias, semantic field, symbol.

Основным образам произведений, включенных в третий поэтический сборник «Эта земля» К.Л. Мхце относятся: сердце, гитара, конь, поезд, ладья, ветер, опадающие листья, звезда и белые акации. В данной статье представлен анализ образов *сердца, гитары, коня, поезда, ладьи и белых акаций*.

Сердце

Еще с самых первых произведений в лирике К.Л. Мхце отчетливо прослеживается одна особенность, когда герой как бы отстраняется от самого себя, когда его замещает собственное **сердце**, функционирующее самопроизвольно и автономно. Подобная персонификация находит продолжение и развитие в последующие периоды творчества. Приведем некоторые примеры из книги «Эта земля»:

Бара йбыздзышуа йгвмачуа сара сгвы

(Изжаждавишь по тебе, приходило в отчаяние мое сердце);

Антенната сгвы тшанархан бара бпныла

Йцыхъвахауа ахабарква йрызпшитI

(Антенной повернулось к тебе мое сердце и ожидает последних известий);

Ауаса сгвы йабун, йызгывыз акнига

Акнига бзиква йрыцIхуазива йпхацата

(Сердцу моему казалось, будто написанная мной книга, постеснявшись, покидала полки хороших книг).

Заметим, герой не говорит: «мне казалось», это сердцу кажется, будто книга стесняется своего несовершенства, потому что разумному существу представившаяся картина была бы только лестной, а вот сердце исходит из нерациональных соображений в своих ощущениях. Как видим, здесь намечается какая-то нестыковка, расхождение между обычным, правильным с традиционной точки зрения восприятия действительности и интерпретацией этой действительности сердцем. Оно оказывается глубже, мудрее, нестандартнее всякого разумного и рационального начала, что подкрепляется и следующим примером: «Сгвы съазилнатуа изымдыруа йапидзата» (так же, как я не ведаю о том, куда зовет меня сердце). Владелец сердца не возьмет в толк то, что знает и к чему ведет его сердце. Это странное противостояние с еще большей очевидностью проступает в таком двустишии:

Бзи бызбачвитIта, сгвы шарпныдза йсыхитI,

ЙызхъасымцIахуа хIанйара йазпшитI

(Я тебя так сильно люблю, что сердце болит до рассвета и ожидает встречу, в которую я уже не верю). Герой уже разуверился в возможности встречи, а сердце вопреки всему верит и ожидает ее. И в следующем примере не сам герой делает выбор между самой прекрасной и менее привлекательной девушками, а его сердце:

Са сыгвгы йампшуата

Дшагам бара багъ,

ЙычвитI цIис багIдзата

Датша хъышкI апыхъ

(И сердце мое, не глядя на то, что нет тебя лучше, засыпает мокрой птичкой у другого окна). И здесь сердце поступает вопреки логике, предпочитая прекрасной девушке менее красивую и совершенную, под чьим окном оно и засыпает мокрой птицей.

Гитара

С древних времен олицетворением поэзии выступала лира. И само слово «лирика» происходит от греческого *lirikos*, что буквально означает – произносимый под аккомпанемент лиры [3, 145]. Эта традиция пошла из Древней Греции, где чтение стихов сопровождалось звучанием лиры.

Любопытно, что в стихотворении «Поэтам Чили» К. Мхце в качестве символа поэзии, ее духа и протестующего начала избирает именно гитару:

АуысагІв, йґлацтІых угитара!

У-Псадгьыл унныла йнапишИ!

(Поэт, подними свою гитару! Родина смотрит в твою сторону!).

Стихотворение «Поэтам Чили» явилось откликом абазинского поэта на военный переворот в этой латиноамериканской стране, и в начальных строфах в образно-поэтическом ключе передана историческая ситуация:

Чили ахъахьла йсґладзата

Акъанджъаква пссґитІ йцІыруамца...

Пабло, упсыма угвы агІвжвата,

У-Псадгьыл йбаларцІаз амца?

ЙанґІажвпІаха алашцара,

Адгьыл тшанакІваба шала,

Пабло, уащайцІба йгитара

Зынла йґІамачвыстІ аквцІаквала,

Ауаса, уарадгьи бжахІвата

ЙґІайшІдрычІватІ ауыгьи йща хийа.

ЙґІанхада згитара абгата?

Згвы хъацІара таркІву дзачІвыйа?..

(Над Чили очень низко с криком несется воронье... Пабло, от того ли у тебя разорвалось сердце, что родину твою ввергли в огонь? Когда сгустилась тьма, когда земля искупалась в крови, Пабло, гитара твоего младшего брата сразу засверкала струнами. Но, оборвав его песню, заставили его харкать праведной кровью. У кого гитара осталась цела? Чье сердце наполнено мужеством?..)

Уже в следующей строфе идет обращение к поэту, призывая его поднять свой род оружия – гитару, становящуюся в контексте стиха символом сопротивления темным силам: «Поэт, подними свою гитару!» И в данном случае это кажется вполне оправданным и уместным, так как образ гитары вырастает в стихе самопроизвольно в связи с развитием сюжетной линии, связанной с именем чилийского певца.

Конь

В стихотворении «Моя поэзия» из первого сборника поэтическое творчество К. Мхце соотносил с орлом, с поднебесной высоты зорким взором оглядывающим беспокойный мир («Уарбата тшґлацтІухьын, ла цІарала / Йтынчым адуней ґлауныыхвитІ уа») и с оружием («Уара уакІвнІ йґласытхаз са абжъарта»). Но здесь намечается один любопытный момент: лирический герой говорит, что ему вместо коня дано время. Интересна игра воображения, позволившая стихотворцу замещать время конем («Тшытагьи йсыманІ азаман»). Замещение, вероятно, произошло по аналогии: если конь преодолевает географическое пространство, почему бы ему не преодолеть и пространство временное? Но упомянутый образ коня находит продолжение в заключительной строфе, ассоциируясь, рождая аллюзии с другим образом:

Йаъума уа уацКысгьи йцІарата

Адуней апны датша абджъар?

СхакІва апи йласыта, йґІампсауата

ЙґґІахъама хакІвакІ ахабар?!)

(Существует ли в мире столь же острое оружие, как ты? Слышала ли ты весть о легком, не устающем, как мой жеребец?!)

Напомним: в данном стихотворении под «оружием» подразумевается поэзия. И в этом контексте, тем более в финале стихотворения, озаглавленном «Моя поэзия», упоминание о прозаическом жеребце не может быть просто бытовой деталью. Если лирический герой ставит риторический вопрос о жеребце перед Поэзией, то между ними, скорее всего, должна существовать какая-то внутренняя связь. И, вероятнее всего, что здесь имеется в виду Пегас, выбивавший своим копытом источник вдохновения для поэтов.

Подобную же прозаизацию высоких поэтических категорий мы наблюдаем и в стихотворении «Сломал я ногу, когда перевернулась гнедая». Лошадиная масть упоминается без какого-либо пафоса, как будто речь идет об обычной рабочей лошади. Но и здесь, на наш взгляд, гнедая воплощает в себе две ипостаси: с одной стороны, это обычная лошадь, средство передвижения в пространстве; но ее же не только можно, а нужно воспринимать и как сниженный опразаизированный образ Пегаса, на котором лирический герой-поэт путешествует по стране Поэзии. Мы уже неоднократно отмечали, что мотив пути в творчестве К. Мхце отождествляется с поэтической дорогой. И в данном стихотворении есть прямое указание на творческую сущность героя: обращаясь к землякам, он утверждает: «Спсы ґадзату сиваивахІвагІвнІ швара) (пока я жив, я – ваш певец).

Образ коня встречается и в стихотворении «До меня доносится голос девушки». Интерпретируя стихотворение, мы пришли к выводу, что в данном случае конь олицетворяет личную судьбу поэта, как и Высоцкого, Блока, Петрарки. Разумеется, совершенно не случаен тот факт, что у разных поэтов разных эпох и народов олицетворением судьбы, роковой неизбежности выступает именно конь, воплощающий «импульсивность, неустойчивость желаний, интенсивные влечения, выступающие движущими силами человеческого поведения» [2, 223].

Поезд

В образно-метафорическом плане выступает образ поезда в стихотворении К. Мхце «Эта земля» «Журавли улетели, курлыча...»:

Акъырлюквэгъи пссгIахтI йцIыруамца...

АпстхIва чIвыуан уахъа шагIандзакI.

Ауахъ агъбаква тынчдза йгIапшуамца,

Схъышвлa йагIвыргун хъыгIа мадзакI

(Журавли улетели, курлыча... Туча плакала ночь на пролет. Ночные поезда, спокойно оглядываясь, пронесли мимо моего окна скрытую боль).

Ночные поезда, способные оглядываться в сторону лирического героя и нести в себе таинственную боль – не просто рядовая метафора, они воплощают нечто более значительное: они принимают участие в судьбе героя, становятся частью его жизни, его судьбы. Со всей определенностью это символическое значение образа раскрывается и в заключительных строках этого же стихотворения:

Абараса сантынчым, йыздыритI

Сара сыгъбагы игIайуаш ласы

(Когда я вот так не спокоен, знаю, что скоро мой поезд прибудет).

Здесь речь идет не о реальном поезде, который вот-вот подойдет к перрону, а о поезде судьбы, воплощающем в себе возможные жизненные перемены, поворотные решения.

В дальнейшем образ поезда в творчестве К.Л. Мхце находит развитие в стихотворениях «Поезд судьбы», «В поезде», «Еще чуть-чуть».

Таким образом, связанный с идеей путешествия и выступающий символом развития судьбы, роковой неизбежности, образ поезда в творчестве поэта замещает лошадей, выполняющих ту же символическую функцию.

Ладья

Образ ладьи в творчестве К.Л. Мхце занимает также достойное место. Так, в стихотворении «Подруга» поэт так обращается к образу ладьи:

СыгIвза, сджыквнaгарагы скIьанджъа

НцIрата йсымула дзцара...

(Подруга моя, если даже унесет меня моя ладья в плавание на всю жизнь...).

В стихотворении «Грусти добавляя в мое сердце...» лирический герой обращается к любимой, воплощенной в облике луны:

Сымыз, сымыз, сбазара-тенгъыз

МеIвацта йгIалстI псы зхъу бара блашара...

(Луна моя, луна моя, по океану моей жизни лунной дорожкой пролег живой твой свет). А в финале стихотворения, придавая поэтической мысли философское направление, автор ставит риторический вопрос, обозначающий лирическую природу его дарования:

Амыз амгIвац цкъала кIьанджъакI кларан

ЙалшахъумицтI амызда йдзцарныс?..

(По чистой лунной дорожке удавалось ли ладье когда-либо доплыть до луны?...).

В поздней лирике поэт наполнит этот светлый лирический образ безысходным трагизмом: после смерти поэта в архиве был обнаружен рукописный набросок четверостишия:

Заджъаль гвыгъара хъгIата йыззалыз

Аджъут рыцхIа сигIвыза сара,

СкIьанджъа хъызжъылын адуней аладз

Щарда цIуата сазытшгIитI апсра.

Среди бумаг поэта был найден и автоперевод данной миниатюры:

Как печальный жид, для которого смерти страданье

Стало сладкой мечтой жизни,

Я, пустив свой челн по слезе мирозданья,

Тоскую давно по собственной тризне.

Так находит свое развитие и завершение в творчестве К.Л. Мхце символический образ ладьи.

Белые акации

Образ белых акаций в литературе встречается не редко. В частности, этот образ довольно отчетливо прослеживается в творчестве М.Ю. Лермонтова, М. Глябичевой, К.Л. Мхце, М. Емкужева и других писателей.

В абазинскую поэзию образ белых акаций ввела М. Глябичева в стихотворении «Родные мои белые акации» [8, 27]:

ЙыздырхитI швиласцIуз са пхызкI апшта,

Скац шкIвокIва цриква, швара.

ЙишвыцIасчвуз гъсхъмаштылтI схвыцдзата

Адзыхъ цымтала сара...

(Помню, как сон, как сажала я вас, родные мои белые акации, как поливала вас в детстве водой ключевой по утрам...)

Начиная с этого стихотворения, белые акации стали своеобразной визитной карточкой поэтессы, она неоднократно возвращалась к ним, расширяя и дополняя семантическое поле, связанное с ними.

К.Л. Мхце превосходно воплотил в своих произведениях устоявшуюся в мировой культуре символику образа белых акаций. Известно, что в Древнем Египте акация почиталась как священное растение и выступала в качестве символа обновления; в индуизме считалось воплощением жизненной силы и бессмертия; в христианской традиции

выступает в качестве *символа души и бессмертия*; в эзотерической традиции являлась *символом тайного знания, посвящения* [7, 6].

Образ дерева в поэзии Керима Леонидовича Мхце впервые появляется в стихотворении «Дерево» из первого сборника «Моя березка». Между лирическим героем и деревом обнаруживается некоторая интимная связь, которая объясняется не только тем, что оно было посажено им в детстве с дорогим сердцу мальчика человеком – бабушкой, но и тем, что именно он, лирический герой, первым увидел первое цветение дерева, и именно это дерево первым услышало первые песни юного стихотворца:

*ПычИвдзата уа уакIвзанI йызгIаз сара саиша,
Са сакIвпI уа уикъагIаз пычИвдзата йызбаз.*

Образ белых акаций в творчестве К.Л. Мхце берет начало со сборника «Дороги и звезды», в частности, со стихотворении «Старые мои белые акации», в котором воссоздается образ ребенка, расширенными глазами вглядывающегося в мир под распустившими свои нежные листья акациями. Потом акации упоминаются в стихотворении «Малая Кува»:

*Ауаъа ужьвы акаца цIлажъкьва тидыришивахитI,
ЙгIакъагIахырныс ахъаз йымкъвауа...
(Там теперь отряхаются старые акации, чтобы снова вскоре расцвести...)*

Именно белая акация печально склоняет свою голову в знак сочувствия путнику, вернувшемуся домой, когда его уже никто не ждет («Возвращение»):

*Акаца цIлагъи йпахъ
ЙкIанарицитI ахъа
(И акация перед ним склоняет голову).*

И в книге «Эта земля» мы неоднократно встречаемся с образом белых акаций: «*ЙгIачIвумI ладз хъатицла скацажв хIпахъ*» (заплакала золотыми слезами старая акация перед нашим двором. – «Когда я не вернулся»), «*ПиакI гIаишыхан акацажв тыртыритI*» (проснулся ветер и задрожала старая акация. – «Журавли улетали, курлыча...»), «*Скацажв ачIгъыча апиша йаишIнажъжвитI*» (одежду старой моей акации разрывает ветер. – «Журавли»), «*Скаца црикьва, швхъыкькьва наивмыркъвын, - сIахъынхIвухуаитI*» (родные мои акации, не склоняйте свои кроны, - я вернусь. – «Родные мои акации»).

Но наиболее полное и яркое воплощение акации нашли в одном из самых лучших произведений исследуемой книги – «Когда проснутся мои белые акации»:

*ЙсызшвыргIва йъсызмхчаз агвыгъара,
Са уахъа йъасхъазхаз сызшвыргIва. –
Скаца шкIвокIвакьва анIаишыхара,
ЙсызгIайхуаитI йсчвыдзыз зымгIва*

(Простите, что я не смог сохранить надежду, простите, что сегодня я остался один. Когда проснутся мои белые акации, вернется ко мне все, потерянное мной).

Здесь мы застаем лирического героя в критический для него момент, в момент духовной рефлексии, когда пришло осознание одиночества и потери надежд. Ситуация накладывает на речь лирического героя ноту исповедальности, искренности и чистосердечности. И в таком состоянии герой связывает поворот к лучшему в своей судьбе со временем пробуждения белых акаций:

*Са йысызгIайхуаитI йсхъаитылхыз ашвакьва,
ЙсызгIамрайгъаз ашахъ абыжъкьва,
ЙшвасхIвара сгвалата йшвасымхIвыз ажвакьва,
ШвйтигIва снадзхъазгуи амIвац тивакьва*

(Ко мне вернутся забытые мною песни, голоса зари, которых я не сумел приветить; слова, что я хотел высказать вам и не высказал, тесные тропинки, что приведет меня к вашему очагу).

Лирический герой надеется, что с пробуждением акаций к нему вернутся отдалившиеся друзья, прекрасные девушки одним взглядом выразят свои потаенные мысли; герой верит в то, что к нему вернутся мелодии Инжича (реки), из тумана выступит потерянная им дорога и лицо любимой девушки...

В заключительной строфе, используя прием обрамления, поэт снова возвращается к образу ждущих пробуждения акаций, но если в первой строфе речь велась спокойно, то здесь она обретает накал и пафос, высокую лирическую патетику:

*ЙгIабзагылхуаитI йсызмхчаз агвыгъара,
Сгвы гIатыхта срызцуитI аугIакьва...
Скаца шкIвокIвакьва анIаишыхара,
Йырхъагыла ашахъ абыжъкьва!*

(Возродится надежда, которую я не сумел сохранить, вынуж сердце я к людям направляюсь... Когда проснутся мои белые акации с возносящимися над ними голосами зари!)

Анализ данного образа позволяет утверждать, что белые акации в поэзии К.Л. Мхце становятся *символом возрождения, обновления жизни, свершения самых светлых, добрых надежд и намерений*.

Таким образом, анализируя поэзию необходимо осмыслить тот факт, что лучшие поэтические творения – это нежнейшая ткань, в которую филигранно вплетены каждая художественная деталь, ритм, слово, интонация, образ... Для полноценного восприятия произведения, необходимо не только постичь тематическую направленность стихотворения, но и понять символику образов, идиостиль писателя. В данной статье мы проанализировали систему образов книги К.Л. Мхце «Эта земля», при этом мы не только определили семантическое поле выявленных образов, особое внимание мы уделяли их устойчивости, повторяемости, вариациям и динамике их развития.

Литература

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. - 240 с.
2. Жюльен К. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. Изд-во «Урал LTD», 1999. - С. 223.
3. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. - С. 145.
4. Мхце К. Дороги и звезды. Черкесск, 1971. - 62 с.
5. Мхце К. Эта земля. Черкесск, 1975. - 60 с.
6. Поэтические образы. От Акации до Ярмарки. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2005. - 207 с.
7. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевиц. Минск: Харвест, 2004. - С.6.
8. Тлябичева М. Ожидание. Черкесск, 1964. - С.27.

Reference

1. Vinogradov V.V. O teorii hudozhestvennoj rechi. M.: Vysshaja shkola, 1971. 240 s.
2. Zhjul'en K. Slovar' simvolov. Illjustrirovannyj spravochnik. Izd-vo «Ural LTD», 1999. S. 223.
3. Kvjatkovskij A. Pojeticheskij slovar'. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1966. S. 145.
4. Mhce K. Dorogi i zvezdy. Cherkessk, 1971. 62 s.
5. Mhce K. Jeta zemlja. Cherkessk, 1975. 60 s.
6. Pojeticheskie obrazy. Ot Akacii do Jarmarki. Cheljabinsk: Biblioteka A. Millera, 2005. 207 s.
7. Slovar' simvolov i znakov / Avt.-sost. N.N. Rogalevich. Minsk: Harvest, 2004. S.6.
8. Tljabicheva M. Ozhidanie. Cherkessk, 1964. S.27.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.213

Тхайцухова А.М.

ORCID:0000-001-9437-3171, кандидат филологических наук,
 Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ К.Л. МХЦЕ

Аннотация

Актуальность заявленной темы статьи заключается в том, опубликованные на сегодняшний день научные статьи преимущественно посвящены зрелому и позднему периодам творчества Керима Леонидовича Мхце. Но ни одна из них не затрагивает и не раскрывает философский аспект поэзии К.Л. Мхце. Целью данной статьи является анализ философских мотивов в ранней лирике К.Л. Мхце, описание объективной картины диалектики их развития. Конкретизируя поставленную цель, мы определили следующий круг задач: исследовать философские мотивы творчества поэта; дать собственное понимание и трактовку выбранных нами произведений по данной теме; проследить динамику развития мастерства К.Л. Мхце в аспекте исследуемой проблемы. Для реализации обозначенной цели мы использовали историко-генетический и описательный методы исследования. Также (по мере необходимости) мы обращались к интерпретационному методу исследования.

Ключевые слова: лирика, лирический герой, абазинская поэзия, философская лирика, философские мотивы, осмысление жизни, философия творчества, диалектика, дидактизм.

Tkhaytsukhova A.M.

ORCID:0000-001-9437-3171, PhD in Philology,

Karachay-Cherkess state university after named U.D. Aliyeva

PHILOSOPHICAL MOTIVES IN EARLY LYRICS OF K.L. MKHTSE

Abstract

Relevance of the declared theme of article consists in that, the scientific articles published today are mainly devoted to the mature and late periods of works of the of Kerim Leonidovich Mkhctse. But any of them doesn't mention and doesn't open philosophical aspect of poetry of K.L. Mkhctsa.

The purpose of this article is the analysis of philosophical motives in early lyrics of K.L. Mkhctsa, the description of an objective picture of dialectics of their development. Concretizing a goal, we have defined the following circle of tasks: to reaserch philosophical motives of works of the poet; to give own understanding and interpretation of the works chosen by us on this theme; to trace dynamics of development of skill of K.L. Mkhctsa in aspect of the studied problem.

For realization of the designated purpose we used historical and genetic and descriptive methods of research. Also (as required) we refered to interpretative method of research.

Keywords: lyrics, lyrical hero, abazin poetry, philosophical lyrics, philosophical motives, comprehension of life, philosophy of creativity, dialectics, didacticism.

Керим Леонидович Мхце – выдающийся абазинский поэт. Спектр тем лирики поэта обширен. Но все идейно-тематическое многообразие творчества К.Л. Мхце вписывается в философскую орбиту.

Философскую направленность творчества К.Л. Мхце отмечают многие исследователи абазинской литературы. Так, П.К. Чекалов в предисловии к книге «Керим Мхце. Наброски к творческому портрету» писал так: «Керим Леонидович Мхце ... явился родоначальником абазинской философской лирики, по глубине и масштабности, общечеловечности рассматриваемых проблем не уступающей мировой» [9, 3].

В.Б. Тугов в статье «Поэзия разума и чувств» так определил идейно-тематическую направленность поэзии Мхце: «С его именем связан качественно новый этап развития национальной поэзии. Стихи и поэмы Мхце внешне не броски, не «одеты в яркие поэтические одежды». Это создает иллюзию безыскусности, абсолютной простоты. Но простота эта сродни пушкинской и обладает такой глубокой философской и эстетической мыслью, что пытается

вобрать в себя и выразить сущность многосложного бытия (...). Прозрачная, но неисчерпаемая глубина - вот, вероятно, самая характерная особенность его поэтической индивидуальности» [8].

Развивая мысль В.Б. Тугова о сходстве эстетики лирики А.С. Пушкина и К.Л. Мхце отметим, что своеобразие философской лирики обоих писателей заключается в том, что она носила личностный, глубоко интимный характер. Что касается К.Л. Мхце, то он сам это подтверждал. На вопрос литературоведа П.К. Чекалова «Между лирическим героем Вашей поэзии и Вами, Керимом Мхце, есть ли принципиальная разница?» поэт ответил следующее: «Я не скажу: это не я, это мой герой; и здесь ошибся он, и здесь слезы свои пролил он, и здесь рассердился, и здесь споткнулся и упал... Мой лирический герой и я – одно и то же лицо. Все, что происходит со мной, я пишу от своего имени, не пытаюсь сгладить или приукрасить. И если мышление моего героя, испытанные им чувства не совпадают с моими, - такие стихи я считаю неудачными» [3].

Философское осмысление жизни четко прослеживается во всем творчестве К.Л. Мхце.

Так, например, стихотворение «Ты никогда суровой не была ко мне, судьба...», на первый взгляд посвящено любовной теме:

*Уара зынгы уыгъсычгъамызтI, сынцIра,
БзирагIвацан йсзутахъыз уара.
ЙсзухIвайын рахIа йдуу абзибара,
Уара сазгIаугтI анхIысна лхъышв акIкIара.
Уара йгъульажъам, сбазара, закIгъи
Бзи дызбарныс ыасылымшаз уаи...*

(Никогда суровой не была ко мне, судьба, лишь доброе всегда желала мне. Выбрала самую большую любовь и подвела меня к сиянию окна девушки... Ты не виновна в том, что я не сумел полюбить эту девушку...).

Как видим, любовная тема становится лишь материалом для философских размышлений: при самом благосклонном, благоприятном расположении к лирическому герою, оказывается она не может гарантировать полного исключения неудач в его жизни, не все, оказывается, зависит от нее; готовность героя принять подарки судьбы, его способность реализовать их – вот то главное, по мысли автора, что решает положительный или отрицательный исход.

И в данном случае показательно то, что лирический герой не старается переложить на судьбу собственные неудачи. Как и в стихотворении «Соскучился и вернулся к тебе, Инжич...» он пытается взглянуть на проблему диалектически, объективно и там, где возможно, принять вину на себя. Это становится характерной чертой лирического героя К.Л. Мхце более позднего творчества.

Философия творчества становится основной темой и стихотворения «Случается и так...»:

*Абар йынишитI, угъы закI ангIатагра
УхъыннархIвитI ауи, угъарчIвум мышкIы.
Ауаса упахъ сатырта йангIацтIалра,
УтынчхитIта уазнишитI датша закIы.
Араса сгъвы йгIаталын абзибара,
Йызбун ауи сгIаннамжъхуаишва зынгы,
Ауаса, схъыннархIвизтангъи цардара,
Ужъвы... сатырта спахъ йцтапI ауи.*

(Случается и так: войдет в твое сердце что-то и крутит тобой, не давая покоя. Но когда оно ляжет строкой пред тобой, успокаиваешься и начинаешь ожидать чего-то другого. Вот так вошла в мое сердце любовь, и мне казалось, что она никогда меня не покинет. Но, хотя она и покружила изрядно мной, теперь... строкой лежит передо мной).

Для любого смертного избавление от сердечного волнения, особенно от несчастливой любви требует длительного времени, большого усилия, огромного напряжения воли. Душевная мука, какой бы сильной она ни была, с течением времени слабеет, становится привычной, утихает и в конечном итоге оставляет человека. Подобное преодоление себя и своих привязанностей, вероятно так или иначе свойственно всем, но творческие люди при всем при этом имеют свою особенность, которая и раскрывается в лирической миниатюре К.Л. Мхце. Поэт не испытывает облегчения от мук и страданий, как бы долго они не длились: спасительное избавление, душевное спокойствие он может обрести только пережив этот момент творчески, превратив свои переживания в нетленную строку. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить стоки А.А. Ахматовой:

*Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет [1, 78].*

То есть сердечная печаль, убившая надежду, рано или поздно выльется в песню. Эта же мысль так или иначе, прочитывается и в стихотворении К.Л. Мхце. Здесь явственно проявляется мастерство поэта, когда он может обыграть, прекрасно оформить поэтическую мысль. Данное стихотворение интересно не только с содержательной, но и с формальной стороны, когда мысль без излишеств, лаконично укладывается в прекрасную форму стиха.

Любопытную ситуацию наблюдаем мы и в стихотворении «С тех пор как я пишу, издал две небольшие книжки», в котором лирический герой, с удивлением разглядывая свои книги, вдруг как бы засомневался в истинности собственного авторства:

*Сара сакIвизмицитI арат згIвиз?
ЙгъсакIвзарым, йшсакIвым анчва йныс!
(Неужели это я их написал? Наверно, нет свидетель бог – не я!)*

И подобное признание происходит отнюдь не от умиления перед собственной творческой значительностью, а совсем наоборот:

Арат згIвыз дгъуысагIвым йара...

ЙашIыртызытIхIва хIыхъызква хIара...

(Их автор вообще не поэт... Хотя наши имена и схожи...)

Поэт не просто снисходительно, а резко критически оценивает то, что вышло из-под его пера несколько лет назад. Таким образом, через неузнавание стихов юности поэт хочет оттенить не только факт того, что они еще не достигли зрелости, но и изменившийся взгляд на собственное творчество, которое когда-то его удовлетворяло, на обретение иного уровня поэтического видения, образного мышления... Другими словами, нынешний лирический герой осознает себя уже причастным к поэзии, и именно с этой позиции строго судит первые свои книги.

Казалось бы, определившаяся тема вполне самодостаточна и могла служить основой самостоятельного стихотворения, но, несмотря на то, что поэтическая мысль обрела уже достаточно завершённый характер, Керим Леонидович Мхце дополняет стихотворение несколькими строками, которые, несомненно, еще больше углубляют его содержание, придают ему философский характер:

СадзхъачIванI сара ари асахIат

ЙыбжагIвыркIву суысаква ртетрадб...

АлахI йдыритII сара сакIвма йзчIву

Ари скнига шIыцгъи, ужъвы сызиIу...

(Вот я теперь сижу я над тетрадью с рукописью ... Аллах ведаёт, мне ли принадлежит и эта книга, над которой сейчас работаю...)

К.Л. Мхце находит поэтическую изюминку в экстраполяции ситуации сегодняшнего дня на будущее, что и стихи, над которыми он работает сейчас, осознавая себя состоявшимся поэтом, через какое-то время могут показаться ему недостойными поэзии, как бы написанными не им, к тому времени еще более повзрослевшим и достигшим еще большего поэтического мастерства. И в этом проявляется дидактизм поэта, его не прекращающийся профессиональный рост.

Таким образом, анализируя философские мотивы ранней лирики К.Л. Мхце, отметим, что творчество поэта – это поэтическая трансформация духовной жизни человека во всем многообразии эмоций от пережитых моментов счастья и несчастья, веры и безверья, а также с вечным стремлением к самопознанию и познанию мира. Философскими раздумьями пронизана и любовная, и гражданская лирика, и стихи о дружбе и природе, о назначении поэта и поэзии в обществе, нашедшие отражение в эволюции мировоззрения и творческого метода К.Л. Мхце.

Литература

1. Ахматова А.А. Сочинения в двух т. Т.1. – М.: Правда, 1990. – С.78.
2. Джердисова А. Философия жизни и смерти // Абазашта. – 2001. – 2 июня.
3. Запись беседы П.К. Чекалова с поэтом К.Л. Мхце 25.08.93 г. – Архив П.К. Чекалова.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972 – 271 с.
5. Мхце К. Моя березка. – Черкесск, 1968.
6. Мхце К. Дороги и звезды. – Черкесск, 1971.
7. Мхце К. Эта земля. – Черкесск, 1975.
8. Тугов В. Поэзия разума и чувств (К 50-летию поэта К.Мхце) // День республики.- 1999.- 3 июня.
9. Чекалов П.К. Керим Мхце. наброски к творческому портрету. – Карачаевск: КЧГПУ, 2001. – С. 3.
10. Чекалов П.К. Страницы истории абазинской литературы. – Черкесск, 1995.

References

1. Ahmatova A.A. Sochinenija v dvuh t. T.1. – M.: Pravda, 1990. – S.78.
2. Dzherdisova A. Filosofija zhizni i smerti // Abazashta. – 2001. – 2 ijunja.
3. Zapis' besedy P.K. Chekalova s poetom K.L. Mhce 25.08.93 g. – Arhiv P.K. Chekalova.
4. Lotman Ju.M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stiha. – L.: Prosveshhenie, 1972 – 271 s.
5. Mhce K. Moja berezka. – Cherkessk, 1968.
6. Mhce K. Dorogi i zvezdy. – Cherkessk, 1971.
7. Mhce K. Jeta zemlja. – Cherkessk, 1975.
8. Tugov V. Pojezija razuma i chuvstv (K 50-letiju pojeta K.Mhce)// Den' respubliki.- 1999.- 3 ijunja.
9. Chekalov P.K. Kerim Mhce. Nabroski k tvorcheskomu portretu. – Karachaevsk: KChGPU, 2001. – S. 3.
10. Chekalov P.K. Stranicy istorii abazinskoj literatury. – Cherkessk, 1995.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.037

Устинова Л. П., Дьяченко Л. И.

Кандидат филологических наук, доцент, кандидат философских наук, доцент
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева,
Набережночелнинский филиал

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЕТА В ФОРМАЛЬНОМ РЕГИСТРЕ ОБЩЕНИЯ

Аннотация

Авторы статьи включают в рассмотрение глаголы и словосочетания со значением ответа немецкого и русского языков в рамках ситуаций формального регистра общения. Примеры анализируются в ситуациях, репрезентирующих различную степень официальности, включая ситуации, когда информация передается от лица государства и ситуации, связанные с судебными заседаниями. Выделяются группы глаголов немецкого и русского языка, представленные в вышеуказанных ситуациях, приводятся статистические данные использования глаголов со значением ответа.

Ключевые слова: формальный регистр общения, глаголы со значением ответа, Суперагенс.

Ustinova L.P., Dyachenko L.I.

PhD in Philological Sciences, PhD in Philosophy

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, Branch Naberezhniye Chelny

VERBS WITH MEANING OF ANSWER IN FORMAL COMMUNICATION REGISTER

Abstract

The authors of the article consider German and Russian verbs and word combinations with the meaning of answer in situations of the formal communication register. The examples are analyzed in the situations, representing different level of officiality, when information is offered on the Cabinet-level and in the situations connected with the court session. The groups of German and Russian verbs are determined, statistical data of using German and Russian verbs are given.

Keywords: formal communication register, answer, Superagent

Как известно, запрос информации может осуществляться различными способами, включая вопросы, просьбы или приказы и предполагает различную реакцию Адресата. Данная статья представляет собой попытку рассмотреть глаголы со значением ответа в ситуациях формального регистра общения, который характеризуется официальной обстановкой и субординативными отношениями между участниками коммуникации. Общеизвестно, что ситуации формального регистра дифференцируются по степени официальности, поэтому мы включили в анализ ситуации связанные с существованием Суперагенса, когда информация передается на правительственном уровне, а также ситуации «в суде», поскольку они соотносятся с официальной обстановкой, статусными различиями коммуникантов и требуют абсолютной однозначности при передаче информации.

Особенность ответа заключается, по мнению А.Вежбицкой [Вежбицка, 1985: 262], в особой семантической структуре, отличной от структуры повествовательного предложения. В качестве примера вопроса и возможных вариантов ответа автор приводит следующие: Ответом на вопрос *Что случилось?* могут служить следующие высказывания: – *Ничего не случилось, Я не знаю, Старик под машину попал* [Вежбицка, 1985: 262]. Е.В.Падучева описывает прямой и непрямой, полный и неполный ответы, а также ответы, соблюдающие и не соблюдающие предметную область вопроса, соблюдающие и не соблюдающие исходное предложение вопроса, ответ информативный и неинформативный для Адресата [Е.В.Падучева, 1985: 234].

Глаголы со значением вопроса и ответа могут одновременно присутствовать в монологической речи Агенса, который стремится донести определенную информацию до Адресата и обозначить при этом наиболее существенную, по его мнению, информацию, например: *Спросишь: кто писал? Отвечаю: дед, или отец, или брат* [К.Паустовский: 105].

Важно отметить, что в процессе устного межличностного общения глаголы со значением ответа употребляются преимущественно дескриптивно, описывая реакцию Адресата на речевое действие, и могут характеризовать как речь Агенса, так и речь Адресата.

Согласно статистическим данным, основанным на анализе шести тысяч примеров, глагол *antworten* употребляется в 68% случаев, глагол *erwidern* составляет 12% употреблений, *zugeben* – 5,8%, *einwerfen* – 3,6%, *stammeln* – 2,1%, *zustimmen* – 1,4%, остальные глаголы составляют менее 1% случаев. Среди глаголов русского языка по частоте употребления выделяются глаголы *отвечать* – 64 %, *подтверждать* – 9 %, *возражать* – 8 %, *одобрять* – 3 %, *настаивать* – 2 %, *обнадеживать* – 2 %, в то время как другие глаголы составляют в целом 12% случаев употребления.

Проведенный анализ показывает, что внутри микросистемы глаголов со значением ответа дифференцируются глаголы нейтральной семантики, уместные в любом из регистров общения, и глаголы с оценочным значением, которые могут иметь пейоративную или мелиоративную коннотацию.

При дескриптивном употреблении наряду с глаголами-доминантами *antworten; отвечать*, которые составляют 68% и 64% случаев употребления соответственно, в немецком и русском языках активно используются глаголы *entgegenen, erwidern; отвечать, возражать*. Причем, по данным статистики, в 70 % случаев глаголы *erwidern, entgegenen; возражать* ассоциируются с отрицательным ответом или несогласием Адресата.

Среди глаголов со значением ответа нейтральной семантики выделяется значительная группа глаголов, которые отражают отношение Агенса к актанту Содержание: 1) глаголами со значением «согласиться»: *bejahen, zustimmen, zugeben, einwilligen; соглашаться, уступать, признавать, соглашаться, подтверждать*; 2) глаголами, актуализирующими отказ: *verneinen, erwidern, widersprechen, protestieren, absagen, ablehnen, versagen, abschwören, abwehren, streiten, resignieren, verzichten; возражать, противоречить, протестовать, отказываться, отпрекаться*,

прекословить, спорить; 3) глаголами и сочетаниями, в семантике которых имеются указания на актанта Содержание, а именно: на количество задаваемых вопросов: *beantworten, отвечать на вопросы (давать ответы)*.

В ситуациях формального регистра, которые предполагают существование Суперагенса, в том случае, когда информация передается от лица государства или правительства, дифференцируются глаголы со значением положительного и отрицательного ответа. Анализ примеров показывает, среди глаголов со значением положительного ответа в данном типе ситуации используются глаголы *eingehen, (zu)stimmen, zugeben, Antwort erteilen, aufkommen, einstehen; соглашаться, признавать, давать ответ, одобрять*. Немецкие глаголы *eingehen, (zu)stimmen*, как и русские *соглашаться, признавать, одобрять*, семантика которых соотносится с характеристиками формального регистра, активно используются в ситуациях формального регистра и передают согласие, например: *Deswegen stimmten sie gegen die Aufnahme der Bundesrepublik als assoziiertes Mitglied in den Europarat* [A.Barig: 38]; Эмоции не должны препятствовать урегулированию отношений России и Японии, а любое решение по поводу Южных Курил должно быть *одобрено* как японским, так и российским обществом, заявил глава МИД РФ Сергей Лавров [actualcomment.ru>sergey].

Особый интерес в плане исследования представляют собой глаголы, актуализирующие отрицательный ответ, поскольку отрицательная реакция на правительственном уровне может повлечь за собой серьезные последствия и накладывает особую ответственность на Агенса, который уполномочен дать отрицательный ответ от лица Суперагенса. В современном немецком и русском языках в рамках данной ситуации используются глаголы и словосочетания со значением отрицательного ответа, семантика которых соответствует официальной сфере общения: *protestieren, Protest erheben/Protest einlegen, appellieren, opponieren, verweigern; опротестовать, заявлять (выражать) протест, оппонировать, опровергать, отвергать, отклонять (предложение, заявление, просьбу)*. Следующие примеры доказывают это: *Der britische Botschafter in Ecuador soll einen offiziellen Protest gegen die Behörden dieses Landes erheben, die schwedischen Ermittlern nicht erlaubt haben, den Wikileaks-Gründer Julian Assange, der seit August 2012 in der ecuadorianischen Botschaft in London* [lebtde.sputniknews.com]; *Norwegens Handball-Verband hat Protest gegen den Halbfinal-Sieg des DHB-Teams eingelegt* [http://www.t-online.de/sport/]; Министерство иностранных дел России *выразило протест* послу Польши в связи с осквернением памятника советским солдатам [ura.ru>news].

Язык юриспруденции стал объектом исследований представителей Оксфордской лингвистической школы не случайно: он требует абсолютной однозначности, которой достаточно сложно достичь в языке. В ситуации, которую мы обозначили как «в суде», выделяются глаголы со значением положительного и отрицательного ответа. Среди глаголов со значением положительного ответа дифференцируются *zugeben; признавать, соглашаться*, которые предполагают, что обвиняемый согласен с представленными доказательствами или могут означать признание вины. Отрицательную реакцию Агенса актуализируют глаголы и словосочетания *widersprechen, protestieren, Protest erheben/Protest einlegen, appellieren, опротестовать, заявлять протест, оппонировать, опровергать, отвергать, отклонять, не признавать вину*. Нижеследующий пример иллюстрирует ситуацию, которая происходит во время судебного заседания: *Ich gebe zu, dass ich den Bericht geschrieben habe* [B.Schlink: 124]; *Hanna wollte es richtig machen. Wo sie meinte, ihr geschehe Unrecht, widerspach sie, und sie gab zu, was ihres Erachtes zu Recht behauptet und vorgeworfen wurde* [B.Schlink: 105]; Несмотря на то, что никто из обвиняемых *вину не признал*, им были назначены длительные сроки заключения [http://vperedgazeta.ru]; Мы *признаём* результаты таких выборов, которые будут основаны на участии всего населения [ruskline.ru].

Итак, из вышесказанного следует, что в ситуациях формального регистра функционирует значительная группа глаголов и словосочетаний со значением ответа, репрезентирующая дифференцированное представление о реакции актанта речевой ситуации. Релевантные признаки формального регистра наряду с глаголами и словосочетаниями нейтральной семантики обуславливают использование глаголов, со значением положительного и отрицательного ответа и глаголов, отражающих характеристики актанта Содержание.

Литература

1. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. 500с.
2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271с.

References

1. Vezhbicka A. Rechevye akty // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. М.: Progress, 1985. 500s.
2. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju. М.: Nauka, 1985. 271s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.015

Фаткуллина Ф.Г.¹, Саяхова Д.К.²

¹Доктор филологических наук, профессор, ²студент факультета романо-германской филологии, Башкирский государственный университет

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №16-04-00042

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

В статье рассмотрена специфика ситуации межличностного общения в спортивной коммуникации на примере медиадискурса Республики Башкортостан. Подробное внимание уделяется участникам коммуникации, а также рассмотрению важнейших функций спортивного общения: познавательной, регулятивной, прагматической и др., знание которых помогает спортсменам в процессе их социализации и развитии личности.

Ключевые слова: медиадискурс, коммуникация, функции общения.

Fatkullina F.G.¹, Sayakhova D.K.²

¹PhD in Philology, professor, ²student of the department of Romance and Germanic philology, Bashkir State University

INTERPERSONAL COMMUNICATION IN SPORTS DISCOURSE

Abstract

The article considers the specifics of an interpersonal communication situation in the sports communication media discourse on the example of the media discourse of the Republic of Bashkortostan. Special attention is given to the participants of communication and consideration of the most important functions of sports communication: cognitive, regulatory, pragmatic and others, knowing which athletes improve their skills in socialization and personal development.

Keywords: media discourse, communication, functions of communication.

Общение является одной из важнейших сторон спортивной деятельности, от которой зависит ее результативность. Без межличностных контактов совместная спортивная деятельность невозможна. Спортивное общение представляет ситуацию вынужденного общения, когда даже конфликтующие спортсмены попадают в зависимость от действий друг друга и результативность команды напрямую зависит от их слаженных действий. Целью общения является обмен информацией между участниками спортивной и деятельности (тренер, спортсмен, арбитр, журналист, комментатор), благодаря чему происходит формирование тренировочного процесса, согласование деятельности в процессе соревнования, настройка на реализацию общих целей. Субъект, который сообщает информацию, является коммуникатором, а субъект, который получает ее реципиентом [4, 380]. Общение предстает как внутренний механизм жизни спортивной команды и играет немаловажную роль в формировании деятельности личности. Единицей общения обычно признается целостный коммуникативный акт, оформленный в обращении или в ответе на него и имеющий законченный смысл. Общение - это сложный многоплановый процесс установления и развития взаимодействия между людьми (межличностное общение) и группами (межгрупповое общение), заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга. Зарождается оно в результате возникающей потребности в совместной деятельности [3; 6, 205]. В спортивном общении принято выделять три взаимосвязанные стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную. Так, благодаря коммуникативной стороне общения спортсмен и журналист могут обмениваться информацией, а партнеры по команде согласовывать совместные действия. Перцептивная сторона общения включает в себя процесс восприятия субъектами спортивной деятельности друг друга (спортсмен-арбитр, спортсмен-спортсмен, спортсмен-журналист). Эта сторона одна из ключевых, поскольку впечатление, возникающее при восприятии соперника, формирует представление о его потенциальных возможностях [5, 375].

Интерактивная сторона представляет собой организацию совместного взаимодействия (координация игроков в процессе игры и замены, подготовка пресс-конференции, взаимодействие спортсмена и журналиста в процессе телевизионного ток-шоу) благодаря регулятивной функции общения, что является целью межличностной коммуникации как компонента предметной деятельности. Исходя из этого, можно выделить три важнейшие функции общения: информационно-коммуникативную (передача и получение информации, усвоение необходимых знаний и навыков), регуляционно-коммуникативную (координация взаимодействий), аффектно-коммуникативную (изменение эмоционального состояния). Специфика общения в спортивной деятельности заключается в ее ситуативности: общение происходит либо в рамках процесса состязания, либо в рамках тренировочного процесса. Общение может происходить и вне спортивной деятельности, поскольку деятельность спортсмена в настоящее время часто пересекается с деятельностью журналистов. Традиционным примером общения журналиста и субъекта спортивной деятельности, к примеру, в башкирском спортивном медиадискурсе являются экспресс-интервью в перерывах между играми спортивных клубов (ХК «Салават Юлаев», ФК «Уфа», БК «Уфимец»), или более развернутые послематчевые интервью [5, 375].

Коммуникация субъектов спортивной деятельности предполагает наличие единого коммуникативного пространства и активных субъектов, взаимное информирование которых способствует налаживанию совместной деятельности, посредством выработки общего смысла. Спортивное общение выступает в качестве компонента предметно-ориентированных действий, характеризующееся субъектной направленностью. Можно выделить индивидуальные, групповые и командные предметно-ориентированные действия. В командных видах спорта групповое взаимодействие и распределение функций между спортсменами требует организации их совместных действий, которая обеспечивается межличностным общением. В индивидуальных видах спорта, таких, как биатлон, борьба, спортсмен не взаимодействует с кем-либо во время состязания, однако благодаря внутрличностной функции общения, реализующейся в общении его с самим собой (через внутреннюю или внешнюю речь, построенную по типу диалога), он оценивает эффективность своих действий и планирует дальнейшие действия. Наиболее актуальным для

исследования представляется общение субъектов спортивной деятельности в баскетболе, поскольку эта игра представляет наиболее благоприятные условия для общения в рамках спортивной коммуникации. Объясняется это ситуативной адаптивностью игроков и свободным владением вербальными и невербальными средствами общения, в том числе и проксемическими характеристиками: ориентацией партнеров в момент общения и дистанцией между ними. Так, в баскетболе расстояние между партнерами составляет не более двух метров, равное персональному (от 45 до 120 см) и социальному (от 120 до 450 см) расстояниям взаимодействия, что положительно отражается на эффективности общения и соответственно на результатах команды. На общение партнеров в команде влияют статусно-ролевые и межличностные отношения. В первом случае они представляют собой распределение игроков в команде по спортивному принципу: ветеран, капитан, молодой игрок. Так, во время игры лидеры команды чаще выполняют сложные и групповые действия, согласовывая свои действия при помощи вербального общения с несколькими игроками, в то время как молодые ребята крайне редко применяют сложные комбинации с участием более одного партнера. Во втором случае отношения между спортсменами определяются личными взаимоотношениями.

С точки зрения содержания, общение спортсменов друг с другом или с журналистами может быть:

1. Когнитивным: обмен информацией. Например, молодые игроки перенимают знания более опытных партнеров (преобладает в тренировочном процессе), или же аналитические интервью спортсменов журналистам печатных изданий, общение в рамках ток-шоу и радиопередачи;

2. Деятельностным: обмен навыками и умениями. В результате совместной деятельности осваиваются новые комбинации, в рамках участия в телевизионных передачах спортсмен может пробовать себя в новой роли: пекарь, водитель, журналист.

3. Мотивационным: обмен целями, эмоциональным состоянием: победным настроем. Проявляет себя в процессе подготовки и во время соревнований.

4. Материальным: обмен предметами спортивной деятельности. Например, в баскетболе это мяч, который передают друг другу игроки, в хоккее шайба, а в легкоатлетической эстафете эстафетная палочка [3, 56, 89].

Исходя из вышесказанного, Е.П. Ильин выделяет в спортивном общении познавательную функцию (передача знаний и умений), экспрессивную (передача эмоционального состояния), регулятивную (воздействие с целью изменения или сохранения поведения спортсмена), а также функцию социального контроля (регламентирование деятельности спортсменов с помощью похвалы или порицания), социализации и развития (формирование у спортсменов коллективистских установок, развитие их личности посредством участия в различных видах деятельности) [1]. Нельзя не отметить и прагматическую функцию общения, которая отображает потребностно-мотивационные причины получения и распространения информации. Так, из-за потребности в общении спортсмены заводят аккаунты в социальных сетях, общаются со своими болельщиками, ведут блоги.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений: Монография. – СПб.: Питер, 2011. – 573 с. – (Серия «Мастера психологии»). <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/12417/ogl.shtml#t1>

2. Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: Ильиных С.А., Капишин А.Е., Матеев Д.А., Новикова А.А., Привалова Ю.В., Христофорова Н.И., Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К., Гибадуллина Л.З. – Одесса, 2012. Книга 2. – 119 с.

3. Фади́на А. Г. Психология общения в спорте: учебно-методическое пособие / А. Г. Фади́на. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 104 с.

4. Фаткуллина Ф.Г. Медиакультура как фактор воспитания и формирования личности (на материале региональных телепередач) // Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия». М.: РУДН, 2014. Т.2, С. 378-382.

5. Фаткуллина Ф.Г., Морозкина Е.А. Стилистические особенности языка региональных СМИ // Материалы XLIV Международной филологической конференции, 10 по 15 марта 2015 года. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2015 С.374-376.

6. Фаткуллина Ф.Г. Особенности современной межличностной коммуникации: деструктивное общение: Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе», 28-29 января 2016 г.–Уфа, УГНТУ, 2016 – С. 203-209.

References

1. Il'in E.P. Psihologija obshhenija i mezhlichnostnyh otnoshenij: Monografija. – SPb.: Piter, 2011. – 573 s. – (Serija «Masterya psihologii»). <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/12417/ogl.shtml#t1>

2. Sovremennaja lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija: Il'inyh S.A., Kapishin A.E., Mateev D.A., Novikova A.A., Privalova Ju.V., Hristoforova N.I., Fatkullina F.G., Sulejmanova A.K., Gibadullina L.Z. – Odessa, 2012. Kniga 2. – 119 s.

3. Fadina A. G. Psihologija obshhenija v sporte: uchebno-metodicheskoe posobie / A. G. Fadina. – Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2011. – 104 s.

4. Fatkullina F.G. Mediakultura kak faktor vospitanija i formirovanija lichnosti (na materiale regional'nyh teleperedach) // Vserossijskaja (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskaja konferencija «Innovacionnoe prepodavanje russkogo jazyka v uslovijah mnogojazychija». M.: RUDN, 2014. T.2, S. 378-382.

5. Fatkullina F.G., Morozkina E.A. Stilisticheskie osobennosti jazyka regional'nyh SMI // Materialy XLIV Mezhdunarodnoj filologicheskaj konferencii, 10 po 15 marta 2015 goda. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU 2015 S.374-376.

6. Fatkullina F.G. Osobennosti sovremennoj mezhlichnostnoj kommunikacii: destruktivnoe obshhenie: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskaj konferencii «Problemy sovremennoj filologii i aspekty prepodavanija gumanitarnyh disciplin v tehničeskom vuze», 28-29 janvarja 2016 g.–Ufa, UGNTU, 2016 – S. 203-209.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.103

Хадынская А.А.

Кандидат филологических наук, Сургутский государственный университет

**АКМЕИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СБОРНИКЕ Н. ОЦУПА
«В ДЫМУ»: ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ С Н. ГУМИЛЕВЫМ****Аннотация**

В статье рассматриваются акмеистические традиции в сборнике Н. Оцупа «В дыму», в контексте поэтического диалога поэта с Н. Гумилевым. В центре внимания автора статьи находится редкий для русской литературы жанр восточной поэзии – пантум – и его экфрасическая интерпретация поэтом. Стихотворение Оцупа апеллирует к акмеистической идее Гумилева о геософском путешествии, связанном с активным культурным освоением пространства и с поисками рая на земле. В статье анализируются переключки поэтов, Оцупа и Гумилева, в рамках поэтической трактовки ими жанра пантума. Несмотря на очевидную разницу в тематике (главной темой для эмигрантской лирики Оцупа стала ностальгия), обнаруживаются типологические связи этих интерпретаций на почве обращения к живописным аллюзиям, связанным с культурной моделью Востока.

Ключевые слова: Н. Оцуп, Н. Гумилев, акмеистическая традиция, экфрасис, пантум, геософия.

Khadynskaya A.A.

PhD in Philology, Surgut State University.

**ACMEIST TRADITIONS IN THE COLLECTION OF N. OTSUP
"IN THE SMOKE": POETIC DIALOGUE WITH N. GUMILEV****Abstract**

This article discusses Acmeist tradition in the collection of N. Otsup "In the smoke", in the context of poetic dialogue with Nikolai Gumilev. The focus of an article is rare for Russian literature eastern poetry genre - pantum – and its ecphrastic interpretation by the poet. The poem by Otsup appeals to the Acmeist idea of Gumilev about geosophic journey associated with the active development of cultural space and the search for heaven on earth. The article analyzes the roll call of poets Otsup and Gumilev, as part of a poetic interpretation of the pantum genre. Despite the obvious differences in the subject (the main topic of the emigre poetry of Otsup became nostalgia), the typological connection between these interpretations on the basis of appeals to the picturesque allusions were detected, related to the cultural model of the East.

Keywords: N. Otsup, N. Gumilev, Acmeist tradition, ecphrasis, pantum, geosophy.

Имя Николая Оцупа, представителя «первой волны эмиграции», открыто для исследователей и читателей уже более десяти лет, но он словно до сих пор остается в изгнании – столь малочисленны работы собственно о его творчестве; внимание литературоведов и историков в большей степени привлекает его деятельность в качестве издателя «Чисел» - одного из лучших журналов русского зарубежья. К числу монографических исследований творчества поэта можно отнести диссертации К.В. Ратникова «Эволюция поэтического творчества Н. Оцупа» (она написана в 1998 году и не потеряла своей актуальности в наши дни) [1], и Е.А. Сафоновой «Поэзия Н. Оцупа 1918-1930-х годов в культурно-историческом контексте: темы, мотивы, образы» [2].

Сборник Н. Оцупа «В дыму» (1926) стал первым, написанным в эмиграции. Отъезд за границу стал для поэта осознанным шагом: так поступили многие члены гумилевского «Цеха поэтов», «присягнув на верность» высоким идеалам петербургской поэтической школы. После смерти Блока и Гумилева они ощущали себя наследниками «неоклассицизма» и «оплотом традиции», активно противостояли новым веяниям, буквально захлестнувшим культуру на рубеже XIX-XX веков. Эмиграция стала для них суровым испытанием не только в физическом смысле, но и своеобразной проверкой поэтических убеждений. Смена географического пространства привела и к «сверке» эстетических принципов: по точному замечанию К.В. Ратникова, «неоклассицистские» позиции, требующие от поэта определенного дистанцирования от окружающей жизни («холода расстоянья», по определению Оцупа), вступали в явное противоречие со стремлением как его самого, так и других поэтов-«неоклассицистов» отразить в своем творчестве всю глубину и остроту переживаемого современниками и собратьями по изгнанию духовного кризиса, утрату прежних идеалов и привычных жизненных ориентиров» [3].

В сборнике акмеистические установки еще достаточно сильны, чувствуются переключки с ранним сборником 1921 года «Град», изданным до эмиграции: их роднит общность тематики и мотивной поэтики. Сборник «В дыму» состоит из трех частей, каждая из которых условно связана с определенным географическим пространством: первая с Петербургом, вторая с Парижем и Берлином, третья с Италией. Но на самом деле, в каждом из этих хронотопов есть проекции на другие, хронологическими «скрепами» являются воспоминания лирического героя, прихотливые образы из его памяти.

Ощущение пространства у акмеистов тесно связано с мотивом пути в высоком культурологическом смысле: путешествие мыслится не как перемещение в пространстве с туристическими целями, а как освоение мира культуры через непосредственное с ней соприкосновение, в тех местах, где она зародилась. Отсюда интерес акмеистов к экзотике, дальним странам, иным культурам. Именно такой природы было представление о путешествии у основателя акмеизма Н. Гумилева. Его геософские идеи были подробно рассмотрены в работе Е.Ю. Раскиной «Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева». Исследователь отмечает, что «работа поэта (человека-хозяина) в мире заключается в том, чтобы открыть («исчислить») и назвать неведомые пространства, одухотворить и окультурить материю. Поэт подобен географу, который «исчислил» неведомый мир, предугадал его существование, или мореплавателю, который первым увидел на горизонте никому не известную землю. Лирический герой поэзии Н.С. Гумилева - это «искатель нездешних Америк». Стихия лирического героя - движение, понимаемое как вечное совершенствование. Географические реалии в произведениях Гумилева становятся элементами сакральной географии, приобретают не только художественное, но и культурно-философское и религиозное значение» [4].

Акмеистические установки Гумилева отражают его геософское представление о путешествии как о поиске рая на земле, воплощающегося в его творчестве в разнообразных культурных моделях. В этом смысле обращает на себя внимание интерес Гумилева к редкому для русской литературы жанру восточной поэзии – пантуму. В начале Серебряного века к нему обращались и некоторые современники поэта: Вяч. Иванов, В. Брюсов, В. Ходасевич, Е. Сырейщикова (ученица Брюсова). М.Н. Гаспаров, отмечая частотность обращения поэтов рубежа XX-XIX веков к указанной экзотической форме, давал ему следующее определение: «В малайской народной поэзии пантум (точнее, «пантун») – это импровизированные четверостишия (обычно с тематическим параллелизмом), иногда соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы. Именно в таком «цепном» виде пантум был усвоен европейской поэзией (впервые – французскими романтиками), но широкого распространения не получил, примкнув к ряду твердых форм с повторами» [5].

Оцупу органически ближе оказываются стихи в этом жанре его учителя и соратника по «Цеху поэтов» Н. Гумилева. В этой строфической форме Гумилев написал всего пять стихотворений: седьмая «Абиссинская песня», «Гончарова и Ларионов», эпизоды из пьесы «Дитя Аллаха», перевод «Малайских пантумов» Ш. Леконта де Лиля и черновой набросок «Какая смертная тоска...». Нам интересен гумилевский пантум «Гончарова и Ларионов», так как своими героями поэт делает современников, и экзотическая тема дана им через призму «восточных» полотен художников. Стихотворение Гумилева имеет экфрастическую природу: поэт описывает картины художников, известных своими восточными темами, создавая тем самым свое собственное причудливое словесное полотно, расцвеченное одновременно женскими («павлиньих красок бред и пенье») и мужскими («железного огня круженье») красками. Е.Ю. Куликова, исследовавшая партумы Гумилева, замечает, что «авангардистские открытия Гончаровой и Ларионова в пантуне Гумилева оказались вписанными в строгую форму малайского жанра. Но именно этот жанр обладает чертами восточного орнамента, подчеркивая творческие особенности двух художников. Связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, орнамент, как правило, выявляет или акцентирует архитектуру предмета. В стихотворении Гумилева система повторяющихся строк, с каждым поворотом меняющих оттенок смысла, позволяет представить визуальную картину Гончаровой и Ларионова» [6]. Восточное изобразительное искусство синтетично в самой своей природе: как известно, миниатюры украшались арабской вязью, и витиевато выписанные строки выполняли роль орнамента, окаймляющего картину. Гумилев прочувствовал всю эстетическую глубину чужой культуры и создал поразительную экфрастическую картину, где «стихотворная вязь» органически сопрягается с живописью, оказывается неразрывно с ней слита. Подлинная жизнь поэта, согласно акмеистическим установкам Гумилева, возможна только в лоне культуры:

В персидских, милых миньютюрах
Величье жизни настоящей [7].

В стихотворении Н. Оцупа акцент на преемственности акмеистических установок определен уже в заглавии. Он соблюдает правила композиции и перекрестной рифмовки твердой строфической формы, но восточная тема представлена у него не арабским, а цыганским вариантом, давно вошедшим в арсенал русской культуры. Перед нами некий условный пейзаж, в котором, в отличие от яркого Гумилева, мало красок, он исполнен с помощью словесной «лессировки»: растушеванные краски, размытые границы:

Чуть серебрится иней
И тает на дворе.
Любовь, и степь, и купол синий
Лежат в прозрачном сентябре [8, с. 64-65].

Лирический герой и его возлюбленная находятся за рамками картины, судьбою им присуждено расстаться, типологически стихотворение близко к городскому романсу с темой разлуки. Это подчеркивается и урбанистическими деталями («дома и тротуары»), и клишированными выражениями («я ухожу, прощай», «любовь до гроба», «мой друг, не забывай», «звон гитары»). В контексте сборника элегическое настроение становится понятным: в памяти лирического субъекта возникают образы прошлого, в том числе и оставленная любовь (этому сопутствует и биографический момент – Оцуп уехал, оставив в России свою первую жену).

Еще одна экфрастическая зарисовка, но уже иного толка, возникает в памяти у героя: это отголоски блоковской «нищей» России, перекликающиеся с картинами передвижников (Репин, Полenov, Шишкин и пр.):

Опять поля и синие туманы
И в мокром ветре тощий березняк,
В зеленых лужах глинистый большак,
И через речку мостик деревянный.

Среди необычайной тишины
Пронзительные хлопают подковы.
Замшенные зевают валуны,
Подумай-ка – период ледниковый.

Вот, пролетев из невысокой ржи
Сквозь ветерка прозрачные движенья,
Прилипли к небу камешки – стрижи
Противу всех законов притяжений.

Вот пахарь медленно, как дождь, бредет
 На черный холм влезая постепенно.
 И кляча перешла на небосвод,
 А за крутым холмом конец вселенной [8, с. 63-64].

В первых трех строфах практически нет звука («необычайная тишина», нарушаемая только «пронзительным хлюпаньем» подков), нет движения, что передается глагольными формами настоящего постоянного времени, даже стрижи «прилипли» к небу «камешками». Застывшая картина именуется героем «ледниковым периодом», анахронизм подчеркнут и физической аномалией – нарушены законы притяжения. В последней строфе картина становится совсем фантазмагорической: пахарь, «влезающий» со своей клячей на небосвод, направляется к краю вселенной. Реалистичность пейзажа сопряжена у Оцуа с совершенно иной эстетической установкой: образ России в памяти лирического героя начинает обладать определенной долей автономности, отрывается от предписанного ему пространства, герои выходят за «рамки» картины и устремляются в вечность, покидая отведенные им места в каталоге жанров и направлений. Оставленная родина становится для эмигрантов «новым архетипом», обретая у каждого художника свои черты, существуя в его воображении как некий «потерянный рай».

Несмотря на очевидную разницу в тематике, экфрасис в пантуме Гумилева и в рассматриваемом стихотворении Оцуа оказываются типологически близкими, ибо представляют собой культуроним России в эмигрантском преломлении – «мир, что навсегда потерян» (Г. Иванов).

Литература

1. Ратников К.В. Эволюция поэтического творчества Н. Оцуа: дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 198 с.
2. Сафонова Е.А. Поэзия Н. Оцуа 1918-1930-х годов в культурно-историческом контексте: темы, мотивы, образы. (2015). дис. канд. филол. наук. – Томск, 2015. 229 с.
3. Ратников К.В. Эволюция творчества Н. А. Оцуа [Электронный ресурс] URL:
4. <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-poeticheskogo-tvorchestva-n-a-otsupa#ixzz41NB4hC47> (дата обращения 28.04.2016).
5. Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: дис. докт. филол. наук. – Архангельск, 2009. – С. 8.
6. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: «Фортуна Лимитед», 2001. – С. 212.
7. Куликова Е. Пантун Николая Гумилева «Гончарова и Ларионов» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2014. – № 28. – С. 192-198.
8. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2011. – С. 272.
9. Оцуа Н.А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. 616 с.

References

1. Ratnikov K.V. E'volyuciya poe'ticheskogo tvorchestva N. Otsupa: dis. kand. filol. nauk. – Chelyabinsk, 198 s.
2. Safonova E.A. Poe'ziya N. Otsupa 1918-1930-x godov v kul'turno-istoricheskom kontekste: temy, motivy, obrazy'. (2015). dis. kand. filol. nauk. – Tomsk, 2015. 229 s.
3. Ratnikov K.V. E'volyuciya tvorchestva N. A. Otsupa [E'lektronnyj resurs] URL:
<http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-poeticheskogo-tvorchestva-n-a-otsupa#ixzz41NB4hC47> (data obrashheniya 28.04.2016).
4. Raskina E.Yu. Geosofskie aspekty' tvorchestva N.S. Gumileva: dis. dokt. filol. nauk. – Arxangel'sk, 2009. – S. 8.
5. Gasparov M.L. Russkij stix nachala XX veka v kommentariyax. M.: «Fortuna Limited», 2001. – S. 212.
6. Kulikova E. Pantun Nikolaya Gumileva «Goncharova i Larionov» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury' i iskusstv: Zhurnal teoreticheskix i prikladny'x issledovanij. – 2014. – № 28. – S. 192-198.
7. Gumilev N.S. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. M.: Izd-vo AL'FA-KNIGA, 2011. – S. 272.
8. Ocup N.A. Okean vremeni: Stixotvoreniya; Dnevnik v stixax; Stat'i i vospominaniya. SPb.: Izdatel'stvo «Logos»; Dyussel'dorf: «Goluboj vsadnik», 1993. 616 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.195

Хайруллина Р.Х.

ORCID: 000-0001-7978-2225, доктор филологических наук, профессор

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумуллы

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ФОРМА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*Аннотация*

Одной из важных задач исследования особенностей структуры и семантического пространства национальной фразеологической картины мира является выявление причин и способов заимствования фразеологических единиц в разных языках. Проблема фразеологической эквивалентности связана с проблемой калькирования как способа пополнения фразеологии языка. В статье раскрываются причины калькирования во фразеологии в аспекте межъязыкового взаимодействия в поликультурной среде, дается сопоставительный анализ фразеологических калек на материале русского и башкирского языков, а также характеризуются типы фразеологизмов, которые заимствуются в форме кальки.

Ключевые слова: фразеологическое калькирование, сопоставительный анализ, перевод.

Khayrullina R.Kh.

ORCID: 000-0001-7978-2225, PhD in Filology, professor

Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmullakh

PHRASEOLOGICAL CALQUES AS A FORM OF CROSS- LINGUAL CONTACTS*Abstract*

One of the important tasks of studies of the structure and the semantic space of the phraseological picture of the world is the identification of the causes and ways of borrowing phraseological units in different languages. The problem of phraseological equivalence related to the problem of replication as a method of depositing phraseology of the language. The article describes the reasons of replication in phraseology in the aspect of cross-lingual contacts in a multicultural environment, provides a comparative analysis of phraseological calques in Russian and Bashkir languages, and characterized the types of idioms that are borrowed in the form of calques.

Keywords: phraseological calques, comparative analysis, translation.

Одним из путей эволюционного развития языков в поликультурном пространстве является их активное взаимодействие, которое может происходить в разных формах в процессе непосредственной и опосредованной межкультурной коммуникации. Одной из таких форм является взаимообогащение лексико-фразеологического фонда контактирующих языков заимствованными элементами.

Фразеологизмы, как известно, являются особыми языковыми единицами с образно-переносной семантикой, закрепляющими опыт народа, носителя языка, в различных сферах его жизнедеятельности (трудовой, социальной, семейной, бытовой и т.д.). Совокупность фразеологизмов языка, тематически организованная, образует национальную фразеологическую картину мира, в составе которой каждая единица выполняет функцию элемента целостной системы (см.: Хайруллина, 1998, 2000, 2008 и др.).

Межъязыковое взаимодействие в области фразеологии тесно связано с проблемой фразеологической эквивалентности/неэквивалентности (лакунарности). Л.К.Байрамова считает, что «лакунарные фразеологизмы – это...фразеологические единицы, коррелирующие с фразеологическими лакунами сопоставляемого языка. Фразеологическая лакуна – нулевой фразеологический коррелят лакунарного фразеологизма» [1: 24]. Причиной фразеологической лакунарности чаще всего выступают экстралингвистические факторы – различие культур, образа жизни народов, их быта и ценностно-смысловых установок. «Фразеологические лакуны выявляются в процессе сопоставления фразеологических систем разных языков на уровне узуса, где на межъязыковые отношения влияют различного рода экстралингвистические и внутриязыковые факторы», - отмечает Т.В.Кирюшкина [3].

Одним из способов преодоления фразеологической лакунарности является калькирование, или буквальный перевод фразеологизма одного языка на другой. Ученые, исследующие проблемы перевода (В. Н Комиссаров, Л. Ф Дмитриева, С. Е Кунцевич, Е. А Мартинкевич, Н. Ф Смирнова и др.), определяют калькирование как один из способов перевода устойчивой единицы, который используется при необходимости сохранить национальные образные основы фразеологизма при его переводе на другой язык. Часто калькирование используется в художественном переводе, когда даже при наличии эквивалентной фразеологической единицы в языках использование фразеологической кальки предпочтительнее, так как она позволяет передать национальные стилистические, коннотативные и оценочные смыслы, которые нивелируются при использовании эквивалента. Например, английский фразеологизм *Half a loaf is better than no bread* (букв. Лучше уж полбуханки, чем вовсе без хлеба) более целесообразно перевести буквально, чем с помощью русского фразеологического эквивалента *На безрыбье и рак рыба*, который может быть использован не в любом контексте.

В то же время, отмечает Л.Ф Дмитриева, калькирование фразеологических оборотов может быть применено лишь в том случае, если в результате калькирования создается выражение, образность которого понятна носителям заимствующего языка и у них не создается впечатления чужеродного элемента [2, с. 64].

Калькирование устойчивых оборотов, с одной стороны, сигнализирует об определенном сходстве миропонимания народов, что выражается в адекватном восприятии заимствованной иноязычной фразеологической единицы, а с другой, становится фактом признания чужой культуры, призмы мировидения другого народа. Причем, более активно калькирование происходит в рамках социокультурных контактов народов. Фразеологические кальки не воспринимаются как чужеродные элементы языка, поскольку они построены по законам языка перевода. Более того, входя в язык перевода, такие единицы обычно легко включаются в состав фразеосемантических полей, выделяемых во фразеологической картине мира заимствующего языка. Так, русский фразеологизм *иметь зуб* (на кого-л.), являясь

калькой с французского языка – *avoir une dent contre quelqu'un* (букв. иметь зуб против кого-л.), пополнил фразеосемантическое поле оборотов со смыслообразующим компонентом *зуб* в русском языке: *положить зубы на полку, точить зуб* (на кого), *на зубок, зуб даю, не по зубам* (кому что, кто), *зуб на зуб не попадает, ни в зуб ногой* и др.

Нами был проведен анализ русских фразеологизмов и способов их перевода на башкирский язык, в частности с помощью фразеологического калькирования. Русский и башкирский народы имеют многовековую историю совместного культурно-исторического развития. Проживание в составе Российского государства, в одинаковых условиях с русским народом наложило отпечаток на формирование фразеологического фонда башкирского языка – в нем большая часть фразеологизмов эквивалентна русским устойчивым единицам, хотя, как и в любом национальном языке, имеется безэквивалентная фразеология, закрепившая традиционный уклад жизни башкир.

Создание русско-башкирских фразеологических словарей относится к середине XX века, в частности большой вклад в развитие башкирской фразеологии и лексикографии внес известный тюрколог З.Г.Ураксин. На основе «Русско-башкирского фразеологического словаря» под редакцией З.Г.Ураксина (Москва, 1989) нами определен перечень русских фразеологизмов, переведенных на башкирский язык методом калькирования.

Анализ показывает, что из представленных в словаре 1572 русских фразеологизмов 692 единицы являются безэквивалентными и переводятся на башкирский язык с помощью разных видов перевода – семантическим (описательным), лексическим и с помощью буквального перевода, или калькирования. Рассмотрим последний тип перевода русских фразеологизмов на башкирский язык и дадим характеристику их языковых особенностей.

Несмотря на использование вида перевода калькирования, в словаре из 61 фразеологизма, у которых дан буквальный перевод, лишь 28 единиц отмечаются как кальки с русского языка. Например: *Асык ишек көнө – День открытых дверей, аккош йыры – лебединая песня, Америка асыу – открывать Америку, таяк ике осло – палка о двух концах, кызыл этэс осороу – пустить красного петуха, битлекте халыу – сорвать маску* и некоторые другие.

Вместе с тем, другие фразеологизмы, также переведенные буквально, не относятся автором словаря к калькам: *Дарыны коро тотоу – держать порох сухим, һәр тин өсөн калтырап тороу – дрожать над каждой копейкой, һузагы балык кеүек – как рыба в воде, кенләп түгел, сәгәтләп – не по дням, а по часам, сафта калыу – оставаться в строю* и др. Их полное соответствие русскому фразеологизму явно бросается в глаза как с точки зрения структуры калькируемой единицы, так и ее мотивационных основ (некоторые из них сами являются кальками из других языков). В этом нам видится некоторая непоследовательность в определении типа заимствованного фразеологизма автором словаря.

В словаре русские фразеологизмы часто переводятся с использованием комплексного перевода, когда калькирование используется в качестве дополнительного средства раскрытия семантики фразеологизма. Например: *Палка о двух концах – низендер якишы ягы ла, насар ягы ла бар* (букв. у чего-л. бывает и положительная сторона, и отрицательная – семантический перевод, *таяк ике осло* (буквальный перевод).

Способом калькирования обычно переводятся русские фразеологизмы, характеризующиеся национальными особенностями (закрепившими сведения о русском образе жизни), заимствованные русским языком из других языков, фразеологизмы мифологического и библейского происхождения, обороты с устаревшими грамматическими формами компонентов или, наоборот, закрепившие новые реалии жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологическое калькирование как вид перевода характеризует в большей мере языки народов, которые проживают в составе одного государства, имеют много общих свойств в языковых картинах мира как системах миропонимания, у которых в ходе социокультурных контактов формируются общие ценностно-смысловые установки и подходы к актуализации реалий и понятий в языке.

Литература

1. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского гос.ун-та. – 2011. – № 25 (240). – Филология и искусствоведение. Вып. 58. – С. 22-27.
2. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е. А, Смирнова Н. Ф. Английский язык - Курс перевода. / Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова. Москва – Ростов - на- Дону. - 2005. – 247 с.
3. Кирюшкина Т.В. Интернет ресурс /Sarrsute.ru // images /stories / articlefoto// kiryushkina.pdf.

References

1. Bajramova L.K. Lingvisticheskiye lakunarnje edinitcy I lakuny //Vestnik Cheljabinskogo gos.universiteta. – 2011. – №25 (240). – Philologija i iskustvovedenje. Vyp.58. – .22-27.
2. Dmitrieva L.F., Kuncевич S.E., Martinkevich E.A., Smirnova N.F. Anglijskiy jazyk – Kurs perevoda. / Dmitrieva L.F., Kuncевич S.E., Martinkevich E.A., Smirnova N.F. Moskva – Rostov-na-Donu. – 2005. – 247 S.
3. Kirushkina T.V. Internet resurs / Sarrsute.ru // images /stories / articlefoto// kiryushkina.pdf.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.169

Чемодурова З.М.

Кандидат филологических наук, доцент,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ИГРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦОВОК ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ*Аннотация*

В статье рассматриваются структурно-композиционные особенности постмодернистских художественных текстов, отмечаются некоторые закономерности, связанные с концовками текстов данной парадигмы. Особое внимание уделяется игровому потенциалу концовок, способствующему активному вовлечению читателей в «игру в вымысел». Рефлексивная игра авторов постмодернистских произведений, наблюдаемая в метапрозе, часто связана с созданием концовок, подчеркивающих окончание акта вымысла. Комбинаторная авторская игра, обуславливающая создание противоречивых и неопределенных фикциональных миров, ведет к повествовательной незавершенности постмодернистских художественных текстов.

Ключевые слова: постмодернистский художественный текст, концовка, рефлексивная игра, комбинаторная игра, метапроза, невозможные фикциональные миры.

Chemodurova Z.M.

PhD in Philology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia

THE LUDIC POTENTIAL OF ENDINGS IN POSTMODERNIST FICTION*Abstract*

The article analyzes some structural and compositional features of postmodernist fictional texts and singles out several regularities related to the endings of such texts. The ludic potential of the endings ensuring a more active involvement of the readers in “make-believe games” is in the focus of the author’s attention. Reflexive play of postmodernist authors, carried out in Metafiction, can often account for the endings foregrounding the completion of the make-believe act. Combinatory authorial play stipulates the creation of contradictory and indefinite fictional worlds and leads to the narrative fragmentation and incompleteness of postmodernist literary texts.

Keywords: postmodernist fictional text, ending, reflexive play, combinatory play, metafiction, impossible fictional worlds.

Ведущие исследователи постмодернизма, в частности постмодернистских художественных текстов, единодушно отмечают среди конститутивных свойств постмодернистских текстов игровое начало, экспериментирование со структурой и композицией, нарушение правил и конвенций традиционного повествования [Fokkema, 1984; Hassan, 1982; McHale, 1987], что приводит к возникновению миров-хаосмосов [Липовецкий, 1997; Эко, 2002], характеризующихся неопределенностью субъектно-объектной и хронологической организации, фрагментарностью, смешением жанровых границ. Немаловажной особенностью художественных текстов постмодернизма является также авторская установка на активное вовлечение читателей в моделирование фикциональных миров, в игру в вымысел, превращающее чтение таких текстов одновременно в развлечение и достаточно напряженную интеллектуальную деятельность, не даром У. Эко говорит о «двойном кодировании» текстов постмодернизма [Эко, 2013:48]. «Посткогнитивный вопрос», о котором пишет Дик Хиггинс и который цитирует Б. МакХейл, когда описывает эру постмодернизма: «Что это за мир, который я пытаюсь объяснить? Реальный? Вымышленный? Виртуальный?» [McHale, 1992:33] получает достоверную иллюстрацию в произведениях таких авторов, как Т. Пинчон, Д. Барт, Д. Бартельми, И. Кальвино и многих других писателей, в чьих произведениях вымысел и действительность, воображение и реальность, фикциональность и фактологичность релятивизируются и проблематизируются.

Как справедливо отмечает П. Рикер, в современных произведениях, в силу рефлексивности литературы, финал художественного текста становится завершением самой операции вымысла. Установка многих писателей-постмодернистов на игру, сочетающуюся с рефлексией о природе художественного творчества, о соотношении реальности и вымысла и существовании множества миров, для которых единственно возможная концовка «системы взаимодействий, создающей ткань рассказанной истории» [Рикер, 2000:30], представляется невозможной, приводит к разнообразным экспериментам с окончанием художественного текста. В целом, можно говорить о введении в сильную позицию окончания повествования игровых элементов низкой предсказуемости, позволяющих заострить читательское внимание на открытости современных художественных текстов, которые предполагают участие читателей «в игре в вымысел». Определяя, вслед за М. И. Конюшкевич [Конюшкевич, 2014:94] концовку как *выраженную заключительную часть текста, которая, будучи ретроспективно направлена на всю содержательно-фактуальную информацию текста, предсказывает ее и превращает в содержательно-концептуальную, завершая текст и открывая путь к порождению новой информации*, отметим ряд закономерностей, связанных с проблемой завершенности/незавершенности постмодернистских художественных текстов.

1. Прагматическая установка писателей-постмодернистов на рефлексивную игру с текстом и читателями и создание повествовательной модели метапрозы часто ведет к намеренному подчеркиванию **завершения акта вымысла**, что может выражаться иронически, через утверждения, вроде: “YOU HAVE FALLEN INTO ART – RETURN TO LIFE” [Gass, 1968]. Графическое выделение последней фразы, столь типичное для постмодернизма игровое противопоставление концептов “art” и “life” в данном случае сочетается у Уильяма Гасса с введением в текст элементов иного семиотического кода. Данный игровой прием – следы кофе на бумаге, оставленные кружкой «реального» автора — призван, видимо, подчеркнуть роль художественного текста как некоей опоры в игре нашего воображения. Курт Воннегут заканчивает свой роман «Breakfast of Champions» выдвижением в прагматический фокус повествования последнего в романе появления «маски автора», которая в абсолютной концовке заявляет: “Here was what Kilgore Trout cried out to me in my father’s voice: “*Make me young, make me young, make me young!*” ETC [Vonnegut,

2000: 295-296]. Игровой эффект использования сокращения etc., выделенного графически (это короткое слово занимает половину последней страницы) и указывающего на незавершенность творческого процесса как для автора, так и для читателей, поддерживается интерсемиотически, при помощи последней иллюстрации романа — портрета то ли Воннегута старшего, то ли самой авторской маски. Известный роман Итало Калвино «If on a winter's night a traveler» заканчивается фрагментом повествования от второго лица (так называемое "2nd person narrative"), столь типичным для метапрозаической нарративной модели:

And you say, "Just a moment, I've almost finished If on a winter's night a traveler by Italo Calvino" [Calvino, 1981: 260]. Данная концовка образует игровую рамочную структуру в романе, который также начинался с объемного фрагмента повествования от второго лица: You are about to begin reading Italo Calvino's new novel. If on a winter's night a traveler. Relax. Concentrate. Dispel every other thought. Let the world around you fade. Best to close the door; the TV is always on the next room. Tell the others right away, "No, I don't want to watch TV!" Raise your voice — they won't hear you otherwise — "I'm reading! I don't want to be disturbed!" Maybe they haven't heard you, with all that racket; speak louder, yell: "I'm beginning to read Italo Calvino's new novel!" Or if you prefer, don't say anything; just hope they'll leave you alone [Calvino, 1981:3]. Создаваемый в сильных позициях начала и окончания произведения топос внутреннего адресата способствует:

1) биспациализации художественного мира («авторское» и «читательское» пространство VS игровое пространство творимого мира);

2) моделированию объективной реальности времени (и пространства), данной читателям в их ощущениях, вытесняющей сюжетное время на второй план как эксплицитно условное, конечное, игровое.

Концовка данного романа является также достаточно убедительным свидетельством справедливости утверждения о «первичности одного нерасчлененного понятия «конца-начала» или концов» [Арутюнова, 2002:4].

2. Установка постмодернистов на комбинаторную игру, предполагающую моделирование фикционального мира, содержащего внутренние противоречия, многомерного, хаотичного, характеризующегося неопределенностью субъектно-объектной и хромотопической семантики, обуславливает появление концовок, отличающихся не только смысловой незавершенностью (типичной для модернистских текстов), но и игровой структурной и повествовательной незавершенностью. Так, Джон Барт неоднократно прибегает к приему **апозиопезиса**, обрывая повествование в абсолютном конце и ожидая, что читатель получит удовольствие от игровой подстановки последнего, пропущенного слова: «Now now! Now in the world will it ever» [Barth, 1988:113]. "It's no Bellerophoniad. It's a" [Barth, 2001:308]. Распространенным приемом игрового использования пунктуации является многоточие в концовке, которое часто использует Д. Бартельми, например: "Tomorrow, fair and warmer, warmer and fair, most fair..." [Barthelme, 2005:210]. У Бартельми стремление передать абсурдность современного существования часто приводит к сочетанию в концовке эффекта обманутого ожидания, неконвенционального использования пунктуации, визуального кода в виде многочисленных иллюстраций. Повествовательная незавершенность многих текстов М. Атууд обусловлена часто используемым канадской писательницей в последней фразе повелительным наклонением, предполагающим, как известно, прямое обращение к читателю: "That's about all that can be said for plots, which anyway are just one thing after another, a what and a what and a what. Now try How and Why" [Atwood, 2009:62]. Не менее распространенным приемом является и Non sequitur в абсолютной концовке повествования, усиливающий игровую модальность многих постмодернистских произведений. У Р. Бротигана: «P. S. Sorry I forgot to give you the mayonnaise» [Brautigan, 1997: 151]. Также абсурдно заканчивается и произведение, написанное некой Миссис Фрай: "Well, thank goodness that's all over. Now, where's this teapot?" [Fry, 2010: 346]. **Стратегия бифуркации повествования** [Чемодурова, 2013], в случае использования ее в концовке художественного текста - как это делают Д. Фаулз и М. Бредбери, например, - ведет к активному вовлечению читателей в игровое конструирование фикционального мира, оставляя у читателей ощущение «концептуальной» незавершенности [Липская, 2002] постмодернистских произведений.

P. 131 V a:

There is a knock at the door. [...] William breathes: he reads, and then rereads, the letter. He takes up the red marking pen from his desk. From under the letter he takes out the computerized mark-sheet. He runs his eye down it, finds a name and, with the pen, he makes a small alteration. Then he picks up the letter, tears it, and throws it into the wastebasket [...].

P. 132 V b:

There is a knock at the door. [...] William releases the paper he is holding; he reads, and reads again, the letter. He takes up the red marking pen from his desk. He goes carefully through the letter once more, making professional markings on it. [...] On the bottom he writes: "You get to the point too slowly" and then, "Two errors carrying full penalization: F." [...].

P. 132 V c:

There is a knock at the door. [...] William reads, and then re-reads, the letter. He takes up the red marking pen from his desk. He takes up a clean sheet of paper and begins writing. "Dear Ellie," he writes, I can't tell you how good it was to get your letter. [...]" [Bradbury, 1979:131-133]. Представленные объективированным повествователем версии развития сюжета описывают «контрадикторные положения дел» в полностью аутентифицированном возможном мире: Вильям поддается на возможный шантаж (a); Вильям отвергает потенциальную попытку давления на него (b); Вильям намеренно интерпретирует письмо как выражение искренних эмоций девушки (c). Такая множественная концовка усиливает коэффициент игровой модальности постмодернистских художественных текстов, подчеркивая авторское отношение к моделируемому фикциональному миру как к миру невозможному, содержащему внутренние противоречия.

Игровой характер приобретают также концовки при использовании авторами **приема моделирования латентного гипертекста** [Чемодурова, 2013], приема, который предполагает для читателей возможность различного прочтения художественного текста. В рассказе Йона Макгрегора, например, основное повествование разворачивается на левых страницах, а на правых страницах графически выделяются фрагменты поэтического дискурса, созданные протагонистом повествования. Читателям предоставляется возможность читать рассказ или традиционным способом,

или сначала прочесть основную, захватывающую историю любви, смерти и непонимания, имеющую открытую концовку, а затем прочесть заключительный поэтический фрагмент, отличающийся особенно пронзительной интонацией печали и надежды и характеризующийся игровой незавершенностью : «And we were there»[McGregor, 2013: 35].

В заключении следует отметить, что среди концовок постмодернистских художественных текстов, наряду с традиционными, так называемыми «закрытыми» концовками, высоко частотными являются открытые и множественные концовки, обладающие несомненным игровым потенциалом и способствующие превращению читателей в «партнеров по игре в вымысел».

Литература

1. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности//Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. - С.3-18.
2. Конюшкевич М. И. Концовка газетного текста. Статья первая. Язык и речь//Медиалингвистика, 1(4), 2014. - С.89-100.
3. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург, 1997. - 315 с.
4. Липская Л. И. К проблеме повествовательной незавершенности в современной литературе//Постмодернизм: pro et contra. Тюмень, 2002. - С. 85-94.
5. Рикер П. Время и рассказ. Конфигурация в вымышленном рассказе. Т.2. М. -СПб., 2000. - 313 с.
6. Чемодурова З. М. Игра в постмодернистском художественном тексте. СПб, 2013. - 390 с.
7. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.:Symposium. 2002. –285с.
8. Эко У. Откровения молодого романиста. М., 2013. - 320 с.
9. Atwood M. *Bones & Murder. L.*, 2009. - 175 p.
10. Bradbury M. *Who do you think you are?* - London: Arrow Ed. Books. 1979.
11. Barth John. *Lost in the Funhouse (Fiction for print, tape, live voice)*. - New York. London. Toronto: Anchor Books, 1988.
12. Barth John. *Chimera*. - Boston. New York: Mariner Books, 2001.
13. Barthelme D. *Forty Stories*. N. Y.: Penguin Books, 2005.
14. Brautigan R. *Trout Fishing In America*. L.: Vintage, 1997.
15. Calvino I. *On a winter's night a traveler*. - San Diego, New York, London. A Harvest book. Harcourt Brace & Company. 1979.
16. Fokkema D. *Literary History, Modernism, Postmodernism*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. – 63 p.
17. Fry Mrs Stephen. *Mrs Fry's Diary*. L.:Hodder, 2010.
18. Gass W. *Willie Master's Lonesome Wife*. N. Y. Penguin Books. 1968.
19. Hassan I. *The Dismemberment of Orpheus. Toward a Postmodern Literature*. – Madison: The Un. of Wisconsin Press, 1982. – 315 p.
20. McGregor I. *This Isn't The Sort Of Thing That Happens To Someone Like You*. L.: Bloomsbury Publishing, 2013.
21. McHale B. *Postmodernist fiction*. - N.Y. London, 1987.- 297p.
22. McHale B. *Constructing Postmodernism*.-London: Rutledge,1992. – 342 p.

References

1. Arutjunova N. D. V celom o celom. Vremja i prostranstvo v konceptualizacii dejstvitel'nosti//Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca. M., 2002. - S.3-18.
2. Konjushkevich M. I. Koncovka gazetnogo teksta. Stat'ja pervaja. Jazyk i rech'//Medialingvistika, 1(4), 2014. - S.89-100.
3. Lipoveckij M.N. Russkij postmodernizm. Oчерki istoricheskoy pojetiki. – Ekaterinburg, 1997. - 315 s.
4. Lipskaja L. I. K probleme povestvovatel'noj nezavershennosti v sovremennoj literature//Postmodernizm: pro et contra. Tjumen', 2002. - S. 85-94.
5. Riker P. Vremja i rasskaz. Konfiguracija v vymyshlennom rasskaze. T.2. M. -SPb., 2000. - 313 s.
6. Chemodurova Z. M. Igra v postmodernistskom hudozhestvennom tekste. SPb, 2013. - 390 s.
7. Jeko U. Shest' progulok v literaturnyh lesah. SPb.:Symposium. 2002. –285s.
8. Jeko U. Otkrovenija mladogo romanista. M., 2013. - 320 s.
9. Atwood M. *Bones & Murder. L.*, 2009. - 175 p.
10. Bradbury M. *Who do you think you are?* - London: Arrow Ed. Books. 1979.
11. Barth John. *Lost in the Funhouse (Fiction for print, tape, live voice)*. - New York. London. Toronto: Anchor Books, 1988.
12. Barth John. *Chimera*. - Boston. New York: Mariner Books, 2001.
13. Barthelme D. *Forty Stories*. N. Y.: Penguin Books, 2005.
14. Brautigan R. *Trout Fishing In America*. L.: Vintage, 1997.
15. Calvino I. *On a winter's night a traveler*. - San Diego, New York, London. A Harvest book. Harcourt Brace & Company. 1979.
16. Fokkema D. *Literary History, Modernism, Postmodernism*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. – 63 p.
17. Fry Mrs Stephen. *Mrs Fry's Diary*. L.:Hodder, 2010.
18. Gass W. *Willie Master's Lonesome Wife*. N. Y. Penguin Books. 1968.
19. Hassan I. *The Dismemberment of Orpheus. Toward a Postmodern Literature*. – Madison: The Un. of Wisconsin Press, 1982. – 315 p.
20. McGregor I. *This Isn't The Sort Of Thing That Happens To Someone Like You*. L.: Bloomsbury Publishing, 2013.
21. McHale B. *Postmodernist fiction*. - N.Y. London, 1987.- 297p.
22. McHale B. *Constructing Postmodernism*.-London: Rutledge,1992. – 342 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.304

Шерифова Э.М.

Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Дагестанского государственного университета народного хозяйства**О СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА»
В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ****Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы функционирования концепта «природа» в английском языке на материале творчества А. Рэдклифф. Анализируются, в первую очередь, ключевые лексемы с семантикой «природа», в сочетании с атрибутикой вертикального пейзажа. Всего обнаружено около 80 контекстов использования данной лексики: пейзаж, ландшафт; мир, Вселенная; свойства или происхождение явления; человеческие качества, черты характера; естественное начало в противоположность искусственному и др. У концепта «природа» в рассматриваемых произведениях образуется свой фрейм, включающий такие единицы как пейзаж, времена года, время суток, краски природы, звуки природы; солнце, небо, птицы, ветер, дождь, снег и др.

Ключевые слова: концепт «природа», вертикальный пейзаж, фрейм, лексемы с семантикой «природа».

Sherifova E.M.

PhD in Linguistics, assistant professor of the Chair of Foreign Languages,
Daghestan State University of National Economy**ON THE WAYS OF EXPRESSING MEANINGS OF “NATURE” CONCEPT IN ENGLISH FICTION****Abstract**

The article considers the problems of functioning of “nature” concept in English on the example of works by A. Radcliff. First of all, key lexemes with the meaning “nature” are being analyzed, along with the terms of so called vertical context. In general, we have found about 80 types of contexts of functioning of this word: landscape, scale, world, the Universe, features of something, a man’s qualities or personal characteristics and others, as well as the contradiction between the natural and artificial. “Nature” concept in the mentioned works forms its own frame, including such units as a landscape, seasons, time of a day, colours of nature, sounds of nature, the sun, the sky, the wind, the rain, the snow, birds and so on.

Keywords: “nature” concept, vertical landscape, frame, lexemes with the meaning of “nature”.

При исследовании способов реализации концепта «природа» в идиолекте любого писателя наиболее приемлемым, на наш взгляд, является метод выделения ключевых лексем, на которых основывается восприятие семантики и функций пейзажа. Ключевыми лексемами в данном исследовании считаются слова с семантикой «природа», в сочетании с атрибутикой вербального пейзажа.

В романе А. Рэдклифф «Тайны Удольфского замка», например, «природа» преподносится как многогранная сущность. Само слово «nature» («природа») встречается в 79 контекстах в самых разных значениях. Рассмотрим основные из них.

Повтор лексических единиц, организованных в поле текстового концепта «природа»:

1. Пейзаж, ландшафт. В этом романе в данном значении слово «nature» употребляется в сочетаниях типа *scenes of simple nature* (обычные/обыкновенные пейзажи); *the grand simplicity of nature* (величественная простота пейзажа); *the scenes of nature* (природные ландшафты); *a scene of savage nature* (дикий пейзаж); *the grand outlines of nature* (величественные очертания пейзажа); *the features of nature were to her colourless and without form* (очертания пейзажа были для нее бесцветными и бесформенными) [Radcliff 2004: 12-78].

Эпитеты, присутствующие в приведенных словосочетаниях, имеют как положительную (*grand, simple nature*), так и отрицательную (*savage nature, colourless and without form*) коннотацию.

Интересно также сочетание прилагательного *grand* (величественный, грандиозный, великий) с существительным *simplicity* (простота, скромность, умеренность) в словосочетании *the grand simplicity of nature* (р. 221), представляющее собой оксюморон.

2. Мир, вселенная, созидаящая сила. В данном значении в романе природе зачастую даются такие характеристики, которые присущи только человеку, т.е. она изображается живым существом, обладающим положительными качествами и способным на различные действия, свойственные живому существу. Например, это выражается при помощи таких метафорических выражений: *the face of nature* (лицо природы - р. 15);

nature's grace (изящество природы - р. 48); *the benevolence of nature* (благосклонность природы - р. 68); *all nature seemed to repose* (казалось, вся природа спала - р. 82); *all nature seemed to have awakened from death into life* (казалось, вся природа восстала из мертвых и пробудилась к жизни - р. 93);

...*they wandered away among the most romantic and magnificent scenes, nor suffered the charms of Nature's lowly children to abstract them from the observance of her stupendous works* (р. 106) - (букв.: «они убежали от самых романтических и прекрасных пейзажей, не позволяя себе рассматривать очарования самых неприятных детей Матери Природы, не рассматривая ее изумительных деяний»).

Заглавная буква в слове *Nature* означает особое авторское отношение к природе, как к чему-то божественному, великому. А. Рэдклифф в своем идеализме обожествляет природу, считает ее высшим разумом.

Кроме того, в английской культуре можно наблюдать написание данного сочетания с заглавной буквы: *Mother Nature* – *Мать природа (Природа - мать)*. Природа, воспринимаемая в романе как существо одушевленное, обладает только положительными коннотациями: *the grandeur of nature* (роскошь/богатство/пышность природы - р. 44); *the sublime charms of nature* (совершенные очарования природы - р. 54); *the sublime luxuries of nature* (безукоризненная роскошь природы - р. 68); *the sublimity of nature* (безупречность природы - р. 68); *the immensity of nature* (необъятность природы - р. 79); *the pure affections of nature* (чистые чувства природы - р. 94) и т.д.

3. Свойства какого-либо явления, его происхождение. В этом случае концепт «*природа*» приобретает абстрактное значение, которое может уточняться в сочетании с определением: *an affair of an interesting nature* (интересное по сути дело - р. 69); *happiness... is of a temperate and uniform nature* (счастье – это умеренное и постоянное чувство - р. 90); *a terror of this nature* (ужас такого рода - р. 67); *interest... of a different nature* (интерес другого рода - р. 109); *some circumstances of an extraordinary nature* (некоторые обстоятельства чрезвычайного характера - р. 84); *a confession of a very extraordinary nature* (признание необычного рода - р. 93); *the nature of Valancourt's present feelings* (происхождение настоящих чувств Валанкура - р. 119); *the nature of his obligations* (характер/особенность его обязанностей - р. 121); *the nature of Emily's emotion* (особенность эмоций Эмили - р. 94).

4. Человеческие качества, черты характера. В романе имеются описания либо качественной характеристики персонажей, либо естественных свойств героя, данных ему от рождения: *your noble, ingenious nature* (ваше аристократическое, особенное происхождение - р. 45); *her good nature prevailed* (в ней доминировали положительные черты - р. 200); *a frank and generous nature* (искренняя и щедрая натура - р. 145); *the highest enjoyments of which his nature was capable* (самые большие наслаждения, на которые его натура была способна - р. 147); *by nature and education* (по природе и образованию - р. 190); *man's nature* (природа человека - р. 192).

Сюда же можно отнести такое словосочетание как *an admirer of nature* (любитель природы). Несмотря на то, что лексема *nature* здесь употреблена в значении «пейзаж, ландшафт», сочетание целиком дает характеристику персонажу как страстному любителю природы, а значит, натуре романтической и, безусловно, относимой автором к числу положительных персонажей.

В романе слово *nature* также встречается в качестве компонента составных слов: *ill-natured* (злой) и *good-natured* (добрый), использующиеся как для характеристики персонажей (*a good-natured gentleman*), так и для описания отвлеченных понятий, так или иначе связанных с человеком (*in a very ill-natured way, ill-natured speech*). Противопоставление *good* и *ill*, добра и зла, характерно как для готических романов в целом, так и для творчества Анны Рэдклифф, в частности.

5. Естественное начало в противоположность искусственному, созданному руками человека. Сюда мы отнесли такие устойчивые сочетания как *in the course of nature* (при естественном ходе событий - р. 33), *a daughter is now paying the debt of nature* (дочь отдает дань природе, умирает - р. 67), *that kind of breathless stillness, which, in nature, often succeeds to the uproar of conflicting elements* (букв. «своего рода затаившая дыхание тишина, которой на свете приходит на смену шум противоречий» - р. 78).

Что касается указания на время суток в романе, показательно, что лексема *day* употребляется около 200 раз, а *night* – около 400 раз, т.е. в 2 раза чаще. Схожая ситуация наблюдается и с лексемами *morning* (более 100 случаев употребления) и *evening* (около 200 случаев употребления), первая из которых традиционно связывается с пробуждением, освобождением от ночных страхов, а вторая, напротив, с тревогой, беспокойством, усиливающимися с наступлением темноты. Темнота представлена в романе и такими часто повторяющимися лексемами как *sunset/sunset, twilight, darkness*, а также словосочетаниями *faded light* и *the light died away*.

Солнце как неотъемлемый атрибут природы, в романе чаще всего представлено вечерним, заходящим: *the setting sun, the sun's last light slept upon the plains; the sun sinks to rest; the sun was now setting upon the valley*.

Следует отметить, что солнце в тексте романа всегда имеет положительную коннотацию, что можно проиллюстрировать следующим примером, где слово *sunshine* употреблено метафорически: *...various innocent enjoyments which a benevolent God designed to be the sun-shine of our lives* - (букв.: «различные невинные развлечения, которые великодушный Господь создал, чтобы они были солнечным светом нашей жизни» - р. 147).

Анна Рэдклифф приводит описания больших пространств, и такие лексемы как *valley, ocean, sky/heaven*, представляющие масштабные, «необъятные» сущности, упоминаются в романе много раз. Во многих случаях единицы, организованные в поле концепта «*природа*», используются А. Рэдклифф для создания реалистичного пейзажа или при создании образа того или иного персонажа. Характерной особенностью этого произведения является наличие или отсутствие упоминания природных явлений в связи с тем или иным героем. К примеру, один из отрицательных персонажей в романе - графиня де Вильфор, замечает, что в замке, удаленном от столицы, нет места прекрасному и интересному, а природу она называет эпитетами *savage* и *rude* (дикая, грубая): *There are windows, my lord, but they neither admit entertainment, or light; they show only a scene of savage nature* (р. 178).

Все положительные персонажи, напротив, показаны сквозь призму природы. Анна Рэдклифф показывает природу такой, какой ее воспринимают положительные персонажи ее романа. Ее герои любят природу, восхищаются ей, считают прогулки одним из главных удовольствий в своей жизни: *St. Aubert loved to wander...* (Сент-Обер любил бродить... - р. 32); *...his favourite plane-tree* (его любимый клен - р. 33); *...the setting sun, the mild splendor of its light fading from the distant landscape...* (букв.: «заходящее солнце, мягкий блеск его света, тускло падающий с отдаленного пейзажа» - р. 48).

Все выделенные лексемы имеют исключительно положительные коннотации и в контекстах напрямую относятся к природе в целом или отдельным ее объектам. Таким образом, природа вызывает у персонажей некие чувства и эмоции (любовь, восхищение), но в то же время и душевное состояние героя способно оказать влияние на восприятие пейзажа в какой-либо определенный момент: *But her thoughts were now occupied by one sad idea, and the features of nature were to her colourless and without form*: после смерти отца Эмилиа, обычно любовавшаяся ландшафтом при любой возможности, некоторое время не способна была воспринимать красоту окружающего мира, он потерял для нее краски, стал бесцветен (*colourless*) и утратил благородство очертаний (*without form*). Здесь автор хочет, на наш взгляд, подчеркнуть связь человека с природой, их взаимодействие.

Природа в романе выступает также как *помощница, лекарь, средство успокоения*: *...the tranquil beauty of the scenery* (успокаивающая красота пейзажа - р. 56); *...the mournful sighing of the breeze* (букв. «вздых легкого ветра» - р. 67), *as it waved the high pines above, and its softer whispers* (букв. «мягкий шепот (ветра)» - р. 49), *... was a kind of music more in unison with her feelings* (букв. «был музыкой, звучащей в унисон с ее чувствами» (о дожде) - р. 117), *It did not*

vibrate on the chords of unhappy memory, but was soothing to the heart... (букв.: «(пейзаж) не играл на струнах ее несчастной памяти, а успокаивал ее сердце...» - р. 169).

В последнем из приведенных примеров, где природа является источником утешения для героини, автор создает необычную звуковую картину, используя интересное сочетание метафор. Звуки ветра сравниваются с музыкой, а сам ветер – с человеком, который печально вздыхает и тихо шепчет. Возможность передачи эмоционального состояния посредством описания ландшафта и наделения природы человеческими качествами определяется указанием на наличие *тесной связи между людьми и природой*.

Близость персонажа к природе показана посредством отождествления его со старым деревом: *'Good God!' exclaimed St. Aubert, 'you surely will not destroy that noble chestnut, which has flourished for centuries, the glory of the estate! It was in its maturity when the present mansion was built. How often, in my youth, have I climbed among its broad branches, and sat embowered amidst a world of leaves, while the heavy shower has pattered above, and not a raindrop reached me!* (р. 176) - Боже мой! – воскликнул Сент-Обер, – вы же не уничтожите этот благородный каштан, который рос веками. Это же гордость поместья! Он достиг зрелости, когда этот особняк был построен. Как часто в молодости я залезал на его широкие ветки и укрывался среди листьев, когда лил сильный дождь, и ведь ни одна капля не попала на меня!

Здесь можно прочесть скрытый смысл: смерть дерева символизирует бренность всего живого, прохождение природой цикла от восхода к закату, от рождения к смерти.

При описании эмоций своих героев, автор использует природные явления, так или иначе связанные с какими-либо чувствами: радостью, любовью, тревогой, страхом и т.д. Для того чтобы создать атмосферу страха и напряжения, например, писательница выбирает те наименования природных объектов и явлений, которые содержат в себе некую тайну. Таковой, к примеру, является луна, которая порождает в человеке суеверный страх. Неверный, тусклый, по сравнению с солнечным светом, свет луны вызывает страшные образы и в сознании героини: *...with trembling hands she sprinkled it (water) over her father's face, which, as the moon's rays now fell upon it, seemed to bear the impression of death* (букв.: «дрожащими руками она сбрызнула лицо отца водой, которая падала на него словно лучи луны и, казалось, несла на себе отпечаток смерти» - р. 189).

Анна Рэдклифф придает в романе большое значение световым и звуковым эффектам природы (*темноте, шепоту, полной тишине*), создающим общую гнетущую атмосферу: *the gloom of evening* (букв. «уныние вечера» - р. 45); *the silent and deserted air of the place* (тихая и унылая атмосфера этого места - (р. 77); *the low whisper of the breeze* (тихий шепот легкого ветра - р. 69).

Более сильный эффект производят такие природные явления как гроза, буря, молния, гром: *...we know best where the danger lies. See how the clouds open over our heads* (р. 112) - (букв. «мы лучше знаем, где находится опасность. Посмотри, как облака нависли над нашими головами»); *...while they lingered at the cross, a flash of lightning glanced upon the rocks, thunder muttered at a distance, and the travellers, now alarmed, quitted this scene of solitary horror, in search of shelter* (р. 114) - (букв.: «пока они неторопливо шли по просеке, молния мелькнула над горами, послышались отдаленные раскаты грома, и встревоженные попутчики покинули место отдаленного ужаса в поисках укрытия»).

Приписываемые грому и молнии в последнем примере действия, обычно относящиеся к людям (*glance, murmur*), еще раз напоминают нам о связи человека и природы и, возможно, являются намеком на то, что зло в романе исходит вовсе не от высших сил.

Таким образом, концепт «природа» занимает важное место в картине мира Анны Рэдклифф. Отдельные природные объекты, которые могут быть связаны с тайной (*луна, лес*), способствуют созданию атмосферы напряжения, страха, являющейся одной из непрменных атрибутов романа «ужасов и тайн». При этом страх в романе так же притягателен, как и природа, что является особенностью поэтики Анны Рэдклифф.

В романе часто встречается характеристика природы через черты, присущие персонажам. В целом, авторский концепт «природа» большей частью состоит у А. Рэдклифф из общекультурных представлений, уникальность же его заключается в более тонком понимании и воплощении в тексте романа. В раскрытии концепта «природа» в художественном произведении большую роль, как нам кажется, играет его фреймовая структура. Так, у концепта «природа» в рассматриваемых произведениях образуется свой фрейм, включающий такие единицы как *пейзаж, времена года, время суток, краски природы, звуки природы, солнце, небо, птицы, ветер, дождь, снег* и др.

Литература

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153-172.
2. Кухаренко И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
4. Radcliff A. *The Mystery of Udolfo*. L., 2004.

References

1. Black M. *Metafora* // Teoria metafory. M., 1990. P. 153-172.
2. Kukhareno I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka*. M., 1990.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
4. Radcliff A. *The Mystery of Udolfo*. L., 2004.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.256

Юдаева О.В.

Кандидат филологических наук, доцент, Военный университет Министерства обороны
**ПОВТОРЯЕМОСТЬ – ОСНОВА КОМПОЗИЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ
ЗАГОВОРНОГО ЖАНРА**

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению реализации принципа повторяемости, под которым понимается повторение каких-либо действий с использованием каких-либо предметов, а также повторение (буквальное и вариативное) элементов текста в одном из фольклорных жанров – заговоре. Заговор имеет триединую структуру. В нем можно выделить следующие части: вербальную (непосредственное произнесение), акциональную (совершение определенных действий), реальную (пользование предметами для совершения действий). Автор приходит к выводу, что данный принцип – основа существования и функционирования заговорных текстов, он реализуется в различных аспектах и служит созданию ритма.

Ключевые слова: заговор, повторяемость, ритм.

Yudayeva O.V.

PhD in Philology, Associate professor, Military University of Ministry of Defense

REPETITION AS BACKBONE OF COMPOSITION AND FUNCTIONING OF SPELL-TYPE TEXTS

Abstract

This article is dedicated to the study of implementation of law of repetition, which implies repetition of actions involving objects, as well as repetition (literal and variable) of text elements in one of folk styles, i.e. a spell. The spell has a triune structure: verbal (utterance proper), action-related (performance of actions), and real (usage of objects to perform actions). The author makes a conclusion that this law is the existential cornerstone of spells that is realized in various aspects and that serves for appropriate rhythm.

Keywords: hex, repetition, rhythm.

Первые упоминания о заговорах можно найти в летописях X века. Наряду с хронологическими повествовательным материалом, они содержат клятвы, произносимые при заключении мировых договоров.

В XII-XIII веках знахарство, кудесничество подвергалось запрету, гонению со стороны христианской церкви. Вопреки этому сохранилось огромное количество записей заговоров в рукописях и судебных делах. Это свидетельствует о том, что данный фольклорный жанр в то время был очень распространен. Впоследствии многие исследователи занимались сбором заговорных текстов и их публикацией: П. Жежицкий, Н.Н. Виноградов, В.И. Срезневский.

В середине XIX века начинается научное изучение заговорно-заклинательных текстов, предпринимаются первые попытки их систематизации. В «Великорусских заклинаниях» Л.Н. Майкова представлена полная классификация заговоров, в которой выделяется 8 групп на основе признака использования текстов в той или иной сфере человеческой деятельности.

На рубеже XIX-XX веков Русское географическое общество приступило к изучению феномена кудесничества. Дореволюционная фольклористика внесла большой вклад в изучение заговорной поэзии: В.И. Даль, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев посвятили свои работы исследованию данного жанра. После революции 1917 года интерес к научному рассмотрению заговорных текстов затих. Только немногие ученые (А.М. Астахова, Ю.М. Соколов, П.Г. Богатырев) писали о нем. В последние десятилетия интерес возобновился, о чем свидетельствует значительное количество работ, посвященных данной проблематике. Г.Р. Мальцева, А.Т. Хроленко, С.Е. Никитина, О.А. Черпанова, А.Р. Юдина, В.Р. Топоров рассматривают данный жанр фольклора с разных позиций.

Что же такое заговор? Сразу следует отметить, что некоторые исследователи смешивают термины «заговор» и «заговорная формула».

Заговорный текст – «тип магического текста, направленный на выражение некоторого желания, предполагающий отсутствие подчиненности адресанта или адресата. В смежных с заговорами молитвах адресант подчинен адресату и взывает к его милости, а в заклинаниях - адресат подчинен адресанту»³.

Заговорная формула – структурный элемент композиции заговорного текста, с помощью которого происходит реализация определенных функций.

Из приведенных определений видно, что эти понятия находятся в гиперо-гипонимических отношениях: заговор/заговорный текст – гипероним, заговорная формула – гипоним.

Заговор имеет двойственную природу: с одной стороны, это фольклорный жанр со специфической прагматической установкой, с другой – часть ритуала, поскольку при произнесении заговора необходимо выполнение ряда ритуальных действий: соблюдение определенного местоположения, использование необходимых предметов, создание зрительного образа и т.д.

Заговоры – это «обломки древних языческих молитв и заклинаний»⁴. До нас они дошли не в первоизданном виде, что объясняется, во-первых, течением времени, и во-вторых, влиянием христианства на данный фольклорный жанр. Таким образом, можно выделить заговоры языческого происхождения и заговоры, испытавшие христианское воздействие.

³ Авдеенко О.Ю. Заговорные формулы в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: Дис. ... канд. филол. наук. - Комсомольск-на-Амуре, 2005.

⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах. Том 1. – М.: Современный писатель, 1995.

Роль заговора в жизни народа была велика, поскольку он имеет прагматическое предназначение (в отличие от других фольклорных жанров (сказки, потешки и т.д.), выполняющих рекреативную функцию): к нему нельзя обращаться без крайней нужды, в противном случае на себя можно накликать беду: «Предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарок и ворожеек», «Они непригодны для забавы и, как памятники вещего, чародейного слова, вмещают в себе страшную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды; иначе наживешь беду»⁵, - писал А.Н. Афанасьев.

Заговор имеет триединую структуру. В нем можно выделить следующие части: вербальную (непосредственное произнесение), акциональную (совершение определенных действий), реальную (пользование предметами для совершения действий). Данное триединство основано на законе подобия: произнесенные слова фиксируются предметно-акциональной составляющей.

Принцип повторяемости, под которым мы понимаем повторение каких-либо действий с использованием каких-либо предметов, а также повторение (буквальное и вариативное) элементов текста, лежит в основе и акционального-предметного, и вербального аспектов заговорно-заклинательных текстов.

Проводя исследование в области первобытных обрядов, многие исследователи пришли к выводу, что многие обряды требуют ритмического сопровождения, которое может быть произведено с помощью песнопения или с помощью инструментов. Заговоры относятся к синкретичной разновидности фольклора древних, в которой смысловое значение слов играло второстепенную роль. На первый план выдвигался ритм и мелодия. А.Н. Афанасьев подчеркивал «песенный склад заговоров»⁶, считая, что они произошли от мелодичных напевов-молитв.

Действительно, ритмический рисунок заговоров своеобразен: он характеризуется плавностью, мелодичностью, напевностью. Именно благодаря ритму происходит сближение заговоров с поэтическими текстами, однако ритм в заговорах выполняет не эстетическую, а прагматическую функцию, т.к. способствует реализации тактики воздействия, направленной на создание гипнотически-суггестивного текста.

Ритм

Согласно представлениям древних, ритмичность – наглядная форма упорядоченности, поскольку в смене времен года, в приливах – отливах, в смене времен суток видится природный ритм, иными словами ритм - основа мироздания. Ритм базируется на принципе повторяемости.

В настоящее время в теории текста хорошо разработаны лишь некоторые аспекты - фонетический и лексико-грамматический - ритмического рисунка произведения. Однако, на наш взгляд, при таком подходе сужается понятие ритма. Ведь ритмика текста проявляется и в архитектонике текста, и в выстраивании сюжета, и особенно в используемой в произведении системы изобразительно-выразительных средств, а также в невербальной – акциональной – составляющей заговора.

Одна из главных целей заговора – через обращение к чудесным силам воздействовать на что-либо. Ритмика заговора не осмысливается говорящим на уровне логики, она воспринимается на подсознательном уровне, в результате чего происходит психолого-эмоциональное воздействие. Итак, ритм реализуется на разных структурных уровнях, причем эта реализация складывается в некоторые системные отношения⁷.

Остановимся на более подробном рассмотрении реализации принципа повторяемости в создании ритмического рисунка заговорных текстов.

Акциональный аспект

Заговор произносится три раза в той форме, в которой он (устно или письменно) зафиксирован. При подмене лексем или словосочетаний, при пропуске слов заговорный текст теряет сакральную силу. В этом отражаются воззрения древних людей на орудийность слова, поскольку считалось, что си дождь, гром, пожары). Следует отметить, что при произнесении заговора производятся типичные действия: умывание сплевывание, намазывание маслом больного места и т.д. В сборниках заговоров можно найти следующие комментарии: «Слова повторить 3 раза, после каждого раза сплевывать через левое плечо 3 раза», «Найти на полене или на стене сучок, 3 раза намочить голодной слюной безымянный палец и 3 раза обвести вокруг чиря, плюнуть через левое плечо 3 раза».

Структурный аспект

Ученые, изучая особенности их построения, отмечают, с одной стороны, разнообразие их форм (можно встретить небольшие по объему тексты, а также тексты, имеющие повествовательную структуру и хорошо выраженный сюжет), а с другой стороны, специфичность заговорного текста, которая заключается в передаче «типичного» содержания в «индивидуальной» форме. И, действительно, обратившись к исследованию заговорных текстов, мы видим их типичность, которая выражается в тематической отнесенности текстов к одной из групп (лечебные, промысловые, хозяйственные, любовные и др.), а также в единстве структуры. В основе типичности лежит повтор.

⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1.

⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – Т.1. – М.: Современный писатель, 1995.

⁷ Бойчук Е. И. Восприятие ритма прозаического текста [Текст] // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. — С. 39-44.

Таблица 1

1. Встану я ранехонько, умою лицо белое, выйду из дверей да в поле чистое и обращу взор свой на восток. 2. А там стоят три печи: медная, железная и кирпичная. 3. И как те печи разгораются и пышут жаром от неба до земли, так бы и разгорелось сердце, душа и тело у рабы Божьей (имя любимой) обо мне рабе Божьем (свое имя). 4. И слова мои крепки - крепче железа, плотнее меди и тверже кирпича.	1. Встану я до восхода солнца, выйду из дома и пойду в темные леса, да в гнилые болота. 2. А в тех болотах стоит баня черная, да живет в ней бабка-сводница. И есть у нее печка каменная, а в печке той чаша медная, а в чаше все кипит да пригорает, горит да присыхает. 3. Так бы и раба Божья (имя любимой) обо мне сердцем, душой и телом кипела, горела, да присыхала. 4. Слово мое крепкое да твердое. Аминь.
--	---

Представленные заговоры принадлежат к любовным. Они имеют одинаковую структуру. Исследователи неоднозначны в вопросе выделения элементов заговора. Ф.И. Буслаев выделял собственно заговор и эпическую часть⁸. О. Эберман считал, что структура заговора трехчастна: шаблонное вступление, ядро и заключение⁹. М. Гастер выделял эпическую часть, симпатический или символический случай и мистические имена¹⁰. Нам ближе точка зрения Н.Н. Глуховой, которая считает, что «дискретность заговора проявляется в существовании четырех структурных частей: 1. Вводная часть. 2. Основная часть. 3. Условие. 4. Закрепка (фиксация)»¹¹ (эти части пронумерованы в таблице). Итак, в приведенных выше заговорах однотипная структура, выраженная разными языковыми средствами. Это подтверждает мысль о том, что в заговорных текстах типическое содержание передается через индивидуальную языковую форму.

Как правило, вводная часть представлена обращением. Обращения – традиционный компонент заговора. Они повторяются из текста в текст. Обращения в заговорах порой даже несовместимы: наряду с наименованием христианских заступников (*Бог отец, Господи, Боже мой, Пресвятая Богородица-матушка*), используются языческие имена (*матушка-водица, звезды ясные, солнышко привольное*). С точки зрения народных воззрений, произнесение имени в заговоре, молитве как бы означает присутствие того, к кому обращаются. Общеизвестно, что в древности имя фетишизируется, ему присваиваются сверхъестественные возможности.

Основная часть и условие в большинстве случаев представлены рядом нанизывающихся друг на друга рифмованных слов (*«Заря-зарница, красна девица, Сама мать и царица», «Как утренняя заря размыкается, Божий свет рассветается, звери из берлог и пещер выбираютя, птицы со гнезда летаются»*). Они создают определенный ритмический рисунок. В коротком тексте один круг этих слов, в длинных – до 70. Основная часть выполняет следующую функцию: знахарь аккумулирует энергию, превращая ее в животворный поток.

Последняя часть заговора (закрепка, фиксация, ключ) выполняет роль закрепления результата (*«Слово мое – замок», «Будь мои слова крепки и заговористы и тем моим словам ключ и замок во имя Отца и Сына и Святого духа»*).

Сюжетно-образный аспект

Под заговорным сюжетом понимаются действия персонажей в определенном месте и обстоятельствах. Заговорный сюжет имеет четырехчленную структуру: персонаж, его действия, место действия и объект действия.

Сюжеты в заговорах повторяются. Они зависят от того, к какому типу заговоров – «белых» или «черных» – принадлежат. В основу этого деления положена оппозиция «добро – зло». В литературе была предпринята попытка систематизации заговорных сюжетов. Так, например, В.Л. Кляус внутри группы «белых» сюжетов выделяют подгруппы «ждут, ожидают, поджидают, зовут, приглашают, требуют, кормят», «сажают – не растет, нет плода» и другие, а в группе «черных» сюжетов – «сдувают, выдувают, сносят, сметают, выметают, смахивают, очищают», «уменьшаются, исчезают, кажутся, превращаются» и другие. Направленность действий в первой группе – «созидание», во второй группе – «уничтожение»¹².

Повторяются также образы в текстах заговорного жанра, наибольшей частотностью отличаются:

- вода (*«Купается, полоскается, матушкой-водой морскою умывается. Вода с нее стекает до чиста. Пойдите, уроки, призоры, на чистые реки, на быстрые воды», «Водное зеркало, Божья вода, отдай, что взяла»*);
- огонь (*«Царь-огонь, царица-искра! Как искра гаснет, так боль сохнет», «Каменка пылает, огонь полыхает!»*);
- земля (*«И земля железна и не дала плоду от себя, Дерь, дерись, земля, крепись», «Гой еси сырая, ЗЕМЛЯ матерая! Матерь нам еси родная. Всех еси нас породила»*);
- звезды, месяц (*«Как месяц на исходе уцербает, так и у раба Божия лиший засыхает», «Как месяц на исходе, так с рабы Божьей (имя) уроки»*);
- ветер (*«С ветра на ветер, с воды на воду, Иди на ветер со всего стана человеческого»; «Уж вы, батюшки ветры, батюшки вихоря, сослужите мне службу верную»*).

Лингвостилистический аспект

Проведя лингвостилистический анализ текстов, мы пришли к выводу, что принцип повторяемости реализуется на разных языковых уровнях. На фонетическом уровне чаще всего встречается аллитерация. С помощью нее создается суггестивный эффект. Усиливая звуковую выразительность, аллитерация способствует также благозвучности, музыкальности текста: *«Праведное ты, красное Солнце! Спекай у врагов моих, у супостатов, у супротивников...здые дела и здые помыслы, чтоб не проломлвци, не проглаголици лиха супротив меня»*. В заговорных текстах встречается

⁸ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1-2. СПб. 1861.

⁹ Ebermann O. Blut-und Wundsegen in ihrer Entwicklung dargestellt. // Palaestra, v. XXIV, Berlin, 1903.

¹⁰ Gaster, M. Two thousand years of a charm against the child-stealing witch // Folklore, v. XI. London, 1900.

¹¹ Глухова Н.Н. Язык марийских заговоров и молитв: Дис. ... докт. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1997.

¹² Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наследие, 1997. — С. 3-13.

семантизированная и несемантизированная рифма, сближающая их с поэтическими текстами: *«Ангелы светлые, ангелы чистые, укройте крылами ноги резвые рабы (имя), чтобы не ныли, не болели, чтоб суставы не скрипели».*

На лексическом уровне принцип повторяемости реализуется с помощью лексических повторов, благодаря которым происходит выделение ключевых слов заговорного текста. Приведем пример заговора от укуса змей, построенного на повторах: *«Ты, змея Ирина, ты, змея Катерина, ты, змея полевая, ты, змея луговая, ты, змея болотная, ты, змея подколодная, собирайтесь у круг и говорите удруг, вынимайте нечистый яд от суставов, от полусуставов, от жил, от полужил, от полупожилков...».*

В заговорных текстах встречаются повторяющиеся эпитеты (*белый камень, золотой камень, чисто поле, красно солнышко, наглая смерть, ангелы светлые, ангелы чистые*), олицетворение (*«Обжог Обжоговец, Обвар Обваровец, Мороз ты мороз, не стой за спиной, гуляй ты по лугам и по долам»*).

В текстах заговоров широко используются

- основанный на повторе синтаксический параллелизм: *«У сука нет коренья, у чирья нет растенья»;*

- повторяющиеся из текста сравнительные конструкции: *«Сохни, мой милый, по мне, как этот сухарь на окне», «Как люди смотрят в зеркало, так бы муж смотрел на жену да не насмотрелся бы».*

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что повторяемость – основа существования и функционирования заговорных текстов. Принцип повторяемости реализуется в разных аспектах данного фольклорного жанра (предметно-акциональном, структурном, сюжетно-образном, лингвостилистическом), создавая определенный ритм, который сближает их с поэтическими текстами и служит для психологического и эмоционального воздействия.

Литература

1. Авдеенко О.Ю. Заговорные формулы в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: Дис. ... канд. филол. наук. - Комсомольск-на-Амуре, 2005.

2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах. Том 1. – М.: Современный писатель, 1995.

3. Бойчук Е.И. Восприятие ритма прозаического текста [Текст] // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. — С. 39-44.

4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1-2. СПб. 1861.

5. Глухова Н.Н. Язык марийских заговоров и молитв: Дис. ... докт. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1997.

6. Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наследие, 1997. — С. 3-13.

7. Ebermann O. Blut-und Wundsegen in ihrer Entwicklung dargestellt. // Palaestra, v. XXIV, Berlin, 1903.

8. Gaster, M. Two thousand years of a charm against the child-stealing witch // Folklore, v. XI. London, 1900.

References

1. Avdeenko O.Ju. Zagovornye formuly v sistemocentricheskom i antropocentricheskom aspektah: Dis. ... kand. filol. nauk. - Komsomol'sk-na-Amure, 2005.

2. Afanas'ev A.N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskikh predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov. V treh tomah. Tom 1. – M.: Sovremennyj pisatel', 1995.

3. Bojchuk E. I. Vosprijatie ritma prozaicheskogo teksta [Tekst] // Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita, nojabr' 2011 g.). — Chita: Izdatel'stvo Molodoy uchenyj, 2011. — S. 39-44.

4. Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. T. 1-2. SPb. 1861.

5. Gluhova N.N. Jazyk marijskikh zagovorov i molitv: Dis. ... dokt. filol. nauk. – Joshkar-Ola, 1997.

6. Kljaus V. L. Ukazatel' sjuzhetov i sjuzhetnyh situacij zagovornyh tekstov vostochnyh i juzhnyh slavjan / RAN. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Nasledie, 1997. — S. 3-13.

7. Ebermann O. Blut-und Wundsegen in ihrer Entwicklung dargestellt. // Ralaestra, v. XXIV, Berlin, 1903.

8. Gaster, M. Two thousand years of a charm against the child-stealing witch // Folklore, v. XI. London, 1900.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.033

Анжиганова Л.В.

ORCID: 0000-0002-5073-2504, Доктор философских наук,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00146
«Мир женщины: эволюция ценностей, символов, ритуалов»

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация

В статье представлен анализ этноконфессиональной ситуации в республиках Южной Сибири в динамике, институциональных формах и эволюции религиозного сознания населения. Рост количества религиозных объединений различных конфессий в Республике Хакасия свидетельствует о продолжении поиска религиозной идентичности жителями региона. Социологические исследования показали, что в республике существует скрытая межконфессиональная напряженность, меняется соотношение приверженцев традиционных верований, христиан и мусульман. Одной из причин этого является меняющаяся миграционная ситуация.

Результаты социологических исследований позволяют прийти к выводу о сохранении скрытой межконфессиональной напряженности в регионе.

Ключевые слова: религиозное сознание, религиозные организации, межконфессиональные отношения.

Anzhiganova L.V.

ORCID: 0000-0002-5073-2504, PhD in Philosophy, Professor, Khakas State University

**ETHNO-KONFESSIONAL SITUATION IN SOUTHERN SIBERIA: SOCIOLOGICAL ASPECT
OF RESEARCH**

Abstract

The article presents an analysis of the ethnic and religious situation in the republics of South Siberia in dynamics, and evolution of institutional forms of public religious consciousness. Growth in the number of religious organizations of various denominations in the Republic of Khakassia indicates continuing search for religious identity of the inhabitants of the region. Sociological studies have shown that in the country there is a latent sectarian tensions, changing the ratio of followers of traditional beliefs, Christians and Muslims. One reason for this is the changing migration situation.

Keywords: religious consciousness, religious organizations, and interfaith relations.

Глобализация и трансформационные процессы последних десятилетий привели к качественным изменениям в жизни российских регионов. Одной из наиболее ярких перемен стала ревитализация религиозного сознания населения и усложнение межконфессиональных отношений. Все более явной стала позиция, что для усиления консолидации социума необходимо обратиться к традиции, в первую очередь, религиозной. Известно, что традиции всегда носят эмоциональный характер, т.к. обращение к ним «обеспечивает на рефлекторном уровне поддержку «своих» и создает достаточно четкую градацию психологических реакций на «чужака»» [1]. Религиозные традиции своего народа оцениваются, как правило, в позитивно окрашенных тонах, т.к. они переданы близкими людьми – родителями, родственниками, мифическими предками. Появление иных конфессий рассматривается как угроза коллективной, в том числе, этнокультурной идентичности.

Утрата религиозных традиций своего народа оценивается акторами как личная трагедия. Ассимиляция, «как частичная или полная утрата индивидами, представляющими данный этнос (как правило, миноритарный и по численности, и по общественному статусу), национальных особенностей под воздействием количественно или социально детерминирующего (мажоритарного) этноса, разрушения среды обитания, интенсивной урбанизации» [2], ведут к нарастанию социальной апатии, алкоголизации, наркомании, суицидам, несчастным случаям и пр. Реакцией на эти деструктивные процессы стало возрождение религиозных ценностей, реконструкция и строительство культовых сооружений, придание религиозным праздникам государственного статуса и усилением взаимной поддержки между государственной властью, в первую очередь, с Русской православной церковью.

В контексте сказанного становится очевидной значимость анализа религиозных установок населения России и ее регионов. Южная Сибирь – исторически сложился как полиэтнический (алтайцы, тувинцы, хакасы, казахи, русские и пр.) и поликонфессиональный регион (христианство в различных проявлениях, буддизм, традиционные верования – язычество, шаманизм, тенгрианство и пр.).

По данным наших исследований (начиная с середины 1990-х гг.), большинство населения идентифицировали себя с православием – (всегда более 50%), на втором месте был буддизм – около 30%, католицизм – около 1-1,5%, ислам – 0,3%, язычество в различных формах – 2,4% и пр. В 2015 г. структура религиозного сознания населения региона не изменилась, однако в ряду традиционных верований коренных этносов Южной Сибири появилось тенгрианство (1,5%) и «Ах чайн» у алтайцев (0,2%). Пятая часть опрошенных исполняют только основные обряды, но около 40% считающих себя верующими не исполняют даже их. Атеистами себя, как и десять лет назад, считают не более 10% респондентов. Что касается гендерной составляющей религиозного сознания населения, то мужчины и женщины практически уравнились в своих предпочтениях: к православным себя отнесли 44,9% мужчин и 49,5% женщин, к буддистам – 25,2% мужчин и 26% женщин, к тенгрианам – 1,6% мужчин и 1,4% женщин. Только среди мусульман несколько больше мужчин (0,9%), чем женщин (0,2%), что вполне объяснимо: среди трудовых мигрантов мужчин всегда было больше.

Благодаря проводимым в последние двадцать лет в Южной Сибири исследованиям, появилась возможность выявить динамику оценок жителями региона характера межконфессиональных отношений. В период с середины 1990-х по 2005 г. оценка состояния межконфессиональных отношений носила положительный характер. За эти годы увеличилась доля тех, кто оценивал межконфессиональные отношения как благоприятные (до 65-70%); с 35% до 21% уменьшилось число респондентов, ощущающих определенную напряженность. В период 2005-2012 гг. ситуация изменилась в худшую сторону. Доля респондентов, считающих межконфессиональные отношения благоприятными, снизилась до 42,5%, 41,5% ощущали напряженность, а 4,5% отметили сильную напряженность.

В 2014 г. наметилась положительная динамика оценок характера межконфессиональных отношений в регионе. Почти половина респондентов (47,8%) сочли межконфессиональные отношения в регионе благоприятными, напряженность ощущали 22,1% респондентов, наличие сильной напряженности отметили 9,3% опрошенных. В исследовании 2015 г. 59,8% респондентов сочли межконфессиональные отношения благоприятными, а напряженность ощущали 17,3% респондентов, наличие сильной напряженности отметили 2,1% опрошенных. В оценках состояния межконфессиональных отношений мужчины и женщины оказались солидарными: благоприятными их считают 58,4% мужчин и 60,9% женщин, чувствуют скрытую напряженность 18,9% мужчин и 16% женщин. Среди причин, вызывающих напряженность, на первое место поставили миграцию из других регионов страны и из-за рубежа 23,3% мужчин, но почти вдвое больше женщин (31,7%).

При анализе степени конфессиональной комплементарности респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, какие чувства они испытывают к представителям разных конфессий (в список включены свидетели Иеговы, мусульмане, баптисты, христиане, шаманисты, иудеи, буддисты, протестанты и др.). Было выяснено, что 89,9% респондентов не испытывают неприязни к представителям иных конфессий респондентов, в отличие от 2,7% опрошенных, что укладывается в рамки «статистической погрешности».

Проиллюстрируем динамику изменения структуры религиозного пространства на примере Республики Хакасия. В Хакасии действует более 200 религиозных организаций и групп. По данным Министерства юстиции республики, на 20.04.2016 г. зарегистрированы 122 религиозные организации (в 2012г. – 76).

Ведущей и активно действующей в республике продолжает оставаться Абаканская и Хакасская епархия Московского Патриархата Русской Православной Церкви (РПЦ), которая состоит ныне из 83 приходов, это вдвое больше, чем в 2012 г. РПЦ имеет культовые здания и помещения (в т.ч. соборы, храмы, приписные храмы, часовни, домовые храмы).

В республике на апрель 2016 г. зарегистрированы 3 мусульманские религиозные организации (в течение длительного времени их было две). Необходимо отметить, что в последние годы активность мусульманских общин выросла, что связано с ростом трудовой миграции из республик Средней Азии. С 2009 г. мусульманские общины г. Абакана зарегистрировали земельный участок под строительство мечети, которое практически не начато. Это связано не столько с техническими проблемами проекта, сколько с протестами жителей ближайших районов города. В Хакасии по-прежнему действует одна местная религиозная организация «Еврейская община г. Абакана». Зарегистрированы две местные буддийские общины, относящиеся к Буддийской Традиционной Сангхе России. Буддизм является традиционной религией для проживающих в Хакасии тувинцев, калмыков и бурят. Ритуальные богослужения проводятся в помещении по месту проведения обряда очищения, исцеления и т.д., либо по месту жительства.

На территории Хакасии имеется одна община Римско-католической церкви приход «Сошествие Святого Духа» г. Абакана. Указанная община в основном состоит из поляков и немцев. Приход построил здание костела, в котором проводятся религиозные обряды, национальные праздники и осуществляется обучение детей, молодежи основным догматам римско-католической веры.

На территории Хакасии активно действуют протестантские и неопротестантские церкви. Богослужения проводятся ими в имеющихся культовых зданиях, как правило, расположенных в крупных населенных пунктах, либо в квартирах и домах единоверцев, либо в арендуемых помещениях. Численность протестантов и неопротестантов всех конфессий, по различным оценочным данным, составляет не более 1.3 % населения Хакасии. Протестанты не нарушают традиционно сложившийся конфессиональный баланс, и степень влияния их на религиозную ситуацию в республике в настоящее время незначительна.

В начале 90-х годов в Хакасии началось возрождение традиционных верований хакасов. В г. Абакане зарегистрированы местная религиозная организация «Общество традиционной религии хакасского народа – шаманизма» и религиозное общество «Хан Тигир». Возврат к прежним этнокультурным ценностям отражается в стремлении восстановить традиционную религию в возможно более полном объеме – как формы общественного сознания, культовой практики, религиозных отношений, социальных институтов. Это проявляется, помимо прочего, в попытке защитить т.н. «места силы» - места традиционного поклонения хакасов Небу, Земле, Воде, Предкам – законодательно. Многие подобные места маркированы коновязями, вновь поставленными каменными изваяниями, деревьями с повешенными на них ленточками – чалама и пр. Серьезные проблемы возникают, когда объекты культа («Салбыкский курган», «Хуртуях Тас», «Сундуки» и пр.) становятся и объектами массового туризма.

Практически все календарные праздники имеют сакральную природу, поэтому при их праздновании проводятся традиционные культовые действия, в которых принимают участие все празднующие. Родовые встречи проводятся на родовых землях и у родовых гор, которые также используются как «места силы». На семейном и индивидуальном уровне также проводятся ритуалы очищения, посвящения, «открытия пути» и пр.

В последние годы в среде хакасской интеллигенции все больше функционирует идея о возрождении национальной религии народов тюрко-монгольского мира – тенгрианстве.

Хакасы так же, как и многие другие народы, в периоды этнического взлета формулировали себя как находящийся под покровительством Великого Синего Неба «народ с солнечной грудью». В периоды же этнического упадка сакральные покровители – духи Земли-Воды, Великие предки и др. помогали этносу сохранить силы. В эти

сложные времена защитниками рода становились шаманы. К слову сказать, они оставались таковыми и в более благоприятные времена.

Исследователи неоднократно отмечали, что государственной религией хакасов, как и других сибирских тюрков, являлось *тенгрианство*. Для религиозной системы хакасского народа *периода государственности* были характерны умеренность и рационализм, минимум мифологии и метафизики, примат этики над мистикой, сознательное подчинение религиозно-мистического начала требованиям социальной этики. Эмоциональный вакуум заполнялся Культom Неба, легендарных героев – сынов Неба и Великих предков.

Тенгрианство – религия с такими объектами почитания, как семья, народ и государство, находящиеся под неусыпным оком Великого Синего Неба. Согласно тенгрианству, все идеальные нормы уже существовали в прошлом и ничего нового невозможно создать, необходимо стремиться поддерживать уже установившийся порядок, гармонию, баланс сил – именно в этом залог успеха. Настоящее и будущее может только повторять уже пройденный путь.

В тенгрианстве человек нес особую ответственность за мир в целом; обладал выраженной целостностью с ним и самим собой (единством тела, сознания и души). Строгая упорядоченность общества, освященная веками и поддерживаемая всеми возможными способами, препятствовали проявлениям экзистенциального вакуума. Человек в тенгрианстве обладал позитивным мировоззрением, что способствовало позитивной деятельности, ориентированной на будущее – вечность.

Таким образом, наличие большого количества религиозных объединений различных конфессий и деноминаций для региона со столь незначительным количеством населения (б. 500 тыс. чел.) свидетельствует о продолжении поиска религиозной идентификации и духовной жизни жителями Хакасии, что является нормой для современного общества.

С другой стороны, социологические исследования показали, что в республике существует скрытая межконфессиональная напряженность. Одной из причин этого является меняющаяся миграционная ситуация. Нарастающий поток трудовых мигрантов из Средней Азии меняет соотношение приверженцев, первую очередь, христиан и мусульман.

Литература

1. Володихин Д.М., Алексеев С.В., Бенедиктов К.С., Иргенина Н.В. Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен традиции). – М.; Бастион, 2004. – С.12.
2. Дьячков М.В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах // Социс. – 1995. – №7. С. 89.

References

1. Volodikhin D.M., Alekseev S.V., Benediktov K.S., Irtzenina N.V. Tradizija. Sila postojanstva (istoriko-filosofskij fenomen tradizii). – M.: Bastion, 2004. - S.12.
2. Djatchkov M.V. Ob assimiljazii i integracii v polietnitcheskih sociumah // Sozis. – 1995. - № 7. S. 89.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.118

Баранов Г.В.

Профессор, доктор философских наук,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал

ЧЕЛОВЕК КАК ПРОБЛЕМА В ФИЛОСОФИИ

Аннотация

В статье рассмотрено – авторская гипотеза группировки антропологической проблемы философии по критерию разработки сущности человека. Описывается содержание основных гипотез шести философских антропологических парадигм. Оценивается приоритетность современной научной парадигмы человека, основанной на достижениях систем наук.

Предлагаются для исследования основные гипотезы деятельностной антропологической парадигмы - многомерность человека, деятельностная сущность человека.

Ключевые слова: человек; антропологическая проблема; многомерность человека; деятельностная сущность человека.

Baranov G.V.

Professor, PhD in Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk Branch

HUMAN AS A PROBLEM IN PHILOSOPHY

Abstract

In the article - author's hypothesis groups anthropological problems of philosophy by the criterion of the development of human nature. It describes the content of the basic hypotheses of philosophical anthropology six-logical paradigms. We estimate the priority of modern scientific paradigm of man, science-based systems. Offered to study the main hypotheses activity-anthropological paradigm - human multidimensionality, activity-the essence of man.

Keywords: human; anthropological problem; multidimensionality of man; dejatelnostnaja essence of man.

В исследовании показателей специфики антропологической проблемы в данной статье используется авторская концепция о содержании проблем современной философии, и в частности, философско-антропологической проблематики [1; 2; 3]. В абстрактном обобщении проблемой человека в философии называется (обозначается) множество исследований сущности и признаков («качеств»), закономерностях происхождения и функционирования, смысла жизни и будущего человека с применением методов философского познания. Понятие проблемы имеет несколько значений, в том числе, более адекватное – форма знания, в которой представлена информация о пределах

достигнутого и возможности достижения нового знания или практического результата, если будут осуществлены определённого рода действия [4, с. 229; 5, с. 6].

Основное содержание философской проблемы человека составляет исследование сущности данного уникального состояния бытия. По мнению автора статьи, при определении аспекта сущности человека реализуется одна из форм (видов) логической операции абстрагирования – «изолирующее абстрагирование – отдельные признаки предметов мысленно отделяются от своих предметов, существуют сами по себе и становятся самостоятельными предметами мысли» [6, с. 21].

В авторских концепциях обосновываются оригинальные объяснения и описания сущности человека. Некоторые основные концепции человеческой сущности выделены автором статьи в содержании проблематики «философского практикума», например [7; 8; 9]. Исследования сущности человека имеют результаты в форме дефиниции (определения) уникального объекта бытия с названием «человек», например, человек – природно-общественное живое существо, реализующее свой класс бытия в форме деятельности по материальному, знаковому и идеальному преобразованию хаоса и неопределённости условий среды обитания в организованное состояние полезности своей жизни [10; 11; 12, с. 4].

В исследовании проблемы человека в философии сложилось не менее шести парадигм – систем знаний, принятых специалистами для решения определённой проблемы в период исторического времени, используя однородные понятия, методы, критерии [13; 14] – антропоцентрическая, или парадигма антропоцентризма; культуроцентрическая, или парадигма культуроцентризма; натуроцентрическая, или парадигма натуроцентризма; социоцентрическая, или парадигма социоцентризма; теоцентрическая, или парадигма теоцентризма; современная деятельностная антропологическая парадигма. В каждой из названных парадигм имеются авторские концепции («версии»), происходят дискуссии. Исследователи проблемы человека в философии создают многообразие авторских инновационных решений.

Философская парадигма антропоцентризма – множество исследований проблемы человека с применением гипотезы о приоритетности (первичности) человека в системах бытия. Наиболее известные авторы в истории философской культуры: Н.А. Бердяев, А. Камю, Х. Плеснер, Ж.-П. Сартр, М. Шеллер, М. Хайдеггер. Основные гипотезы решения проблемы человека по критериям философской антропоцентрической парадигмы: человеческая сущность представлена свободой деятельности во всевозможных системах бытия; качества человека – бесконечное многообразие при условии первичного значения гипотезы «человек есть микрокосм»; происхождение, будущее и смысл жизни человека определяются эволюцией его неограниченной экспансии свободы и творчества.

Парадигма философско-антропологического культуроцентризма – философское познание человека на основе гипотезы первичности идеационных культурных ценностей. Выдающиеся теоретики: Г. Зиммель, Э. Кассирер, И. Фихте, Г. Риккерт. Основные гипотезы решения проблемы человека по критериям культуроцентрической парадигмы: творчество бытия по критерию символов культуры есть сущность человека, например, в концепции Э. Кассирера человек есть *animal symbolicum* («символическое животное»); многомерные признаки («качества») человека при условии абсолютно приоритетного значения духовных (идеационных) показателей; бесконечное стремление к постоянному совершенству составляет основу решения задач объяснения происхождения, смысла жизни человека и его будущего [18].

Философская парадигма натуроцентризма – исследование проблемы человека в пределах гипотезы о первичности свойств и законов природы. Теоретики в истории философской культуры: Демокрит, П. Гольбах, Ф. Ницше, З. Фрейд и другие. Основные гипотезы разработки проблемы человека по методологическим требованиям антропологической парадигмы натуроцентризма: природная естественная человеческая сущность; основные множества («группы») человеческие качества – природные и общественные, – из которых приоритетной группой является множество «природные качества человека»; происхождение, смысл жизни человека и его будущее определяются эволюцией объектов природы [15; 16].

Социоцентрическая философско-антропологическая парадигма – познание человека в пределах гипотезы о приоритетности («господстве») целостности общества и локальной социальной среды обитания человека. Выдающиеся в истории культуры теоретики этой парадигмы: Платон, Аристотель, Г.Гегель, Э.Дюркгейм, И. Кант, И.Фихте, Ф.Шеллинг, К. Маркс. Гипотезы познания человека по требованиям социоцентрической антропологической парадигмы: общественная сущность человека с учётом приоритета исторических качеств общества; основные множества («группы») качеств человека – природные и общественные – при условии первичного значения группы «общественных качества человека»; становление, смысл жизни и перспективы бытия человека детерминируются факторами бытия общества [17].

Теоцентрическая антропологическая парадигма – исследование проблемы человека с применением гипотезы об абсолютном господстве сверхъестественных и всемогущих сил бытия в формах Бога и иных сущностей, обоснованных теоретиками исторически конкретных конфессий. Теоретики теоцентрической парадигмы – специалисты конфессиональной религиозной философии, например, С.Н. Булгаков, Фома Аквинский и другие. Основные гипотезы познания человека в пределах парадигмы теоцентризма: духовная, предопределённая волею Бога, сущность человека; две системы признаков («качеств») человека – система «природные» («тварные») качества в виде физиологических проявлений жизни и система «божественные» качества в состояниях позитивных ценностей поведения, психики и сознания; человеческий смысл жизни – духовность в значении бескорыстной преданности («служению») Богу в пределах требований определённой конфессии; возникновение, будущее для человека предопределяются волей Бога.

Цивилизационная философская парадигма человека создаётся и совершенствуется на основе логических обобщений результатов наук и иных классов культуры человечества и называется «деятельностная парадигма». Основные гипотезы деятельностной парадигмы: многомерность человека; деятельностная сущность человека.

По мнению автора, человеческая деятельность предстает в функции всеобщего организатора многообразия и многомерного единства человеческого бытия, так как обеспечивает простейшее решающее условие данного состояния – его осуществленность в универсуме хаоса среды обитания [19, с. 174]. Деятельность – «антихаосное осуществление бытия» [20, с. 27]. Деятельность человека есть уникальная модификация («часть») универсальной деятельности бытия. Бытие человека усложнено необходимостью постоянного самосохранения в условиях преобразования хаоса объектов трансцендентного, природного и общественного классов бытия в состояния оптимальной здоровой личной и общественной («социальной») жизни [21; 22].

Литература

1. Баранов Г.В. Философия. Омск, 2002. 291 с.
2. Баранов Г.В. Философия в культуре. Омск, 2015. 260 с.
3. Гуманитарные науки: коллект. науч. монография / Г. В. Баранов [и др.]; под ред. Н.Р. Красовской. М.: Изд. Интернаука, 2016. Том 1. Глава 2. С. 30-46.
4. Баранов Г.В. Понятия философской культуры. Омск, 2011. 392 с.
5. Баранов Г.В., Антонова Ю.И. Философия. Омск, 2016. 180 с.
6. Баранов Г.В. Логика. 2 изд., испр. Омск, 2004. 199 с.
7. Баранов Г.В. Бытие и человек: философский практикум. 3-е изд., перераб. и доп. Омск, 2002. 252 с.
8. Баранов Г.В. Общество и человек: философский практикум. 3-е изд., перераб. и доп. Омск, 2002. 220 с.
9. Баранов Г.В. Философский практикум: Бытие и человек. Общество и человек. Омск, 2003. 384 с.
10. Баранов Г.В. Концепции современного естествознания: науки о Земле. Науки о человеке. Омск, 2011. 376 с.
11. Баранов Г.В. Понятия политологической культуры. - Омск, 2012. - 300 с.
12. Баранов Г.В. Проблема человека в философии: практикум. Омск, 2012. 108 с.
13. Баранов Г.В. Исторические типы философии. Омск, 1995. 76 с.
14. Баранов Г.В. Философский практикум. 2-е изд. / под ред. В.Н. Лавриненко. М., 2005. 528 с.
15. Баранов Г.В. Практикум по философии. Омск, 2011. Часть 1. 372 с.
16. Баранов Г.В. Современное естествознание: концепции наук о человеке. Омск, 2013. 224 с.
17. Баранов Г.В. Практикум по философии. - Омск, 2011. Часть 2. 360 с.
18. Баранов Г.В. Философия культуры и морали: практикум. - Омск, 2012. 260 с.
19. Баранов Г.В. Деятельность в многомерности человеческого существования. Омск, 1997. 208 с.
20. Баранов Г.В. Деятельность в бытии. Мюнхен: AVM, 2013. 198 с.
21. Баранов Г.В. Деятельность и антропность бытия. Омск, 2013. 200 с.

References

1. Baranov G.V. Filosofiy. Omsk, 2002. 291 s.
2. Baranov G.V. Filosofii v kulture. Omsk, 2015. 260 s.
3. Humanitarnye nauki: kollekt. nauch. monografiya / G.V Baranov [i dr.]; pod red. N.R. Krasovskoj. M., Izd. Internauka, 2016. Tom 1. Glava 2. S. 30-46.
4. Baranov G.V. Ponyatiya filosofskoj kultury. Omsk, 2011. 392 s.
5. Baranov G.V., Antonova U. I. Filosofiya. Omsk, 2016. 180 s.
6. Baranov G.V. Logika. 2 izd., ispr. Omsk, 2004. 199 s.
7. Baranov G.V. Bytie i chelovek: filosofskij praktikum. 3-e izd. pererab. i dop. Omsk, 2002. 252 s.
8. Baranov G.V. Obshchestvo i chelovek: filosofskij praktikum. 3-e izd. pererab. i dop. Omsk, 2002. 220 s.
9. Baranov G.V. Filosofskij praktikum. Bytie i chelovek. Obshchestvo i chelovek. Omsk, 2003. 384 s.
10. Baranov G.V. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya: Nauki o Zemle. Nauki o cheloveke. Omsk, 2011. 376 s.
11. Baranov G.V. Ponyatiya politologicheskoy kultury. Omsk, 2012. 300 s.
12. Baranov G.V. Problema cheloveka: filosofii praktikum. Omsk, 2012. 108 s.
13. Baranov G.V. Istoricheskie tipy filosofii. Omsk, 1995. 76 s.
14. Baranov G.V. Filosofskij praktikum. 2-e izd. / pod red. V.N. Lavrinenko M., 2005. 528 s.
15. Baranov G.V. Praktikum po filosofii. Omsk, 2011. Chast 1. 372 s.
16. Baranov G.V. Sovremennoe estestvoznaniye: konceptii nauk o chelo-veke. Omsk. 2013. 224 s.
17. Baranov G.V. Praktikum po filosofii. Omsk, 2011. Chast 2. 360 s.
18. Baranov G.V. Filosofiya kultury i morali: praktikum. Omsk, 2012. 260 s.
19. Baranov G.V. Deyatelnost v mnogomernosti chelovecheskogo-sushchestvovaniya. Omsk, 1997. 208 s.
20. Baranov G.V. Deyatelnost v bytii. Myunhen: AVM, 2013. 198 s.
21. Baranov G.V. Deyatelnost i antropnost bytiya. Omsk, 2013. 200 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.224

Корнеева А.Ю.

Аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Статья подготовлена при поддержке исследовательского гранта Российского гуманитарного научного фонда «Социальная память в интернет пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности а(р) 15-13-70001.

АРХЕТИПЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация

Целью работы является определение понятий «культурная память» и «архетип», а также рассмотрение архетипа в качестве метода передачи содержания культурной памяти. Цель обусловлена интересом к изучению феномена архетипа и его способностью трансляции содержания культурной памяти. В статье раскрыто содержание понятия «память», отслежена история изучения феномена. На основе изученных источников приведены определения таких видов памяти, как историческая память, социальная память, культурная память. Исследовано понятие феномена архетипа, история изучения понятия, а также приведены основные типы архетипов человеческой психики на основе работ К.Юнга. Рассмотрено понятие культурного архетипа, служащего для передачи культурного опыта общества.

Ключевые слова: архетип; культурная память; идентичность; коллективная память; индивидуальная память; идентификация; культурный архетип; социальная память.

Korneeva A.Yu.

Postgraduate student, National research Tomsk polytechnic university

CULTURAL MEMORY ARCHETYPES

Abstract

The aim of the work is to define the concepts of “cultural memory” and “archetype” and to discern archetypes as methods of the cultural memory’s content transfer. The aim is determined by the interest to the phenomenon of archetype and its ability to translate the content of cultural memory. The definition of “memory” contest is expanded and the history of the phenomenon’s study is examined in the article. The determinations of memory types as “historical memory”, “social memory”, “cultural memory” are given on the basis of the studied sources. The phenomenon of archetype, history of its study and basic types of human psyche’s archetypes on the basis of Carl Jung’s works are investigated. The concept of a cultural archetype, which is used to translate cultural experience of society, is identified in the work.

Keywords: archetype; cultural memory; identity; collective memory; individual memory; identification; cultural archetype; social memory.

Введение

Память о прошлом играет немаловажную роль в жизни любого общества и различных социальных групп, а также в развитии социокультурной идентификации личности.

Память представляет собой ресурс для изменений – она способна создавать новые рамки для определенных действий людей, пересматривая ценности и установки прошлого. В каждом обществе и в каждой стране, коллективная и общественная память передается старшими поколениями младшим через разнообразные каналы (учебную литературу, СМИ, памятники и памятные ритуалы, архетипы, мифы и пр.), оказывая влияние на их культурную идентификацию и систему ценностей, а также их желание инвестировать эту память экономически, политически и социально.

1. Понятие памяти

Впервые термин «память» вышел на первый план и стал претендовать на статус ключевого концепта новой парадигмы современного социально-гуманитарного знания на рубеже 1980—1990-х гг. Базируясь на культурно-историческом наследии общества и проявляя себя в различных сферах его жизни – привычках, быту, культуре, традициях и ритуалах, понятие культурно-исторической памяти появилось несколько позднее и до некоторых пор многими учеными и исследователями разграничивались определения исторической и культурной памяти.

Так, под исторической памятью понималось одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти (социальной памяти), память об историческом прошлом, а вернее, его символическая репрезентация. Историческая память представляла собой не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшую составляющую самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом [5].

Культурная память, в свою очередь, рассматривалась как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей и групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная, выраженная в мемориальных знаках различного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках [1].

Помимо этого, многими исследователями, в частности М. Хальбваксом была рассмотрена концепция «социальной памяти» - многофункционального явления, изучавшегося различными дисциплинами (историей, социологией, психологией) и в полной мере отражавшего процессы передачи накопленного обществом опыта от одного поколения к другому [5].

Швейцарский психиатр К. Юнгом отмечал, что одно из важнейших свойств памяти – ее «способность репродуцировать бессознательные содержания и поддерживать связь с вещами, ставшими подсознательными – подавленными или отброшенными». [9]

Современные исследования опираются на подход, в основе которого культура рассматривается как синтез социальных, материальных и духовных аспектов, исходя из чего, закономерен вывод о том, что понятие «культурной

памяти» служит обобщающим термином, который включает в себя такие определения как «социальная память», «духовная память» и «материальная память». [8]

Важно понимать, что такие определения носят метафорический характер, при котором каждое из понятий метафорически «перемещается» на уровень культуры и именно в таком, переносном, значении ученые говорят о «литературной памяти», «национальной памяти», «социальной памяти», «духовной памяти» и пр. По мнению исследователя Д. Олика важно дифференцировать уровни, на которых пересекаются культура и память: индивидуальный и коллективный, или, что наиболее верно, уровень когнитивного с одной стороны и уровни социального и материального с другой, поскольку «...сюда вовлечены две кардинально отличающихся концепции культуры, одна из которых рассматривает культуру как субъективную категорию значений для человеческого разума, в то время как другая рассматривает культуру в качестве образца общественных доступных символов, существующих в обществе». [11]

2. Феномен архетипа

Память прошлого, выраженная в культуре, очень важна для общества и сохранить такую память призваны культурно-исторические ресурсы, представляющие собой наследие прошлых эпох общественного развития, служащие для культурно-познавательных и ознакомительных целей и включающие в себя материальные объекты культуры – музеи, выставки, театры, археологические местности, и абстрактные – определенные ритуалы, традиции и архетипы, принятые в обществе.

Архетип представляет собой определенный тип отношений и связей, существующих между объектами окружающего мира и обществом, и проявляется в личности посредством инстинктов, восприятия, типа мышления, сформированных установок и правил поведения.

Понятие архетипа было введено и подвержено тщательному изучению со стороны К.Юнга, основоположника аналитической психологии. Юнг пришел к идее существования архетипов, изучая сновидения, галлюцинации и рисунки своих пациентов, где обнаруживал разнообразные древние символы, фигуры и образы, проявляющиеся у пациентов на бессознательном уровне и в качестве, так называемого, условного знания. «Архетип являет собой гипотетический, недоступный созерцанию образ, наподобие того, что в биологии называется «моделью поведения» ("pattern of behavior")». [6] На основе этого, Юнг предположил, что помимо сознания человека и личного бессознательного, в структуре человеческой психики существует и коллективное бессознательное, обладающее способностью транслировать накопленный опыт от одного поколения к другому, и проявляющее себя в форме архетипов – определенных моделях и образцах инстинктивного поведения, помогающих людям в восприятии окружающей действительности и отвечающих за реакции индивида на те или иные события, происходящие в его жизни. «Существует столь же много архетипов, сколько и типичных жизненных ситуаций и, если в жизни случается нечто, что соответствует архетипу, то последний активизируется; и наступает неодолимое понождение, которое, наподобие инстинктивной реакции, берёт верх вопреки рассудку и воле...» [6]

По мнению Юнга, человеческому сознанию присущи четыре основных архетипа – Я (Самость), Персона, Анима/Анимус и Тень.

Персона представляет собой определенную модель поведения, социальную роль, исполняемую человеком с целью соблюдением требований и ожиданий других людей относительно него. Это, так называемое «публичное лицо» («маска»), воспринимаемое обществом и не совпадающее с истинной сущностью личности. «Персона является лишь маской коллективной души, той маской, что симулирует индивидуальность, заставляя других и самого ее обладателя поверить в то, будто он индивидуален, тогда как он просто играет роль, через которую говорит коллективная душа». [6]

Архетипы Анима / Анимус отражают характеристики противоположного пола в индивиде, и имеют основополагающее влияние на развитие и становление личности (Анима отвечает за отражение женского (feminine) начала в мужском характере, Анимус – мужского (masculine) в женском.) «Естественная функция данных архетипов заключается в установлении взаимосвязей между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным.» [6]

Тень являет собой «животное начало» личности и представляет собой совокупность неприемлемых, страстных и аморальных желаний человека, и источник спонтанности, озарения и творческих порывов. Согласно К.Юнгу, Тень – это обратная сторона личности, несущая в себе наследие низших форм жизни, и служащая основой для формирования личности (личностей) на бессознательном уровне человеческой психики.

Юнг полагал, что Самость является важнейшим архетипом, поскольку именно он отвечает за целостность человеческой психики, включая в себя как сознательные, так и бессознательные ее аспекты и помогает человеку достичь целостности восприятия своего «Я» (становления единого, уникального и целостного индивида, что, по мнению Юнга, является конечной жизненной целью) – процессу индивидуации. «Индивидуация означает: стать единичной сущностью и, поскольку под индивидуальностью мы понимаем нашу глубинную внутреннюю, предельную и ни с чем не сравнимую уникальность, стать собственной Самостью. В силу этого "индивидуацию" можно было бы переводить и как "самосозидание" или "самовоплощение"». [6]

3. Архетипы культурной памяти

Говоря об архетипах культурной памяти, или, так называемых, культурных архетипах, стоит заметить, что формирование архетипов подобного рода происходит не только на уровне культуры одного индивида или определенного общества, но и на уровне культуры всего человечества. В каждой культуре доминантами являются определенные, свойственные лишь ей, особенности поведения, характера, мировоззрения общественности и влияния исторических событий.

Культурные архетипы передаются посредством определенных символов и форм – мифологических образов, религиозных учений, ритуалов, национальных идеалов, поведенческих паттернов и пр. [2] Кроме того, архетипы культурной памяти формируют у общества модели духовной жизни, при этом подобная актуализация архетипов

может быть не только отсылкой к прошлому, но и предпосылкой к будущему общества, поскольку культурные архетипы транслируют не только опыт минувшего, но и стремления, цели, надежды грядущего существования. [9]

Заключение

Любое общество архетипично, поскольку архетипична культура любого общества. Культура служит способом передачи от поколения к поколению накопленного опыта, уникальных знаний, а также памяти важнейших событий в истории, развитии и жизни страны. Культурная память играет важнейшую роль, как в жизни определенного человека, так и в жизни целой нации, поскольку служит способом идентификации личности и общества. Память может передаваться различными способами, один из которых – архетип, представляющий собой определенный паттерн поведения, заложенный в человеческой психике на уровне подсознания, сохраняющий и транслирующий культурный опыт общества, тем самым обеспечивая постоянное развитие и единство общекультурного развития человечества.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2007. 368 с.
2. Лойко О.Т. Онтология социальной памяти. Автореф. дис... д-ра философ. наук. Красноярск. 2004. 35 с.
3. Нора П. Места памяти. Проблематика мест памяти. СПб.: Изд-во СПб.ун-та, 1999. 369 с.
4. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 2008. 327 с.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 221 с.
7. Assman A. *Memory. Individual and Collective*. Oxford: Oxford UP, 2009. 312 p.
8. Erll A. *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. 482 p.
9. Jung K. *The archetypes and The Collective Unconscious*. Princeton: Bollingen, 2012. 368 p.
10. Misztal B. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead: Open University Press, 2014. 312 p.
11. Olick J. *The Collective Memory Reader*. NY: Oxford University Press, 2011. 275 p.
12. Olick J. *States of Memory: Continuities, Conflicts and Transformations in National Retrospection*. NY: Duke University Press, 2013. 246 p.
13. Ricoeur P. *Memory, History, Forgetting*. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 625p.
14. Smith M. *Issues in Cultural Tourism Studies*. London: Routledge Taylor & Francis Group, London and New York, 2011. 195 p.

References

1. Assman Ja. *Kul'turnaja Pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory. Literature, Memory about the Past and Political Identity in High Ancient Cultures]. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2007. 368 s.
2. Loiko O. *Ontologija social'noj pamjati* [Social Memory Ontology]. Krasnoyarsk: University of KSU, 2004. 35 s.
3. Nora P. *Mesta pamyati. Problematika mest pamyati* [Places of Memory. Problems of Memorial Places]. SPb.: Izd-vo SPb.un-ta, 1999. 369 p.
4. Fuko M. *Rozhdenie kliniki* [Clinical creation]. Moskva: Smysl, 2008. 327 s.
5. Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Frames of Memory] Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
6. Yung K. *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol] Moskva: Renessans, 1991. 221 s.
7. Assman A. *Memory. Individual and Collective*. Oxford: Oxford UP, 2009. 312 p.
8. Erll A. *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. 482 p.
9. Jung K. *The archetypes and The Collective Unconscious*. Princeton: Bollingen, 2012. 368 p.
10. Misztal B. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead: Open University Press, 2014. 312 p.
11. Olick J. *The Collective Memory Reader*. NY: Oxford University Press, 2011. 275 p.
12. Olick J. *States of Memory: Continuities, Conflicts and Transformations in National Retrospection*. NY: Duke University Press, 2013. 246 p.
13. Ricoeur P. *Memory, History, Forgetting*. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 625p.
14. Smith M. *Issues in Cultural Tourism Studies*. London: Routledge Taylor & Francis Group, London and New York, 2011. 195 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.085

Омельчук С.С.

Аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ)

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В XXI ВЕКЕ

Аннотация

Статья посвящена социальным условиям, опосредующим развитие межпрофессионального дискурса в XXI веке. Опираясь на системный подход, автор утверждает подверженность межпрофессионального дискурса общим тенденциям в развитии общества. Среди таких тенденций в статье рассматриваются индивидуализация и нарастание отчуждения, девальвация ценности знания, формирование клипового мышления. Причина подобных тенденций видится автором статьи в виртуализации общества. Для ее интерпретации автор использует концепцию Дмитрия Иванова и теорию симулякров Ж. Бодрийяра.

Ключевые слова: межпрофессиональный дискурс, виртуализация, коммуникация.

Omelchuk S.S.

Post-graduate student, Novosibirsk State
University of Economic and Management

SOCIAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF INTERPROFESSIONAL DISCOURSE IN THE XXI CENTURY

Abstract

The article is devoted to social conditions of mediating development of interprofessional discourse in the XXI century. Based on a systematic approach, the author claims exposure of interprofessional discourse to general trends in the development of society. Among these trends in the article discusses the individualization and the growing alienation, the devaluation of the value of knowledge, the formation of clip thinking. The reason for this trend is seen by the author in the virtualization of the society. For its interpretation the author uses the concept of Dmitry Ivanov and the theory of simulacra of Jean Baudrillard.

Keywords: interprofessional discourse, virtualization, communication.

Поскольку сферу межпрофессионального дискурса мы рассматриваем как фрагмент социальной реальности, то ее актуальное состояние и возможные перспективы развития во многом детерминируются особенностями функционирования общества на современном этапе.

Так как межпрофессиональный дискурс предполагает взаимодействие и кооперацию между его участниками, то на возможности его реализации и перспективы его развития, по нашему мнению, в первую очередь, будет влиять характер социальных отношений, сложившийся на данный момент времени, уровень общественной солидарности и согласованности действий как в целом всех социальных слоев и групп, так и социально-профессиональных групп и сообществ в частности.

Ситуация в современном обществе может быть охарактеризована как противоречивая в том плане, что в нем присутствуют как тенденции интеграции, так и явные проявления десолидаризации и нарастания напряженности в отношениях. Развитие кооперации и взаимодействия наблюдается в рамках обособленных социальных групп, каждая из которых имеет свою субкультуру и преследует свои групповые интересы: этнических, социально-профессиональных, социально-территориальных, политических, экономических и т.п. Межгрупповые же отношения часто сопровождаются противоречиями и конфликтами, среди причин которых можно отметить конкурентную борьбу за ресурсы (информацию, власть, престиж, авторитет, территорию, рынки сбыта и т.д.), развитие социальных стереотипов и предрассудков, сознательный изоляционизм.

Подобные условия затрудняют развитие межпрофессионального дискурса в том плане, что необходимое для этого налаживание тесных контактов между различными профессиональными сообществами часто представляется затруднительным из-за взаимного недопонимания вследствие имеющихся профессиональных стереотипов, а также из-за опасений по поводу утраты важных ресурсов. Так, стереотип «чиновник-бюрократ и бумагомаратель» с одной стороны, и стереотип «преподаватель-взяточник» с другой, не позволяют наладить нормальный коммуникационный процесс и совместно решать проблемы развития высшего образования на уровне региона, города или даже конкретного ВУЗа.

Причина подобной ситуации, по нашему мнению, кроется в излишней индивидуализации общественной жизни, ведущей к крайнему рассогласованию интересов. Усугубляется положение такой тенденцией, как виртуализация коммуникаций, ведущей к преобладанию технически опосредованных форм общения над естественными – вербальным, невербальным и письменным. В результате нарастает отчуждение. Так, Карл Ясперс, немецкий философ-экзистенциалист, подробно описывая положение человека в мире, указал, что человек является частью огромного социального механизма, он превращен в функцию, он теряет свою уникальность, становится винтиком огромной социальной машины. Людям все равно, что будет с другими. Человек чувствует себя одиноким и изолированным от всего мира. Люди XX века теряют свою уникальность, они обезличиваются. Как писал Ясперс, это люди «без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности» [9, с. 311]. Ясперс поднимает проблему обезличенности социальных отношений, обесценивания человека.

Значительную роль коммуникационной сферы общественной системы в динамике межпрофессионального дискурса можно объяснить тем, что она является необходимым базисом для межпрофессиональной текстосозидающей активности, в ходе которой конструируется особый инфокоммуникационный субмир, отражающий результаты совместной интерпретации его участниками определенных фактов, явлений и процессов объективной действительности.

Так, в XX веке в связи с развитием экранных средств передачи и распространения информации ценность знания значительно снижается, они становятся общедоступными и обширными, однако на этом фоне резко снижается их качество. Знание в современном мире по большей своей части приобретает рецептурный характер. Такой тип знания – это повседневные знания, то есть знания, необходимые для эффективного совершения рутинных действий. Такая ситуация означает духовное обеднение общества, сведение всех знаний к уровню обыденности. Несмотря на то, что данный пласт общественного сознания является первичным и во многом определяет социальное поведение индивидов, а значит и непосредственную жизнь общества, развитие человека, на что и направлено образование, включает наряду с этим и основы научных знаний, знания в сфере искусства, философии, права и т.д.

Ситуация в экранном обществе такова, что среди огромного обилия информации человек теряется и не успевает выбрать подлинно качественные и истинные ее сегменты, поэтому его знаниевый запас носит фрагментарный мозаичный, часто ограниченный характер. Но данный аспект – это сфера саморазвития человека, одним из основных способов которого является самообразование. Но получение рецептурных знаний сейчас во многом составляет содержание образовательного процесса во многих учреждениях профессионального образования. Зачастую профессиональная подготовка сводится лишь к получению узкоспециальных знаний, а общекультурной подготовке отводится незначительное место, что ведет к формированию узконаправленных выпускников вузов, разбирающихся лишь в узкой области своей профессиональной деятельности.

Экран участвует в создании иллюзорной, мифологизированной, виртуальной, неистинной картины мира. В данном контексте ставим вопрос о раскрытии сущности виртуальной реальности в обыденной жизни населения и в новых аспектах информационного пространства. Для оценки понятия виртуальной реальности важно провести параллели с объективной реальностью.

Как отмечает Г. Маклюэн, «... доминирующим органом ощущений и общественной ориентации в доалфавитных обществах было ухо – слух был верованием ...» [6]. Сегодня место уха у человека занял глаз. Большую часть информации в обыденной жизни индивид получает именно посредством зрения. С помощью глаз предоставляется возможность не только увидеть реально, но и виртуально услышать, и даже почувствовать. Так как в реальности подобное уже испытывалось и ощущалось (биение сердца, боль или зуд в пальце и т.п.). Собственно проецирование того, что предоставляют информационные технологии, есть виртуальная реальность. А исходной точкой отсчета выступает именно объективная реальность, которая соответствует природе человека. Таким образом, можно сформулировать понимание виртуальной реальности, как некоего топоса, искусственно созданного при помощи технических средств, позволяющего воспринимать себя зрительно, а также используя слух (реже осязание и обоняние), вступать с ним в контакт, используя копируемые и проецируемые в себе объекты реального мира.

Обратимся к концепту виртуализации общества современного отечественного социолога Д.И. Иванова, в рамках которой, по нашему мнению, можно наглядно репрезентировать и интерпретировать общественные процессы и явления, связанные с виртуализацией социальной жизни.

Виртуализацией Иванов называет «любое замещение реальности ее симуляцией/образом - не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности» [3, с. 27].

Виртуализация социальной реальности понимается нами как ее раздвоение на константную и виртуальную посредством создания символов и символических систем, социальных типизаций, не являющихся объективациями истинных мыслей и чувств членов общества. Иные формы социальной реальности, искусственные, неподлинные, порождаемые первичной реальностью, конструируемые, начинают все больше и больше замещать первичные формы общественного поведения и общественной жизни. И речь идет не просто о компьютерной виртуальной реальности, ставшей для многих «второй жизнью». Виртуальность подменяет собой реальность повсюду в повседневной жизни в современную эпоху.

Социальную реальность в нашу эпоху можно с полной уверенностью дифференцировать на две сферы: константную и виртуальную. Константная реальность есть реальность подлинная, порождающая, а виртуальная реальность есть реальность порождаемая, но отличная по свойствам от константной.

Таким образом, константная социальная реальность продуцирует виртуальную социальную реальность, которая порой подменяет собой оригинал. Так, современное общество адекватно отражается с помощью целого ряда категорий: «общество потребления», информационное общество, постиндустриальное общество. Все эти категории объединяет одно: в них фиксируется такое качество современного общества, как наличие информационной надстройки, гиперреальности, которая продуцируется базисом, то есть материальной сферой. При этом, данная информационная надстройка детерминирует жизнь членов общества больше, чем материальная сфера.

К процессам виртуализации относятся, на наш взгляд, все тенденции современной социальной жизни, связанные с симулированием реальности, замещение подлинных социальных фактов (используя подход Э.Дюркгейма) и социальных действий (подход М.Вебера) симулякрами, то есть некими образами этих фактов и действий. Например, выборы в органы представительной власти как реальный институт демократической политической системы подменяется псевдовыборами, которые представляют собой спектакль, разыгрываемый властями и в котором участие граждан в политическом процессе симулируется.

Виртуализация общества во многом связана с омассовлением общественного сознания. Общество из целостной совокупности осознанно взаимодействующих индивидов и социальных групп, объединенных единой ценностно-нормативной системой, закрепленной в морали, религии, праве, философии, превращается в единую безликую массу или совокупность масс, различия между представителями которых стираются, а действия становятся бездумными и унифицированными. Подобное понимание виртуализации коррелирует с концептом «общество потребления», в котором зафиксирована такая черта современного общества, как бездумное сверхпотребление в массовых масштабах.

Поведение индивида в виртуализированном обществе изменяется, так как меняются условия его социального бытия. На смену социальным фактам (институтам), которые задают индивиду определенные рамки поведения и

обладают принудительной силой воздействия приходят симуляции, которые воспринимаются как элементы игры, виртуальной реальности, из которой в любой момент можно выйти или изменить ее параметры.

В интерпретации виртуализации общества через симуляцию фрагментов социальной реальности значительным эвристическим потенциалом обладает категория «симулякр», введенная Ж. Бодрийяром [2].

Понятие «симулякр» у Бодрийяра используется для обоснования идеи об «утрате реальности». Реальность у французского социального философа – это ценностное содержание вещей и поступков. Исходя из этого, у каждой вещи и поступка есть свое ценностное содержание. «Развеществление» связывается с тем, что реальные вещи и поступки как образы или формы теряют свое ценностное содержание, становясь симулякрами.

Бодрийяр выделяет четыре последовательные фазы отношений между реальностью и знаками (образами). На первой фазе образ является отражением подлинной реальности; на второй фазе он маскирует и извращает подлинную реальность; на третьей фазе он маскирует отсутствие подлинной реальности; и наконец, на четвертой фазе знак не имеет никакой связи, с какой бы то ни было реальностью. Постмодерн – время перехода к отношению третьего и четвертого порядков. На последней фазе образы функционируют как самореферентные знаки, симулякры.

Сознание человека виртуализированного общества, погруженное в мир экранных образов, ярких и привлекательных, становится отчужденным от подлинной жизни. Яркое метафоричное изображение подобной ситуации, пусть и фантазмагорическое, представлено в кинокартине братьев Вачовски «Матрица». Пусть люди не являются батареями для выработки энергией, необходимой машинами, которые полностью поработили их за счет контроля над сознанием и погружения в иллюзорную продуцируемую реальность. Но нельзя отрицать, во-первых, того факта, что людские массы в обществе XXI столетия часто имеют дело не с реальностью самой по себе, а с ее заменителем – виртуальной реальностью, продуцируемой экранными масс-медиа. А во-вторых, люди отдают тратят свою жизнь, расходуют свою энергию ни себе во благо, а для поддержания сложившегося в развитых странах еще полвека назад потребительского общества, когда сверхпроизводство с целью извлечения максимальных прибылей нуждается в таком же сверхпотреблении. Данные тенденции были рассмотрены и подвергнуты подробной критике такими социальными философами, как Э. Фромм [8], Г. Маркузе [7], Ж. Бодрийяр [1].

Потребление свыше реальных потребностей стало характерным для западных индустриально развитых обществ во второй половине прошлого столетия. В XXI веке подобная тенденция, подвергаемая критике, прежде всего, в рамках неомарксизма становится все более актуальной и для российского общества, в котором потребление так же, как и на Западе, искусственно стимулируется с помощью различных инструментов манипуляции массовым сознанием: рекламы, моды, общественных стереотипов и так далее.

Интересным нам представляется тот факт, что если в традиционном обществе важным местом психоэмоциональной разгрузки для человека являлся храм, где он мог побыть наедине со своими мыслями или же попросить совета у священника, обратиться к Богу и Святым, то есть реализовать акт коммуникации со сверхъестественным, то в информационном обществе, подобные функции выполняют не храмы, а магазины. Атрибутом общества сверхпотребления стали сначала супермаркеты, а затем и гипермаркеты. Для такого общества характерным становится доминирование количества над качеством, то есть упор на максимизацию производства и потребления. Семейные лавки, небольшие уютные магазины вытесняются с рынка гигантскими гипермаркетами, часто сетевыми. Распространение сетевых магазинов, как крупных (Лента, Ашан), так и небольших (Магнит, Shpar) представляет лишь частное проявление еще одного феномена общества XXI века – сетевизации.

«Сетевое общество» как научное понятие относительно недавно стало применяться в социогуманитарном знании, вследствие чего и по сей день остается дискуссионным. Среди множества мнений по его поводу сложилось и такое, согласно которому данное понятие вообще концептуально несостоятельно, так как в сетевом обществе отсутствует что-либо принципиально нового, кроме количественного проявления – возрастания числа сообщений, увеличения скорости и уплотнения коммуникационных потоков. Коммуникация со средой является атрибутом биологической сущности человека, так как, являясь млекопитающим, наделенным способностью к аудиовизуальному восприятию, человек изначально использовал воздушное и световое коммуникационные пространства.

Развитие телекоммуникационных сетей и опосредованное им формирование виртуальной реальности сопровождалось виртуализацией общества. Таким образом, виртуализация обеспечивает механизмы скрытого осуществления власти, поскольку, во многом благодаря ей, массовое сознание в постсовременном обществе является сильно мифологизированным. Человек postmodernity во многих отношениях исходит не столько из совокупности реальных фактов, сколько из конструируемых элитой мифов, прежде всего политических.

Увеличение образного, визуального в содержании информации, потребляемой массами, также является проявлением и фактором архаизации общественного сознания и бытия, т. к. наглядно-действенное и наглядно-образное мышление преобладало у большинства людей традиционного общества. По мере углубляющегося и расширяющегося проникновения в деятельность людей компьютерных технологий, мультимедиа и реалистичной трехмерной виртуальной реальности возможна реставрация «нерационального мышления» ранних эпох – модуса функционирования сознания, основанного на интуиции, скачках воображения и нечетких повседневных правилах.

Поскольку сетевое общество формируется как глобальное, М. Маклюэн определил его как «мировую деревню», отметив то же свойство – всеобщую коммуникационную связанность и открытость [5]. Определение «мировая деревня» и малая степень приватности, примерно как в настоящей деревне с ее общинностью и пересудами, также являются чертами архаизации постсовременного сетевого общества. К таковым же относится и связанная с уменьшением приватности деиндивидуализация человека постсовременности, ведущая к появлению типа, который В. А. Кутырев назвал «дивид» и «распределенный индивид», обусловленная растворением личности в хаосмосе постоянных многосторонних коммуникаций, ее превращением в узелок инфокоммуникационной сети с перспективой слияния индивидуальных интеллектов в коллективный [4, с. 69-70].

Итак, условиями развития межпрофессионального дискурса в формирующемся в XXI веке постсовременном обществе являются виртуализация социальной реальности, развитие экранной культуры, информационное

перенасыщение, сопровождающееся дефицитом качественной информации, а также обесценивание знаний. Указанные тенденции социальной жизни с одной стороны расширяют возможности реализации межпрофессионального дискурса в плане невиданных ранее возможностей коммуникации, а с другой стороны затрудняют его по причине вытеснения из межпрофессионального коммуникационного пространства подлинной информации вымышленной, создающей симулякры вместо полноценных знаков и символов

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Логос, 2009. 300 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: <http://exsistencia.livejournal.com> (дата обращения 12.04.2016).
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 96 с.
4. Кутырев В. А. Крик против небытия. – Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 60–72.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – Киев: «Ника-Центр», 2006. – 432 с.
6. Маклюэн Г. М. Средство есть само содержание [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.liveinternet.ru/users/publizist/post264101467/> (дата обращения 12.04.2016).
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2006 г. - 526 с.
8. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006 г. – 539 с., Фромм Э. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006 г. 314 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994 г. 527 с.

References

1. Bodrijjar Zh. Sistema veshhej. M.: Logos, 2009. 300 s.
2. Bodrijjar Zh. Simuljakry i simuljacija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://exsistencia.livejournal.com> (data obrashhenija 12.04.2016).
3. Ivanov D.V. Virtualizacija obshhestva. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. – 96 s.
4. Kutjrev V. A. Krik protiv nebytija. – Voprosy filosofii. – 2008. – № 8. – S. 60–72.
5. Makljujen M. Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury. – Kiev: «Nika-Centr», 2006. – 432 s.
6. Makljujen G. M. Sredstvo est' samo sodержanie [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.liveinternet.ru/users/publizist/post264101467/> (data obrashhenija 12.04.2016).
7. Markuze G. Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva. M.: AST, 2006 g. - 526 s.
8. Fromm Je. Zdorovoe obshhestvo. M.: AST: AST MOSKVA: HRANITEL", 2006 g. – 539 s., Fromm Je. Chelovek dlja sebja. M.: AST: AST MOSKVA: HRANITEL", 2006 g. 314 s.
9. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Respublika, 1994 g. 527

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.032

Топоева М.В.

Аспирант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова

МАРКЕРЫ «НОВОЙ ЭТНИЧНОСТИ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

В статье представлен анализ теоретических оснований феномена «новая этничность», которая конструируется на основе либо возрождения или даже усиления традиционных маркеров (например, язык, традиционная религия и пр.), либо с использованием ранее не присущих этносу явлений (новые этнонимы, новые религии, мода на стилизованную одежду, жилище и др.). На материале социологических исследований 2015 года, проведенных в республиках Южной Сибири, проиллюстрирована динамика основных маркеров этничности, позволяющая фиксировать изменения в системе ценностей алтайцев, тувинцев, хакасов.

Ключевые слова: примордиализм, конструктивизм, «новая этничность», маркеры, ценности.

Топоева М.В.

Postgraduate, Khakas State University named after N.F.Katanov

MARKERS OF THE "NEW ETHNICITY": SOCIOLOGICAL ASPECTS STUDY

Abstract

The article presents an analysis of the theoretical foundations of the phenomenon of "new ethnicity", which is constructed on the basis of either revival or even strengthen the traditional markers (language, traditional religion and so forth.), or by using previously inherent ethnicity events (new ethnonyms, new religions, stylized fashion clothing, housing, and others). On a material of sociological research in 2015, held in the republics of South Siberia, it illustrates the dynamics of the main markers of ethnicity, which allows to record changes in the value system of Altai, Tuvan, Khakas.

Keywords: primordialism, constructivism, "new ethnicity", markers values.

В зарубежной и отечественной науке принято различать три основных подхода к кругу проблем, связанных с формированием и развитием этносов – примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский. Российские исследователи в течение последнего столетия придерживались первого подхода. Они рассматривали этничность как изначальную характеристику человеческих сообществ, делая акцент на естественно – природных основаниях возникновения этноса. Ученые заложили основы для рассмотрения этноса как целостной системы,

которая состоит из ряда структурных элементов, выделили стремление этноса к осознанию своего единства и формированию навыков адаптивной жизнедеятельности.

В современных изысканиях понятия «этнос» точных определений не сложилось. Исследователи определяют его в соответствии с областью своих научных интересов, анализируя, прежде всего, качественные характеристики этноса - маркеры. Так, можно привести пример определения этноса Л.В.Анжигановой: «это относительно устойчивая, естественно сложившаяся общность людей, осознающих свое единство во времени и пространстве на основе единых *территории, культуры, исторической судьбы*» [1]. В реальной действительности практически у каждого народа в истории проявлялись все маркеры (язык, территория как среда обитания, особенности хозяйственного уклада, культуры и пр.), в зависимости же от конкретных причин могут доминировать те или другие.

Именно эта противоречивость исторического поведения этнических систем во времени и пространстве, когда в той или иной ситуации маркеры меняются в своих конфигурациях, позволила сформироваться альтернативным примордиализму направлениям – конструктивизму и инструментализму. Этнос здесь рассматривается, прежде всего, как объект интеллектуального и социального конструирования для достижения групповых интересов так называемых «воображаемых общностей». Инициаторами конструирования выступают политики, ученые, национальные или религиозные лидеры и пр. Согласно инструменталистскому подходу, основой существования этноса являются информационные связи. Поэтому функцией этноса становятся отбор и стабилизация социо-нормативной информации для преодоления социального отчуждения на пути к осуществлению желаемых действий человека. В последние годы в России, не без влияния своего главного идеолога В.А.Тишкова, все больше доминирует конструктивистский подход. В условиях социальных трансформаций (модернизации, в первую очередь) все социальные процессы, так или иначе, конструируются, в том числе, нации.

Заслугой конструктивизма и инструментализма является выделение ими особого значения этнического самосознания, которое способствует формированию социальной и этнической идентичности в современном мире. Но недостатком данного подхода, на наш взгляд, является исключение из поля зрения объективных основ существования этноса и этничности.

Норвежский учёный Ф. Барт указал, что этнические группы (или этносы) определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания [2]. Иначе говоря, для возникновения, сохранения и развития народа его члены должны *осознавать свое единство во времени (истории) и пространстве*.

В условиях глобализации этнические сообщества оказались неготовыми противостоять тотальной универсализации, ведущей их к неизбежной ассимиляции. С. В. Лурье подчеркивает: «Для каждого этноса характерна своя уникальная модель реакции на ситуацию, которая угрожает ему гибелью...Поверх закономерностей исторических, социальных, экономических процессов накладываются закономерности процессов этнических» [3].

Специфические черты устройства коллективной жизни этноса (в политико-правовой, социокультурной, экономической, бытовой сферах) формируют организационное единство этноса. Именно это позволяет актерам формулировать и реализовывать общие стратегические цели и находить механизмы их достижения: аксиологические, символические, деятельностные и институциональные.

В процессе конструирования появляется т.н. «новая этничность». Она не совпадает с традиционной этничностью, последняя представляет собой органическую целостность, т.к. процесс формирования этносов связан с адаптацией к «вещающему ландшафту». Наибольшей убедительностью такой позиции является, например, концепция Космо-Психо-Логоса Г.Гачева [4]. «Новая этничность» *конструируется* на основе либо возрождения или даже усиления традиционных, но утрачиваемых, маркеров (например, язык, религия и пр.), либо с использованием ранее не присущих этносу явлений (национальная мода и др.).

Традиционные ценности, как правило, на первое место ставили Родину, народ, семью, детей и пр. Наше исследование общественного сознания населения республик Южной Сибири, осуществленного в 2015 г., показало радикальную смену ценностных приоритетов. На первом месте у русских стоит здоровье (63,7%), на втором - семья (61,2%), на третьем - материальное благополучие (34,5%). У хакасов на первом месте – семья (66,9%), на втором – здоровье (55%), на третьем – любовь (32,5%). У тувинцев на первом месте – здоровье (70,3%), семья (51,2%), любовь (37%). У алтайцев на первом месте – семья (66,4%), на втором – здоровье (62,1%), на третьем – материальное благополучие (38,8%). Таким образом, коренные этносы Южной Сибири (алтайцы, тувинцы, хакасы), будучи по своим этническим корням и исторической судьбе едиными, в начале XXI века оказались общностями с несовпадающими ценностными ориентирами.

Различным образом представлены также и другие маркеры этничности. Например, тувинцы сохранили социальные функции родного языка в полном объеме, тогда как хакасский язык стал относиться к языкам, которым, согласно классификации ЮНЕСКО, грозит угроза исчезновения. Та же ситуация с такими маркерами, как сохранение родной земли и этнических культур в целом.

Ценность тех или иных маркеров этничности для респондентов проявилась и в ответах на вопрос «Почему Вы относите себя к этой национальности?». Для русских (43,3%), алтайцев (48,3%) и хакасов (70%) - это факт рождения в русской, алтайской и хакасской семье соответственно, для тувинцев два маркера значимы практически одинаково – родство по крови и знание культуры и истории своего народа (34,6% 36,2%). Алтайцы, впрочем, также назвали одним из маркеров этничности знание истории и культуры своего народа (30,2%). Алтайцы и тувинцы больше погружены в национальную культуру, чем русские и хакасы, поэтому культура своего народа для них такой же значимый маркер этничности, как родство по крови.

Таким образом, этнические сообщества Южной Сибири в начале XXI века оказались в ситуации обретения нового «нетипичного» лица, а значит, выбора новых стратегий и маркеров этничности, новых типов деятельности и символических форм бытия.

В условиях нарастающей глобализации традиционно понимаемые этносы, со всем обязательным набором маркеров (язык, территория, культура, общность исторической судьбы) практически «сошли со сцены» исторического процесса. Вместе с тем, одним из зримых результатов той же глобализации является рост этноцентризма, эксплуатирующим те или иные отдельные маркеры этничности или даже их составляющие, например, язык или моду на национальную одежду, жилище и пр.

Литература

1. Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007.- С. 13.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. статей / Под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство. - 2006.- С. 17-41.
3. Лурье С.В. Историческая этнология. - М.: Аспект Пресс, 1997.- С.85
4. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М. Академический Проект., 2007.

References

1. Anzhiganova L.V. Evoluzia mirovozrenia etnosa. – Абакан: Khakasskoe knignoe izdatelstvo, 2007.- S. 13.
2. Bart F. Vvedenie // Etnicheskie gruppi I sozialnie granizi. Socialnaja organizazia kulturnih razlitchij. Sb. statej / Pod red.. F. Barth. - М.: Novoe izdatelstvo. - 2006.- SS. 17-41.
3. Lurie S.V. Istoricheskaja etnologja. М.: Aspekt Press, 1997. – S. 85.
4. Gachev G. Nazionalnie obrasi mira. Cosmo-Psycho-Logos.- М. Academicheskij Project, 2007.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.017

Абрамов М.А.¹, Богачев И.А.²

¹ORCID: 0000-0003-3642-3067, Профессор, доктор культурологии; ² ORCID: 0000-0001-8139-5355, Доцент, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Саратовский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

МЕТАСТРУКТУРНЫЕ ПАТТЕРНЫ ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ, ЗЕРКАЛЬНОЙ СИММЕТРИИ И ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация

В аннотируемой статье представлены результаты первого исследования паттернов метаструктуры текста (золотого сечения и зеркальной симметрии) в полном объёме лирики М.Ю. Лермонтова. На основе динамики статистических показателей метаструктурных паттернов прослеживаются тенденции развития лермонтовского творчества в его диалектическом противоречии и в единстве. Статистика проявления золотого сечения и зеркальной симметрии в лермонтовской лирике представляет возможности не только количественного анализа творчества поэта, но и позволяют проследить качественные изменения в ходе его эволюции. Таким образом, применяемые методики позволяют определить изменение творческих предпочтений М.Ю. Лермонтова и выявить наиболее вероятные мотивы поступков поэта, противоречиво трактуемых исследователями.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, золотое сечение, зеркальная симметрия, метаструктурные паттерны, гармонические отношения, тенденции творчества.

Abramov M.A.¹, Bogachev I.A.²

¹ORCID: 0000-0003-3642-3067, Professor, PhD in Culture Studies; ²ORCID: 0000-0001-8139-5355, Associate professor, Federal state military educational institution of the higher vocational training «Saratov military institute of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

PATTERNS OF TEXTUAL METASTRUCTURE (GOLDEN SECTION AND MIRROR SYMMETRY) IN CREATIVE EVOLUTION OF M.Y. LERMONTOV

Abstract

In the annotated article presents the results of study a patterns of textual metastructure (golden section and mirror symmetry) in full lyrics of M.Y. Lermontov. In the basis dynamics statistical indicators of metastructure patterns got trends of development Lermontov's creativity in dialectical contradiction and in unity. Statistics of the existence of the golden section and mirror symmetry in Lermontov's lyric poetry it is not only quantitative analysis of the poet's work, but also allow follow the qualitative changes in the course of its evolution. Thus, the applied methods allow to determine the changing artistic preferences of M.Y. Lermontov and to identify the most probable motives of the poet, the controversial interpretation by the researchers.

Keywords: Lermontov, the Golden section, mirror symmetry, metastructure patterns, harmonic relations, trends of the creativity.

Временной отрезок между 2014 и 2016 годами разделяет двухсотлетний юбилей М.Ю. Лермонтова и 175-летие его трагической гибели. В связи с этими памятными датами высказывается множество противоречивых трактовок жизни и творчества великого поэта, и наиболее общей тенденцией здесь является стремление проследить творческую эволюцию Лермонтова. Однако, оценки, основанные на отдельных противоречивых фактах и их подборках достаточно зыбки, и не всегда могут надёжно отразить действительное положение вещей. И закономерно желание найти критерии, на которые мы можем опираться в наших оценках творчества великого поэта.

Выдающийся отечественный музыкальный критик начала XX века Э.К. Розенов утверждал: «Явные черты природного творчества мы должны признать в тех случаях, когда в целом ряде сильно одухотворённых созданий,

порожденных мощным стремлением духа к правде и красоте, мы, несмотря на полную разнородность самих произведений по месту, времени и характеру происхождения обнаруживаем в них общую и притом скрытую от непосредственного сознания закономерность числовых отношений» [3, 120]. Э.К. Розенов исследовал золотое сечение в ряде музыкальных и поэтических произведений и пришёл к выводу, что присутствие этой пропорции отмечает лучшие из них, шедевры соответствующих видов искусства.

Обращаясь к теме метаструктурных паттернов в лермонтовском творчестве, напомним, что золотое сечение является абсолютной пропорцией, дающей бесконечный ряд симметричных отношений. Золотое сечение - такое уникальное пропорциональное деление целого, когда его большая часть находится в такой же соотношенности к целому, как меньшая часть к большей.

Золотое сечение является одним из существенных факторов эстетического эффекта, производимого поэтическим текстом. Характерно, что именно в лермонтовском стихотворении «Три пальмы» Розенов нашёл наиболее яркие проявления золотого сечения - ряды этой пропорции, точки которой, совпадая со словами, сжато передавали весь смысл стихотворения. Другим таким фактором является пропорция зеркальной симметрии. Это закономерно, поскольку золотое сечение и зеркальная симметрия есть архетипы природной семантики, выражающие, соответственно, динамическую и статическую гармонию в природных системах и в произведениях искусства. Их присутствие на самом высшем – метаструктурном уровне поэтического текста, есть своего рода знак качества, поставленный самой природой (поскольку явно, что золотое сечение и зеркальная симметрия выражаются авторами в поэтических текстах, как правило, непреднамеренно). По своей сути, золотое сечение и зеркальная симметрия представляют собой разные стороны воспринимаемой человеком истины. Они связаны, соответственно, с деятельностью левого полушария мозга (преимущественно рациональной, выраженной в экстравертном поведении, а в искусстве - в мажорных нотах эмоциональной гаммы) и правого полушария мозга (преимущественно эмоциональной, выраженной в интравертном поведении и в минорных нотах).

Какие же тенденции выявляются исходя из исследования метаструктурных паттернов в лермонтовском творчестве? В 345 стихотворениях М.Ю. Лермонтова из 436¹³ авторами было обнаружено структурно-семантическое деление в соответствии с принципами золотого сечения и зеркальной симметрии (в общей сложности), что составляет, с точностью до целых, 79% от общего количества стихотворений. 54% от всего количества лермонтовских стихотворений (236 из 436) составляют стихотворения с золотым сечением. Доля стихотворений Лермонтова с зеркальной симметрией в структуре составляет 41 % (178 из 436). Совпадают золотое сечение и зеркальная симметрия в 69 лермонтовских стихотворениях, что составляет 16% от их общего числа.

Первым произведением М.Ю. Лермонтова, в котором авторы попытались найти золотое сечение, стало юношеское стихотворение «Заблуждение Купидона» (1829), как правило, помещаемое одним из первых в собраниях сочинений поэта. Было определено, что количество знаков во всём тексте стихотворения (включая заглавие и пробелы) составляет, в общей сложности, 396. Это число было умножено на коэффициент золотого сечения

$$\varphi \left(\frac{\sqrt{5}-1}{2} \right) \approx 0,618 \text{ (с точностью до тысячных).}$$

В результате получилось число 245, и, как оказалось, именно таково количество знаков в первой (шестистрочной) части стихотворения, а 245-й знак приходится на завершающую первую часть точку! С точки зрения авторов статьи, в некоторых случаях, заглавие закономерно может рассматриваться как часть произведения, и, если оно есть в стихотворении (когда заглавие не представляет собой только адрес (как, например, «К П...ну», «К Д...ву», «Посвящение N.N.», «К***») и т.д.) или же наименование жанра («Эпиграмма», «Мадригал» и т.д.)), то оно является частью текста и правильнее считать его текст вместе с заглавием.

Позже авторы пересчитали результат, исходя из орфографии, принятой до 1918 года, и он оказался практически столь же точно передающим семантическое деление стихотворения (259-й знак из 419-ти, пробел перед второй частью стихотворения). Затем, текст стихотворения (в т.н. «дореволюционной орфографии») был взят в зеркальной симметрии (что вполне позволяет авторская пунктуация): по пять строк (вместе с заглавием в первой части) и было получено соотношение 210×209. Соотношение же знаков в первой и второй частях юношеского стихотворения Лермонтова «Цевница» (по десять строк) 386×384 (в современной орфографии). Говорить, что подобные совпадения возможны случайно, равносильно тому утверждению, что и незрячий человек, стреляя туда, куда ему заблагорассудится, легко может поразить мишень в десятку несколько раз подряд. Проявления высокой природной одарённости несомненны уже в раннем лирическом творчестве поэта.

Итак, уже в одном из первых стихотворений Лермонтова («Заблуждение Купидона») проявлены и золотое сечение и зеркальная симметрия. В нём присутствуют всего по одной точке каждого из метаструктурных паттернов, но проявлены они чрезвычайно ярко, с максимально возможной точностью. Уже для этого раннего стихотворения характерно сочетание изящного остроумия и иронического сарказма, которым отмечены многие последующие произведения поэта. Золотое сечение и зеркальная симметрия здесь представляют своего рода семантические полюса, соответственно, радости и грусти, метафорически выражаясь, голоса Сирина и Алконоста, в гармонии которых строится всё произведение. Начиная с первых поэтических строк, Лермонтов стремится не ригористически, а инноказательно передать свои жизненные и нравственные идеалы.

В ранних лермонтовских стихотворениях мы находим большую точность попадания точек золотого сечения на переломные, кульминационные и смысловые моменты их текстов (что указывает на исключительную природную одарённость автора), но не находим глубины рядов золотого сечения, свойственной для последних лет творчества М.Ю. Лермонтова.

¹³ В это количество были включены все стихотворения, приписываемые Лермонтову, а отдельные составляющие поэтических циклов (как, например, «Новогодние мадригалы и эпиграммы» 1831 г.) были посчитаны нами как отдельные стихотворения.

Традиционно лермонтовское творчество подразделяется на два периода (1828-1836 и 1837-1841). На первый период приходится 763 точки золотого сечения в 182 стихотворениях с ним (4,2 точки золотого сечения на стихотворение), а на второй – 402 точки золотого сечения на 54 стихотворения (7,4 точки золотого сечения на стихотворение). Что же касается зеркальной симметрии, то это, соответственно 222 точки зеркальной симметрии на 133 стихотворения (1,7 точки) и 61 точка зеркальной симметрии на 45 стихотворений (1,4 точки). Эта статистика указывает на существенное качественное изменение содержания стихотворений, на совершенствование лермонтовского творчества, на его наполнение богатством впечатлений и жизненным опытом. Притом, среднее количество строк во всех стихотворениях Лермонтова с золотым сечением составляет 26,1. В стихотворениях же с зеркальной симметрией - 20,8. В стихотворениях без метаструктурных паттернов - 14,7. Отсюда можно сделать вывод, что написание стихотворений с золотым сечением доставляло поэту большую творческую радость, чем написание стихотворений без него.

Таким образом, казалось бы, мы вправе ожидать здесь, по крайней мере, роста количественных показателей стихотворений с метаструктурными паттернами. Однако трендовое осреднение амплитуд количества стихотворений с золотым сечением и зеркальной симметрией, а также без них показало тенденцию к падению количества как тех, так и других стихотворений. Проверив выявленную тенденцию для амплитуд абсолютного числа стихотворений, соответственно, с золотым сечением и зеркальной симметрией мы получили примерно одинаковые трендовые линии, каждая из которых выражает тенденцию к понижению количества стихотворений:

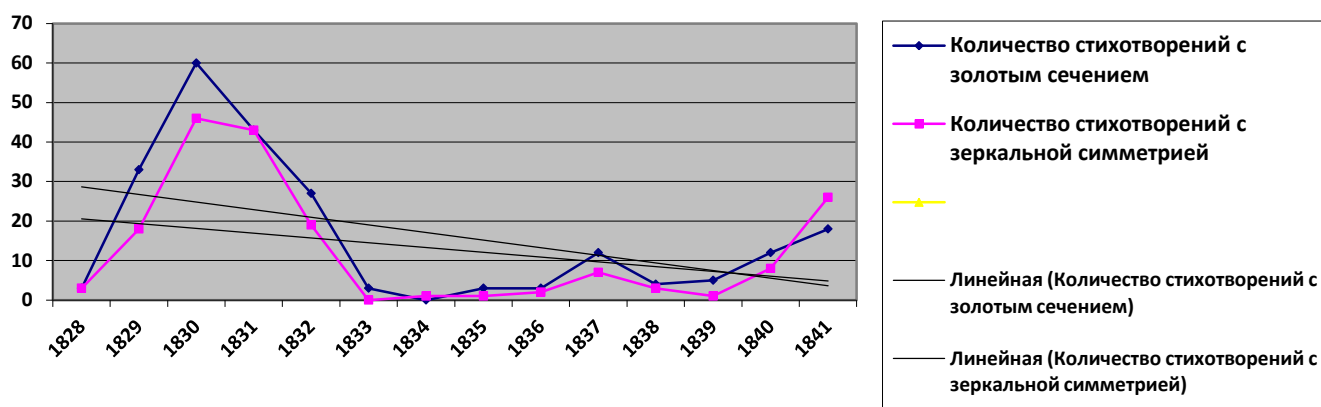

Рис. 1 - Динамика количества стихотворений с золотым сечением и с зеркальной симметрией в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Количественные показатели как гармонических отношений, так и лермонтовской лирики в целом показывают тенденцию к уменьшению, и в трендовом выражении указывают на середину 1840-х гг. как на время возможного прекращения лирического творчества поэта. Это напоминает указания В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, Н.Ф. Фёдорова и Д.Л. Андреева на то, что лермонтовская поэзия выражает тенденцию к выбору иного жизненного пути нежели путь поэта, и слова Д.Л. Андреева: «...Лермонтов, как известно, замыслил роман-трилогию, первая часть которой должна была протекать в годы пугачевского бунта, вторая - в эпоху декабристов, а третья - в 40-х годах. Но эту трилогию он завершил бы, вероятно, к сорокалетнему возрасту. А дальше?.. Может быть, возник бы цикл "романов идей"? Или эпопея-мистерия типа "Фауста"? Или возник бы новый, невиданный жанр?..» [1, 184]. Напоминает сказанное и слова В.В. Розанова о том, что Лермонтов мог бы уйти «в путь Серафима Саровского», «в монастырь, в скит» [2].

Мы не можем наверняка знать, какой жизненный путь избрал бы Лермонтов в качестве основного (в особенности, учитывая склонность поэта к парадоксальным решениям в жизненной стратегии). Это могли быть линия военной карьеры (которую в конце жизни он собирался оставить), стезя монашеского служения (привлекавшая Лермонтова ещё в ранней юности), деятельность писателя-романиста или драматурга, а также поэтапное сочетание этих жизненных путей. Однако, динамика рассмотренных нами статистических показателей подтверждает возможность выбора поэтом иного основного поприща деятельности, нежели лирическая поэзия. Вероятнее всего, что творчество Лермонтова, если бы он не погиб на дуэли с Мартыновым, покинуло бы тесные формы лирической поэзии и воплотилось бы в иных жанрах, дающих больший простор мысли.

Итак, с одной стороны, статистика метаструктурных паттернов в творчестве М.Ю. Лермонтова указывает на тенденцию совершенствования, характерную для жизненного и творческого пути поэта, а, с другой стороны, - на его неудовлетворённость обстоятельствами своей жизни и на поиск новых форм самовыражения. Это косвенно указывает и на вероятную природу конфликта между поэтом и частью его окружения в последние годы его жизни и творчества. Почвой для конфликта могли быть, прежде всего, непонимание и враждебность со стороны самодовольного большинства окружавшей поэта «светской публики», ориентированного на совершенно иные ценности и жизненные цели, нежели М.Ю. Лермонтов, пытавшийся найти возможности для самосовершенствования и духовного роста.

Литература

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К°», 1992. 282 с.
2. Розанов В.В. О Лермонтове [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/lermont/rozanov_o_lermont.html (дата обращения: 16.10.2015).
3. Розенов Э.К. Закон золотого сечения в поэзии и в музыке // Статьи о музыке: Избранное. М.: Музыка, 1982. С. 119-156.

References

1. Andreev D.L. Roza Mira. [The Rose of the World] Moscow: Tovarishhestvo «Klyshnikov-Komarov i K°», 1992. 282 s.
2. Rozanov V.V. O Lermontove. [About Lermontov] [Electronic resource]. URL: http://dugward.ru/library/lermont/rozanov_o_lermont.html (reference date: 16.10.2015).
3. Rozenov Je.K. Zakon zolotogo sechenija v poezii i v muzyke // Stat'i o muzyke: Izbrannoe. [The law of the Golden section in poetry and in music] Moscow: Muzyka, 1982. S. 119-156.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.204

Дзюба Д.Н.

ORCID: 0000-0001-7166-6289, Аспирант, Вятский государственный университет;

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

Аннотация

В статье рассмотрено современный феномен культуры – виртуальный музей, представляющий собой продукты компьютерной индустрии. Раскрывается определение виртуального музея, выделяются его разновидности, характерные черты. Обозначаются современные тенденции и перспективные направления дальнейшего развития. Дается классификация виртуальных музеев с точки зрения культурологии. Раскрывается значимость виртуального музея как образовательной среды; показаны эффективные формы познавательной и коммуникативной деятельности средствами виртуального музея.

Ключевые слова: культура, виртуальный музей, Интернет,

Dzyuba D.N.

ORCID: 0000-0001-7166-6289, Postgraduate student, Vyatka State University

THE CLASSIFICATION OF MUSEUMS: STRUCTURE AND DYNAMIC

Abstract

The article deals with the phenomenon of modern culture - a virtual museum, a product of the computer industry. Provides a definition of the virtual museum, highlights different types and main features. Shows current trends and promising vectors of further development. Provides the classification of virtual museums in terms of cultural studies. It reveals the importance of the virtual museum as an educational environment; shows effective forms of cognitive and communicative processes by means of a virtual museum.

Keywords: culture, virtual museum, Internet.

Институциональное измерение музейной культуры традиционно связывается с вопросами классификации. Проблема классификации виртуальных музеев является актуальной для современного музееведения, т.к. многообразие музеев в сети Интернет, появившихся за последние десять лет, требует осмысления новых реальностей музейной практики.

Данная проблема состоит в том, что само понятие «виртуальный музей» все еще находится в разработке. Существует устойчивое понятие, что виртуальные музеи – это службы, которые поддерживают некоторые или все функции музея (т.е., получение, сохранение, исследование, передача и иллюстрация) [1]. Однако, другие исследователи уточняют, что виртуальные музеи должны предоставлять пользователю персонализированный, иммерсивный и интерактивный опыт. Следует различать варианты виртуальных музеев, которые определяют свое основное внимание на содержании или коммуникацию.

Среди первых публикаций, в которых был введен термин «виртуальный музей» представляет собой документ Международной конференции по гипермедиа и интерактивности в музеях в 1991 году. Предполагалось, что такой музей будет иметь дело с виртуальными артефактами в виртуальной обстановке доступной благодаря Интернету [2]. Некоторые авторы использовали иммерсивные онлайн 3D-среды, оснащенные различными информационными и учебными пособиями, в качестве конечной цели будущего виртуального музея [3].

Различные варианты виртуального музея появились из первых статических веб-сайтов, которые представили собой подобную брошюру, где была представлена информации о направлении деятельности музея, краткая его история создания, информация о выставках, часы работы, контактная информация и т.д.

Затем, веб-сайты музеев стали включать онлайн-выставки коллекций или тизеры о временных выставках. Позже они стремятся «демократизировать» содержания музея, обеспечивая доступ к полностью оцифрованным наборам. Иногда такие наборы также включают 3D представления артефактов.

На текущем этапе разработки существует различные варианты виртуальных музеев:

- контент-ориентированные музеи – опираются на содержание (поиск и отображение контента);
- связь-ориентированные – опирающиеся на тип музея (коммуникация на основе контекста);
- коллаборационные – опирающиеся на сообщество (распространение идей и ресурсов).

Из всех категорий виртуальных музеев следует выделить контент-ориентированные музеи, где контекст обеспечен в тематическом подходе с изображениями отобранных объектов коллекции и возможности получить доступ к подобным или связанным артефактам.

Контент-ориентированные варианты виртуальных музеев приглашают посетителя исследовать большое количество оцифрованных предметов одного или нескольких музеев. Под категорией данных виртуальных музеев стоит отнести современные веб-приложения, такие как "виртуальные туры", которые воспроизводят миметически выездные галереи и осмотр картин, статуй и других музейных предметов [4]. Одним из основных преимуществ такого подхода является возможность увидеть артефакты с онлайн-механизмом изменения масштаба.

Контент-ориентированные музеи включают повествовательные тексты, изображения, графики, карты, анимации и видео (например, исторические документальные фильмы, интервью, объяснения экспертами в определенной области и историками и т.д.).

Основная парадигма контент-ориентированного виртуального музея – это платформа для учебного пространства. Как описано профессором Саарского университета Вернером Швайбенцем, такое пространство предлагает различные точки доступа к своим объектам виртуальным посетителям в зависимости от их возраста, происхождения и знаний [1]. Информация представлена ориентированной на контекст, вместо того, чтобы быть ориентированной на объект.

Кроме того, сайт связан с дополнительной информацией, которая заставляет виртуальных посетителей узнавать больше о предмете, которым они интересуются и повторно посетить сайт. Цель учебного музея установить личные отношения пользователя с онлайн-коллекцией. В идеале, виртуальный посетитель придет в музей, чтобы увидеть реальные объекты.

Некоторые учреждения также обеспечивают пользователям обучение и изучение ресурсов, которые связаны с национальными учебными планами, или позволяют учителям создавать проекты, например, планы уроков, которые опираются на имеющийся цифровой контент. Например, Шотландские Культурные Ресурсы (SCRAN) [5] или Виртуальный музей Центра учителей Канады [6].

Другая категория виртуальных музеев – связь-ориентированные. Такие виртуальные музеи основаны на обратной связи с пользователями, однако, в большинстве случаев это односторонняя связь от музея к своей аудитории.

В данный момент растет использование социальных программных приложений, таких как блоги, Wikis (например, Wikipedia), и различные социальные платформы для общения (например, Facebook, MySpace, LinkedIn). Популярность вокруг социальных сетевых платформ, также побудила некоторые музеи думать о том, как они могли бы открыть, привлечь пользователей и сотрудничать с ними.

Двусторонняя связь и сотрудничество с «неспециалистами» в музейной деятельности по-прежнему редки. Тем не менее, Интернет-среда, которая основывается на архитектуре участия [7], стимулирует появление нового варианта виртуальных музеев, а именно коммуникационные или связь-ориентированные виртуальные музеи.

Образцовый в этом отношении Музей Электростанции [8] (Сидней, Австралия) с его блогами внутри коллекций и фотографиями, которые представляют работу кураторов над объектами коллекций.

Существует две основные экспериментальные формы сотрудничества, которые фокусируются на:

- добавлении тэгов для контента для музейных каталогов имеющихся в публичном доступе [9];
- различные действия на "платформах по распространению контента" (например, Инстаграм).

Примеры таких музеев, которые предложили пользователям пометить и аннотировать музейные ресурсы (то есть добавить созданные пользователем ключевые слова) включают Powerhouse Museum (Австралия) и Steve.Museum, который включает в себя несколько американских художественных музеев [10].

Пользователям интересно принять участие, проявить себя, обмениваться идеями и проводить собственные акции. Среди наиболее активных музеев в этой области является Бруклинский музей (Нью-Йорк), который использовал множество идей на различных дочерних сайтах, однако в данный момент они интегрированы на собственный веб-сайт [11].

Так же, есть много других примеров музеев, которые экспериментируют с социальными программными приложениями, тем не менее, перемещение культурного наследия в виртуальную среду по-прежнему весьма ограничено: так как такие приложения используются открыто, то есть помещать различный контент на сайт музея может любой пользователь, а не администрация учреждения или куратор выставки. Изменения могут быть весьма существенны и касаются права собственности на содержание, потеря авторитета, безопасности и надежности внешних услуг, а также имеются опасения по поводу неблагоприятного общественного и спонсорского восприятия [12]. Это представляет собой большую проблему для многих учреждений. Поэтому, приходя к данному варианту, следует более тщательно изучить соответствующие подходы, которые используют связь-ориентированные виртуальные музеи.

Иной подход у коллаборационного виртуального музея: в пределах одной системы музей делает доступными его собственные услуги, а также интегрирует различные услуги других Интернет-ресурсов (например, приобретение сувениров, курирования выставок, изучения артефактов, общение и т.д.). Наиболее важный момент в таком типе виртуального музея, то, что он взаимодействует в системе, которая включает, например, доступ к услугам электронной научной инфраструктуры или образовательных порталов.

Чтобы проиллюстрировать эту концепцию в рамках Интернет-системы, музей будет предоставлять услуги, связанные со ссылками коллекций электронной научной среды для искусства и гуманитарных областей. Данное нововведение помогает представлять коллекции или тематические выставки с результатами научно-исследовательских проектов (например, документирование и анализ археологических раскопок или экологических исследований).

Одним из примеров является услуга RSS (Rich Site Summary), которая позволяет постоянно обновлять веб-сайты с информацией и ссылками на контент (например, статьи, записи, видео) определенной тематики для конкретных пользователей. Очевидно, модульно-ориентированный подход будет играть центральную роль в сценарии данного типа виртуального музея. Веб-сервисы, вызываемые по требованию пользователя или встроенные в различных

приложениях для мобильных устройств, могут обеспечить нужной информацией через различные платформы для почти любой цели (например, словарь, обмен данными, поиск и извлечение, презентации и т.д.).

Следовательно, возникает вопрос, что можно интегрировать, какие принципы и стандарты, которые могли бы помочь для привлечения инвестиций в виртуальные музеи. Это требует поиска различного, охватывающего решения.

Таким образом, коллаборационный виртуальный музей полностью принимает сетевую логику Интернета и действует в качестве узла в потоках информации, с различными целями, такими как научно-исследовательских, образовательных или другими видами досуга.

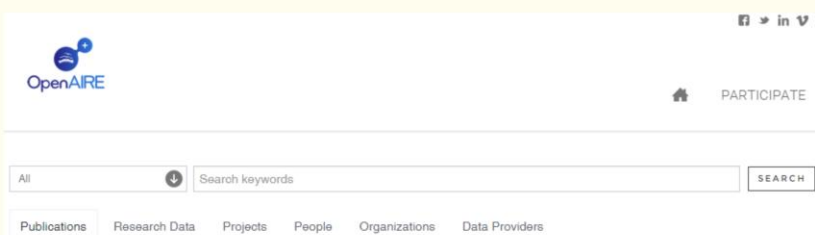
Однако, стоит отметить, что музеи стремятся участвовать в таких инициативах. Значительная доля этого нежелания является то, что в таких инициативах они пропускают кураторский и воспитательный элемент контекстуализации и интерпретации. Действительно, широко распространено мнение, что для стимулирования интереса пользователей и участия необходимо делать больше, чем предоставление метаданных и доступ к элементам коллекции. Главной целью виртуального музея – это продвижение культурного наследия, его изучения, посредством обеспечения пользователя контекстом, а не только доступа к объектам коллекции.

Литература

1. Schweibenz Werner. The development of Virtual Museums // ICOM News. – 2004. – Vol. 57, –No. 3. – pp.3
2. Tsichritzis Dennis & Gibbs Simon. Virtual Museums and Virtual Realities. In: Proceedings of the International Conference on Hypermedia & Interactivity in Museums 1991, pp. 17-25
3. Jones Greg & Christal Mark (2002), The future of virtual museums: on-line, immersive, 3D environments. Created Realities Group publication [Электронный ресурс] URL: http://created-realities.com/pdf/Virtual_Museums.pdf (дата обращения 12.02.2016).
4. Pis Marcos Monserrat, Virtually Real Museums: Challenges and opportunities of virtual reality in the Art Museum Context - Part I. In: Interartive #15, November 2009 [Электронный ресурс] URL: <http://interartive.org/index.php/2009/11/virtual-museums> (дата обращения 21.12.2015).
5. Scottish Cultural Resources Access Network (SCRAN) [Электронный ресурс] URL: www.scran.ac.uk (дата обращения 21.12.2015).
6. Virtual Museum of Canada, Teacher's Centre [Электронный ресурс] URL: www.museevirtual-virtualmuseum.ca/edu/Login.do?method=load (дата обращения 18.01.2016).
7. O'Reilly Tim (2005), What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. O'Reilly [Электронный ресурс] URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения 23.01.2016).
8. Powerhouse Museum weblog, Inside the collection [Электронный ресурс] URL: www.powerhousemuseum.com/insidethecollection/ (дата обращения 23.01.2016).
9. Chan Sebastian (2007), Tagging and Searching: Serendipity and Museum Collection Databases [Электронный ресурс] URL: www.archimuse.com/mw2007/papers/chan/chan.html (дата обращения 25.01.2016).
10. Trant Jennifer Folksonomy and Art Museums: Early Experiments and Ongoing Research // Journal of Digital Information – 2009. – Vol. 10, – No. 1. – pp. 3-55
11. Bernstein Shelley (2008), Where Do We Go From Here? Continuing with Web 2.0 at the Brooklyn Museum [Электронный ресурс] URL: www.museumsandtheweb.com/mw2008/papers/bernstein/bernstein.html (дата обращения 28.01.2016).
12. Simon Nina (2010), The Participatory Museum. CreateSpace publication [Электронный ресурс] URL: www.participatorymuseum.org/read/ (дата обращения 30.01.2016).

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему OpenAIRE.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.013

Заикин Д.А.

Аспирант, Московский Государственный Институт Культуры

ФЕНОМЕН СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РАСКОЛА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**Аннотация**

В статье поднимается актуальная проблема о причинах и внутренних культурных механизмах, вызвавших негативную реакцию на никоновские реформы в Церкви, а затем и на политические реформы правительства. В качестве базовых методологических категорий и установок автором используется понятие культурной революции и анализ ее структурных элементов. В ходе исследования автором рассматриваются исторические предпосылки предшествующие расколу церкви, объясняющие социокультурную ситуацию. Среди них указаны: Уния 1439 года, начало автокефалии русской церкви, и как следствие - создание собственной православной культурной традиции. Показаны политические проблемы, для решения которых была проведена реформа, такие как Присоединение Малороссии и желание царя освободить православные царства от турецкого плена и править всеми православными народами. Также, в качестве негативного фактора, повлиявшего на социокультурную обстановку в обществе, автором указаны Соборное Уложение 1649 года и усиление эсхатологических настроений в обществе. В ходе исследования автор приходит к выводу, что церковный раскол, произошедший во второй половине XVII века, может быть назван социокультурной революцией, последствия которой непосредственно проявятся в реформах Петра Великого.

Ключевые слова: старообрядчество, культурная революция, церковный раскол.

Zaikin D.A.

Postgraduate Student, Moscow State Institute Of Culture

PHENOMENON OF THE OLD BELIEVERS AS A SOCIOCULTURAL REVOLUTION**Abstract**

In this article the actual problems of the causes and mechanisms of internal cultural, caused a negative reaction to Nikon's reforms in the Church, and then the political reforms of government. As a basic methodological categories and installations author uses the concept of the Cultural Revolution and the analysis of its structural elements. In the study, the author discusses the historical background of the previous split in the church, as explained socio-cultural situation. Among them the following information: The Union in 1439, the beginning of the autocephaly of the Russian Church, and as a consequence - the creation of their own Orthodox cultural tradition. Showing political problems whose solution has been reformed, such as joining the Malorossia and the desire of the king to free the kingdom from the Orthodox Turkish captivity and edit all the Orthodox peoples.. Also, as a negative factor that influenced the socio-cultural situation in society, the author indicated Conciliar The Code 1649 and the strengthening of eschatological sentiment in society. In the study, the author concludes that the schism that occurred in the second half of the XVII century can be called a social revolution, the effects of which will manifest itself in the reforms of Peter the Great.

Keywords: Old Believers, Cultural Revolution, schism.

Раскол Русской церкви XVII века, произошедший после реформ патриарха Никона, разделил страну на два лагеря: противников и приверженцев реформы. Сотни тысяч человек не приняли реформ, и, несмотря на жестокие гонения со стороны властей и церкви, стояли за староотеческую веру. Причины массового ухода в раскол населения страны мы и попытаемся рассмотреть в данной статье.

К теме раскола церкви обращались многие исследователи русской истории, и, следует отметить, - не только российские. Проблему поиска причин раскола в своих трудах, так или иначе, затрагивали: С.А. Зеньковский, Н.Ф. Каптерев, А.В. Карташев, К.Я. Кожурин, А.В. Крамер, Б.П. Кутузов, Ф.Е. Мельников, В.М. Павлов, В.П. Рябушинский, Д.А. Урушев, Саймон Франклин, Энтони Кросс и др. Однако, вопрос о причинах и внутренних культурных механизмах, вызвавших такую резко негативную реакцию на никоновские реформы в Церкви, а затем и политические реформы правительства, не теряет своей актуальности и в настоящее время.

В данной статье мы опирались на методологический подход к изучению проблемы, базирующийся на системном подходе, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека.

Изучаемое нами культурное пространство пореформенной России в ситуации раскола будет рассматриваться в данной работе с точки зрения социокультурной революции, проявившейся в Никоно-Алексеевских реформах. В связи с этим следует отметить, что сам термин «культурная революция» в научный оборот ввёл в 1923 году В.И. Ленин в своей работе «О кооперации». В трактовке автора смысл культурной революции состоит в том, что бы ликвидировать пропасть, разъединяющую народ и культуру, сделать просвещение всеобъемлющим и массовым явлением. Культурная революция предполагает под собой радикальное изменение ценностной парадигмы, благодаря использованию политических методов. Следовательно, политические решения по смене базовых традиций общества могут быть рассмотрены как форма культурной революции.

Рассмотрим в качестве важнейших предпосылок, объясняющих социокультурную ситуацию раскола - исторические предпосылки, предшествующие реформам церкви. В 1439 году во Флоренции была подписана уния об объединении Восточной и Западной христианских церквей, которую подписал и митрополит Русский Исидор. Но великий князь Московский Василий II Тёмный возводит на престол нового русского епископа Иона. С этого момента начинается автокефалия русской церкви. Изменения обрядов внутри греческой церкви перестали транслироваться на религиозную почву Руси. Стала формироваться своя каноническая и богословская традиция, поддерживающая статус России в её культуротворческой православной миссии.

Период Киевской Руси был принят за образец Религиозного Канона. Считалось, что религиозные практики, пришедшие тогда, были древне христианскими и остались в неизменном виде на Руси, даже в то время, когда пала Византия.

По мнению исследователей П.С. Смирнова, Н.Я. Аристова, В.М. Павлова и ряда других, при принятии христианства русские обратили большее внимание не на внутреннюю суть религии, а на внешнюю её сторону. Поэтому их больше привлекало убранство церкви, общественное богослужение, священнослужители и т.д.

Со временем, различий в обрядах между Русской и Греческой православными церквями становилось всё больше.

В первой половине XVII в. греческие патриархи стали чаще посещать Русь. Они уверяли царя Алексея Михайловича в том, что в Константинополе ожидают прихода русского царя - освободителя от власти турок, и что восточные народы желают видеть его царём всего православного мира, а патриарха Московского - Вселенским.[2]. Для этого Алексей Михайлович должен был привести русские обряды в тождество с греческими. Кроме того, не последнюю роль сыграло присоединение Малороссии, бывшей в подчинении Константинопольскому церковному престолу. В то время разница обрядов Московской Руси и Константинополя была так же очевидна, как и сходство русской и греческой церковной традиции.

Греческие патриархи смогли убедить русского патриарха Никона в том, что не греческие церковные обряды подверглись изменениям, а наоборот, русские обряды утратили свою актуальность. И с 1653 года по распоряжению Никона началось исправление церковных книг и обрядов.

Сама справа богослужбных книг совершалась по новогреческим книгам, печатающимся в иезуитских типографиях Венеции, хотя по официальной версии, делали это исключительно по рукописным первоисточникам[1].

По сути, многие изменения, внесённые в церковные источники, приближали православную церковь к католической[3]. Происходило откровенное насаждение новой традиции, причем, с ярко выраженной католической направленностью, которая противоречила привычной картине мира православного верующего человека.

Как отмечает в своей статье «Идентичность и религия» Саймон Франклин, «Ни одна сторона не стояла за инновации и каждая доказывала, что она консервативнее противной стороны»[5, С. 118]. И это представляется правильным. Ведь приверженцы древних обрядов считали, что именно они несут в себе истинное спасение и веру, ибо остались неизменными со времён крещения Руси. А сторонники реформ были уверены, что истинность старого благочестия была нарушена со временем трудами нерадивых переписчиков, вносивших в богослужбные книги ошибки и древнее те обряды, что сейчас действуют в греческой церкви, чем «испорченные» за несколько веков Русские.

Религиозное мировоззрение русских, основой которого являлась исключительность чистоты и первоосновы русского православия, в отличие, от греческого, которое было нарушено вековым турецким гнетом и католическим влиянием, не позволило массе населения принять эти реформы. Это категорическое неприятие реформ выразилось в остром противодействии как церковной, так и гражданской властями. Приверженцы древнего благочестия в большинстве своём не приняли реформ. Они стали считать реформаторскую деятельность Никона изменой староотеческим традициям. Со своей стороны, власть объявила жестокие гонения на не принявших реформы раскольников. Начался массовый исход старообрядцев с насиженных мест. Начался Великий Раскол Русской Православной церкви.

Приток людей к расколу был обусловлен не только церковной реформой, но и Соборным уложением 1649 года, окончательно укрепившим крепостное право и притеснившим права церкви. «Соборное уложение 1649 года ... включало специальные статьи, регулирующие правовое положение отдельных социальных групп населения...»[4, С. 52-53]. Массы недовольных и «обиженных» людей присоединились к расколу и бежали в труднодоступные районы страны и за рубеж. Это было своеобразной формой протеста населения против Уложения и своеобразное противостояние власти.

Кроме этого, в первой половине XVII века усилились эсхатологические настроения. Появились многочисленные пророки и пустынножители, проповедующие конец мира. Учение старца Капитона о Москве как «Третьем Риме» и «последнем царстве» дало развитие пессимистических взглядов в обществе и стало частью мировоззрения большинства населения страны.

Таким образом, причинами раскола русской церкви XVII века и формирования массового явления старообрядчества стали следующие социокультурные явления: нарушение привычного сакрального пространства жизни русского человека, вызвавшее острую негативную реакцию на реформы патриарха Никона; социальные потрясения, связанные с ужесточением положения некоторых социальных групп населения из-за Уложения 1649 года, способствовавшие массовому притоку населения в ряды старообрядцев; усиление эсхатологических настроений в первой половине XVII века; массовая миграция и эмиграция приверженцев старой веры.

Приведенная аргументация позволяет обосновать тезис о революционном характере реформ Никона и царя Алексея Михайловича и социокультурной революции, произошедшей на рубеже XVI-XVII веков в России.

Литература

1. Зеньковский С.А. Русское Старообрядчество/С.А. Зеньковский// Сост. Г.М.Прохоров. Общ. Ред. В.В. Нехотина, М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. 688 с.
2. Каптерев Н.Ф. Характер отношения России к православному востоку в XVI -XVII столетиях.// Н.Ф. Каптерев/ в 2-х томах. Т.1.- М.: Дарь, 2008. С. 21-505
3. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев / К.Я. Кожурин.-М.: Молодая гвардия, 2014. 555 с.
4. Кожурин К.Я. Протопоп Аввакум. М. Молодая гвардия/К.Я. Кожурин,- М.: Молодая гвардия, 2011. 396 с.
5. Франклин С. Идентичность и религия.//Саймон Франклин /Национальная идентичность в русской культуре/ под. Ред. СаймонаФраклина и Эммы Уидисс. Пер. с английского В.Л. Артемова, – М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 112-135

References

1. Zen'kovskij S.A. Russkoe Staroobryadchestvo [Russian Old Believers] /S.A. Zen'kovskij// Sost. G.M. Prokhorov. Obshh. Red. V.V. Nekhotina, M.: Institut DI-DIK, Kvadruga, 2009. 688 p.
2. Kapterev N.F. KХarakter otноsheniya Rossii k pravoslavnomu vostoku v XVI -XVII stoletiyakh [The nature of relations between Russia and the Orthodox East in the centuries XVI -XVII]./ N.F. Kapterev.- M.: Dar", 2008. pp. 21-505
3. Kozhurin K.YA. Povsednevnyaya zhizn' staroobryadtsev [The daily life of the Old Believers] / K.YA. Kozhurin.-M.: Molodaya gvardiya, 2014. 555 p.
4. Kozhurin K.YA. Protopop Avvakum [Avvakum]. M. Molodaya gvardiya/K.YA. Kozhurin,- M.: Molodaya gvardiya, 2011. 396 p.
5. Franklin S. . Identichnost' i religiya [Identity and religion].//Sajmon Franklin /Natsional'naya identichnost' v russkoj kul'ture [National Identity in Russian culture]/ pod. Red. Sajmona Fraklina i EHmmy Uidiss. Per. s anglijskogo V.L. Artemova, – M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2014. pp. 112-135

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.205

Мостицкая Н.Д.

ORCID: 0000-0001-8774-0375, Доцент, кандидат культурологии, Московский государственный институт культуры
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИНЕРГИЯ ПРАЗДНИЧНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА*Аннотация*

В статье рассматривается феномен праздничной культуры с точки зрения новой парадигмы синергии. Автор на модели противопоставления праздничной и повседневной коммуникации исследует особенности семиотики коммуникативного пространства праздничной культуры, анализируя специфику художественного пространства, непосредственно сконструированного для обеспечения праздничной коммуникации.

Новизна статьи заключается в моделировании бинарных оппозиций праздничного и коммуникативного пространства культуры с точки зрения синергического подхода, а также предлагается объяснение конструкта модели праздничной коммуникации на примере синтеза языка искусств. Основная гипотеза, выдвигаемая автором заключается в том, что праздничную коммуникацию возможно рассматривать как модель контролируемого бифуркационного перехода, обеспечиваемую средствами языка искусства.

Ключевые слова: праздничность, повседневность, синергия, точка бифуркации, искусство.

Mostitskaya N. D.

ORCID: 0000-0001-8774-0375, Associate Professor, candidate of Culturology, Moscow state Institute of culture
THE SOCIO-CULTURAL SYNERGY OF THE CONVIVALITY COMMUNICATIVE SPACE*Abstract*

The article deals with the phenomenon of the CONVIVALITY culture from the perspective of the new synergy paradigm. The author simulates the opposition of festive and everyday communication to explore the semiotic peculiarities of the culture communicative space by analyzing the specifics of art space, designed for predominantly festive communication.

The paper is novel for simulation of the binary oppositions between festive and communicative space in terms of synergetic approach, that proposes an explanation of the festive communication model structure by example of fusion of languages of diverse arts. The main hypothesis put forward by the author is that the festive communication may be considered as a model of controlled bifurcation transition expressed by the language of art.

Keywords: convivality, routine, synergy, bifurcation point, art.

Феномен праздничной культуры многогранно представлен в научных исследованиях. Благодаря использованию различных исследовательских методов дополним общую картину, рассмотрев праздничную коммуникативную культуру сквозь призму теории синергии. С точки зрения системного подхода коммуникативное пространство культуры можно представить в виде модели, описывающей сложную иерархическую структуру коммуникативных каналов (вербальных и невербальных), соединяющих всех участников процесса коммуникации друг с другом и с единым смысловым центром. Поскольку синергическая парадигма возникла в рамках естественнонаучных исследований, то такая образная визуализация коммуникативного пространства позволяет моделировать процессы внутреннего взаимодействия в системе, подобно такой же научно-исследовательской практике, применяемой для описания естественнонаучной картины мира. Эффект синергии впервые обнаружила группа бельгийских ученых, возглавляемых Николаевым и Рогожиным, исследовавших системность в химических процессах. Так выяснилось, что при усложнении структуры система переходит на новый виток развития. Далее вопросы синергии подробно рассматривались в трудах Г. Хакена и А. Пригожина [5], Петрова, и др.

Такого рода технология моделирования позволяет осуществлять синтез научно-познавательных методов различных наук. Вопросы разнообразия коммуникативных каналов и точной их дифференциации методично разработаны в теории коммуникации А.В. Соколова, поэтому, опираясь на его исследования, обратимся к проблеме синергии, а также соотнесем эти теории с моделью праздничности и повседневности как системы координат.

Синергия, синергизм предполагает одновременное действие нескольких субъектов в одном направлении благодаря когерентности коммуникативных каналов системы, приводящее к ее самоорганизации в целостную структуру. Сам принцип построения коммуникативного пространства ориентируется на процессы взаимодействия относительно общих смыслов, которые передаются разнообразными языковыми конструкциями. Но при этом специфика эффекта синергии заключается в том, что он выражается формулой $1+1=3$. Синергия рассматривается в науке как особая форма движения материи, действие которого проявляется так же, как и электромагнитной или гравитационной энергии. Философы под синергией понимают "энергию жизни"[7]. Так, Бергсон утверждал идею

согласования или синергии интуитивного познания и «жизненного потока». С другой стороны, можно сказать о поиске новых смыслообразующих идей, способных цементировать культуру как целостную систему. В данном значении синергии предполагается рассматривать её эффект как взаимодействие различных потенциалов. В трудах Хоружего С.С. также тщательно проработан вопрос о подобном проявлении взаимодействующих явлений. При этом в научных теориях подтверждается, что общее действие или синергия направлено к резонансному эффекту [7]. Таким образом, визуальная модель, описывающая коммуникативное пространство как систему иерархически ориентированных к центру коммуникативных каналов, дополняется необходимым условием. А именно, ритмически повторяющимся эффектом резонанса, описываемым в феномене синергии. Для постоянного воссоздания этого резонанса и создается особый хронотоп праздничной культуры, в рамках которого кристаллизуется ритм, необходимый для обновления системы. Эффектом синергии называют устойчивые характеристики системы, такие, как: *функциональность, адаптивность и жизнестойкость*. При этом система рассматривается как состоящая из элементов с энергетическими потенциалами, приводящими её в состояние перманентных изменений, что, в свою очередь, может описываться категориями «повседневности». Система сохраняет свою целостность (жизнестойкость), постоянно приспосабливается к окружающим изменениям, корректируя внутренние энергетические силы (адаптивность) и следует собственной жизненной программе (функциональность).

Уточняя понятия праздничности и повседневности как бинарной оппозиции и феномена культуры, отметим, что *коммуникативная модель повседневности* включает следующие составляющие:

- универсальные способы передачи информации, с акцентом на технологию её передачи (бытие культуры как материальной сферы жизни проявляется именно в формах коммуникации между людьми как связующих систему структурах),
- технические особенности канала связи (каждая культура в рамках исторической эпохи, согласно Маклюэну [2], формирует свой способ передачи информации, влияющий на организацию когнитивных процессов в обществе),
- прагматичный характер передаваемой информации (повседневная информация в большей степени ориентирована на функциональность и поддержание жизнестойкости системы);
- склонность коммуникативного пространства повседневной культуры к энтропии (обусловлена появлением коммуникационных сообщений, разрушающих целостность системы культуры и потерей энергии).

Компонентами *модели праздничной коммуникации* выступают:

- эстетизация коммуникативного сообщения (поиск чувственной формы для передачи смыслообразующей для системы идеи);
- смысл сообщения, непосредственно включающий базовые духовные ценности культуры (потребность сохранения и воспроизводства константных ценностей культуры, обеспечивающих замкнутость и целостность системе);
- синергия и «бифуркация» праздничного коммуникативного пространства (в условиях конструирования резонанса коммуникативных каналов культуры).

Поскольку праздничная коммуникация предполагает особый эмоциональный подъем, то корректно рассматривать в модели праздника формы художественного языка коммуникации, непосредственно ориентированного на конструирование эмоциональной составляющей. Язык искусства предстает как способ познания мира или диалога с миром, в его бытийственном или сакральном аспекте. Оно поэтому в полной мере является коммуникационным каналом, характеризующим праздничное пространство. Не случайно в праздничной традиции различные произведения искусства обязательно составляют материально-бытовую основу для организации зрительной и вербальной коммуникации, а архитектурный комплекс в своей материализованной системе символов и знаков, включающий декоративное убранство, предметы обихода максимально создает резонансную атмосферу, позволяющую усилить восприятие вербальных текстов.

Способы когерентности в искусстве как конструирование синергичного эффекта косвенно рассмотрены в трудах П. Флоренского [6]. Философ изучает храмовое действо как синтез всех искусств и приемы создания резонанса, усиливающих через «катарсис» обрядово-вербальную коммуникацию личности с социумом. Согласно Аристотелевскому определению «катарсиса» как эффекта очищения и оздоровления души, а по сути - самоорганизации духовной системы, можно рассматривать этот феномен как синергию. *В то же время закон синергии гласит, что любая сложная динамическая система стремится получить максимальный эффект за счет своей целостности; стремится максимально использовать возможности кооперирования для этого, что подтверждает наше предположение о необходимости конструирования в празднике резонансного коммуникативного пространства, в том числе и посредством языка искусства.*

Так, Г. Хакен отмечал, что самоорганизующиеся системы (в физике) обретают присущие им структуры или функции без какого бы то ни было вмешательства человека (извне). Соответственно и без свободной воли и внутренней мотивации человека к изменениям в рамках своей культуры никакого изменения как «катарсиса» - возобновления системы - с ним не произойдет, а праздник останется только как модель-иллюзия перехода. В то же время произведение искусства способно благодаря новой «заразительной» технологии мотивировать человека к изменениям. На этом утверждении была основана классическая просветительская модель, берущая начало еще в Античности. На примере храмового комплекса Афинского Акрополя [3] можно выделить конструктивные элементы, создающие когерентность коммуникативных каналов, обеспечивающих согласованность действий участников торжества. А именно: последовательность прохождения сооружений в комплексе, как этапы символического перехода в иной хронотоп, согласование ритма движения процессии через изображение в скульптурной форме этой процессии на фризе-зофоре Парфенона, с использованием эффекта теней на стене храма Эрехтейона. Дополнительные ритмические звуки и сакральные тексты, посвященные богам как моделирование совместного действия с богами – синергии. А также скульптурное изображение героев – социальных образцов для подражания, но с символикой «посвященности» в пространство мира богов, через согласованность математических пропорций, повторяемых в фигурах скульптурных

изображений и по принципу подобия структурирующих Парфенон и весь храмовый комплекс в целом.

Комплекс произведений искусства, созданный для обеспечения праздничного коммуникативного пространства, может быть рассмотрен как модель управляемого бифуркационного перехода. Этот переход непосредственно связан с историческим событием как точкой бифуркации, повлекшей за собой позитивное преобразование культуры, что обеспечило ее целостность, жизнестойкость, жизнённость, функциональность.

Коммуникативное пространство культуры, рассматриваемое как система, с точки зрения синергии, координирует процессы самоорганизации, поддержания, возникновения и распада системы, а поэтому, на наш взгляд, повседневная коммуникация может быть описана именно как неравновесное состояние системы, подверженная энтропии, способной в своей максимальной точке подъема разрушить её целостные основы. В силу этого праздничная коммуникация, снимая «напряжение энтропии», выполняет функцию «жизненного устойчивого ритма». А именно, праздничная коммуникация конструируется как управляемая точка бифуркации (бифуркация - *от лат. bifurcatio – раздвоение, разветвление*), обозначающая "скачок" в развитии или появление нового качества системы, с определенно долей вероятности непредсказуемое), организуемая как личностное «откровения», в котором лидеры и субьекты коммуникативного пространства (элита общества) поддерживают или обновляют информационные каналы, обеспечивающие культуре потребную целостность и устойчивость замкнутой системе. (По мнению Маклюэна создание новых технологий, обеспечивающих передачу информации, человек сам изменяется под их воздействием).

В ситуации нарастания энтропии повседневности и бифуркационного неконтролируемого [4] перехода создается иная культурная общность и происходит деконструкция картины мира. А события, повлекшие за собой глобальные изменения в культуре и сознании человека, моделируются как праздничные ритуалы и управляемые точки бифуркации, на основе которых создается новая картина мира и семиосфера культуры. Ослабление праздничных традиций в свою очередь приводит к появлению множества флуктуаций и случайных воздействий на систему извне. А потому модель повседневной коммуникации подвержена влиянию энтропии в большей степени [5].

Если исследовать динамику культурных изменений в истории, то можно наблюдать, что в ситуации нарастания энтропии, а именно потери устойчивых ценностей культуры и эффекта аномии, введение новых праздников позволяло восстановить целостность системы. В том числе этому способствовало появление новых «заразительных» форм искусства, ориентирующих социум на культурные «вызовы», на новые ценности. Такой способ корреляции праздничной традиции использовался как вариант управления, при условии сохранения целостности системы. Здесь актуальны примеры новых праздников, основанных князем Владимиром, Петром I, советским государством. В то же время реформы праздничной культуры сопутствуют всем революционным преобразованиям в культуре. Таким образом, можно сказать, что праздник моделирует точку бифуркации, но как управляемую систему, создавая резонансную векторную направленность всех коммуникативных каналов, исключая решающее воздействие случайных элементов. Благодаря этой модели возрастающая энтропия повседневности «снимается» в точке праздника, и происходит искомое восстановление целостности системы. Здесь можно согласиться с Гегелем в том, что в шедеврах произведений искусства, а также признанных идеалах идея находит адекватную для себя форму [1].

Таким образом, способы конструирования когерентности коммуникативного пространства для осуществления контролируемого бифуркационного перехода мы рассматриваем в произведениях искусства, созданных непосредственно для организации праздничного ритуального действия. Именно такое искусственно сформированное художественное коммуникативное пространство является своеобразной моделью праздничной коммуникации.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х т. Том 1. Под ред. М. Лифшица. - Москва: Издательство «Искусство», 1968.
2. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры/ Пер. А. Юдина. - М.: «Ника-центр», 2001.
3. Мостицкая Н.Д. Язык искусства как форма праздничной коммуникации (на примере архитектурного ансамбля Афинского Акрополя) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: МГУ ПС (МИИТ), 2015. - Вып. № 2 (49). — 173 с. С. 97-106
4. Мостицкая Н.Д. Праздник длиною в жизнь: Христовцентричный путь русского интеллигента (В.Ф. Войно-Ясенецкого – архиепископа и хирурга) (монография). - Краснояр. Пед. Ун-т им. В.П. Астафьева. - Красноярск, 2010. – 200 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. - М.: Прогресс, 1986. - 432 с.
6. Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. - М., 1996. С.199-215
7. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир., 1980. 405 с.

References

1. Gegel' G.V.F. EHstetika V 4-kh t. Tom 1. Pod red. M. Lifshitsa. - Moskva: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1968.
2. Maklyuehn M. Galaktika Gutenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury / Per. A. YUdina. - M.: «Nika-tsentr», 2001.
3. Mostitskaya N.D. YAzyk iskusstva kak forma prazdnichnoj kommunikatsii (na primere arkhitektornogo ansamblya Afinskogo Akropolya) // POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura: nauchnyj i sotsiokul'turnyj zhurnal // M.: MGU PS (MIIT), 2015. - Vyp. № 2 (49). — 173 s. S. 97-106
4. Mostitskaya N.D. Prazdnik dlinoju v zhizn': KHristotsentrichnyj put' russkogo intelligenta (V.F. Vojno-YAsenetskogo – arkhiepiskopa i khirurg) (monografiya). Krasnoyar. Ped. Un-t im. V.P. Astaf'eva. - Krasnoyarsk, 2010. – 200 s.
5. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy. - M.: Progress, 1986. - 432 s.
6. Florenskij P.A. KHramovoe dejstvo kak sintez iskusstv // Florenskij P.A. Izbrannye trudy po iskusstvu - M., 1996. S.199-215
7. KHaken G. Sinergetika – M.: Mir., 1980. 405 s

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.198

Якуничев Н.Г.

ORCID: 0000-0001-5180-7195, Доцент, кандидат искусствоведения, профессор кафедры «Промышленный дизайн»
 Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л.Штиглица

ПРИРОДНЫЕ КОРНИ ДИЗАЙНА

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о существовании общих закономерностей организации и развития искусственной и естественной сред. Современный этап развития предметной среды обнаруживает признаки обращения к природным принципам формообразования. Обозначены позиции совпадения организационных методов системного дизайна с процессами организации естественных объектов. Отмечено принципиальное значение модели подобия органичной целостности в процессе дизайн-формообразования.

Ключевые слова: искусственная среда, естественная среда, закономерности организации, дизайн.

Jakunichev N.G.

Associate professor, PhD in Arts, professor, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

THE NATURAL ROOTS OF DESIGN

Abstract

The article discusses the existence of common consistent patterns in the organization and development of man-made and natural environments. Contemporary state of a man-made object space demonstrates signs of application to the natural generative principles defining the development of forms. The work signifies an essential meaning of organic whole as a structural model for the design of man-made environments.

Keywords: man-made space, natural environment, consistent patterns of organization, design.

Дизайн является одной из «визитных карточек» нашего времени. Вместе с тем, этот исторически новый феномен столь активно развивается, что постоянно порождает дискуссии о своих методах и задачах.

Автор предлагает рассмотреть феномен дизайна в контексте концепции посреднической роли искусственной среды в отношениях между Человеком и Природой [9;10;11]. Из положения посредника следует принципиальная двойственность организации рукотворного мира, в котором сочетаются как искусственные рукотворные и, так и естественные обстоятельства его происхождения. Представляется, что акцент на первом (и, в частности, на особенности современного состояния предметной среды) нивелирует значение общих закономерностей ее развития и создает сложности в понимании феномена дизайна.

Безусловно, различия искусственных и естественных объектов «бросаются в глаза» прежде всего. В первом случае, есть субъект творчества, имеющий конкретную разумную цель, в другом - субъекта нет, а, значит, вроде бы, нет и цели. Творчество человека касается стороннего объекта, в природе – организм формируется благодаря своей генетической программе и приспосабливается к окружению сам. Соответственно, морфологические состояния рукотворных и природных объектов характеризуются технологической несовместимостью. Процесс возникновения и развития естественных и искусственных форм протекает в различных масштабах пространства и времени. Наконец, вероятно, решающее значение имеет факт их очевидного внешнего отличия.

Вместе с тем, исследователи отмечают, что в ходе становления и развития материи, формировалась зависимость ее последующих ступеней развития от предшествующих, а, значит, и преемственность форм организации [7]. Возникновение и исторические изменения искусственной среды неразрывно связаны с особой организацией психической деятельности человека (наличием сознания). Однако само появление и развитие психической деятельности является этапом общего эволюционного процесса. Поэтому, в формировании искусственных объектов также следует ожидать проявления общих естественных закономерностей. Подобная позиция позволяет рассматривать моменты совпадений в организации форм искусственной и природной сред с позиций синергетики и видеть в них не случайные, а закономерные черты. Вероятность существования общей схемы развития дает возможность говорить о естественных механизмах развития предметно-пространственной среды и глубже понять природу самого дизайна.

Само по себе, использование сторонних средств не является прерогативой человека. Оно наблюдалось и наблюдается в различных формах, в поведении различных животных на различных этапах истории планетарной жизни. Используя сторонние объекты, субъект как бы изменяет свою форму и сохраняет оптимальный баланс отношений с внешней средой. У.Р.Каттон приводит следующую аналогию: «Когда-то жизнь ограничивалась океаном. Химические процессы, протекающие в живых организмах, с тех пор зависят от влаги. Заселение суши живыми формами могло произойти только при условии, что водонепроницаемая кожная оболочка способна удерживать влажную «внутреннюю среду». Удерживая небольшие кусочки моря внутри себя, организмы смогли выйти из моря и оказались на суше» [2, 133]. Спустя миллионы лет, появились теплокровные организмы, удерживающие внутри себя комфортный мини-климат. Подобное «свертывание» окружающей среды наблюдается и в человеческой деятельности. Человек развил этот природный принцип, введя отопление и кондиционирование жилищ, газовые плиты и холодильники, которые стали, своего рода, отдельными органами расширенных человеческих существ. Человек «обрастает» искусственной средой, что позволило Каттону назвать его «протезированным существом» [2]. В свете данной тенденции, появление искусственной среды видится как этап и особый вид морфогенеза, участвующий в продолжении общего процесса экспансии живого в окружающем пространстве.

Проведенные исследования показали, что двойственная природа искусственной среды, следующая из ее посреднической функции, проявляется также и в направлении ее исторического развития от «подобия Природе к подобию Человеку» [8]. Так, рука всегда была естественным эталоном создания инструмента. До определенного исторического момента человек воспроизводил в инструменте специализированные возможности кисти руки, оставляя без внимания ее универсальность.

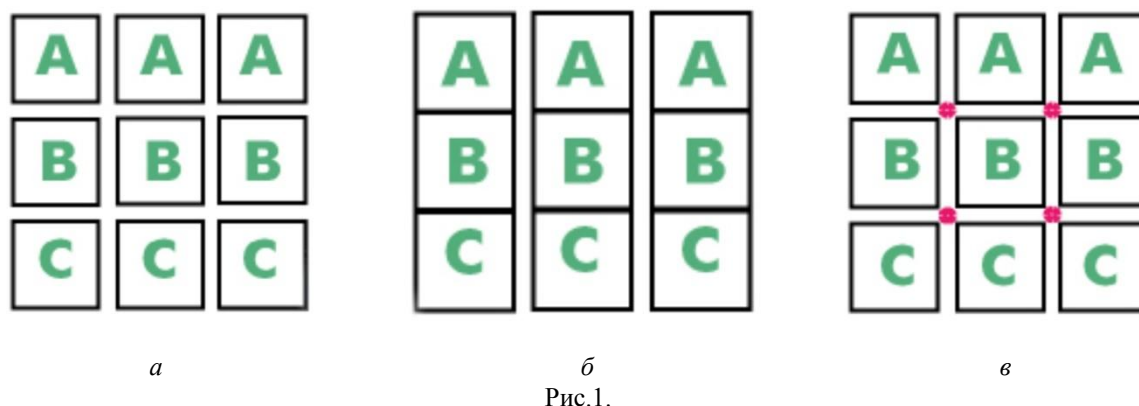

Рис.1.

В наше время, от создания специализированных «искусственных органов», обладающих жесткой морфоструктурной организацией (б), человек подошел к созданию универсальных «искусственных организмов» (в) (Рис.1). Морфологическое состояние подобных объектов принципиально отличается иным типом отношений элементов (А,В,С) – их органичной целостностью. Подобное состояние обеспечивается тотальным гибким взаимодействием элементов (красная точка в схеме (в)). Системное состояние объекта, как наиболее принципиальное, абстрактное и исторически устойчивое морфологическое основание, характеризует состояние всей предметной среды. Поэтому, структурные изменения современного предметного окружения, которые обычно представляются нам частной стороной ее многообразия, отмечают начало нового этапа ее развития. В итоге, различия между искусственным и естественным могут стать не столь очевидными.

Данный исторический момент совпал с появлением дизайна. С одной стороны, дизайн выступает очередным культурно-историческим стилем, отражающим ощущение нового времени. С другой, - историческое совпадение его возникновения с глубокими преобразованиями предметной среды вряд ли можно назвать случайным. Видимо, есть что-то в природе дизайна, что имеет отношение к этому новому этапному состоянию.

Акцентируя внимание на данном моменте, следует отметить, что состояние органичной целостности является основой организации естественной среды (от планетарных экосистем, до организмов). В плане исторической тенденции морфоструктурных изменений предметной среды (Рис.1), данная особенность «природного творчества» может служить, своего рода, ориентиром в развитии человеческой деятельности, и представляет интерес в понимании феномена дизайна. Обозначение этих «природных корней» в дизайне обретает особое значение.

1. Согласно теории Дарвина, в основе естественного эволюционного процесса лежат три главных фактора: наследственность, изменчивость и естественный отбор [4]. Наследственность обеспечивает необходимый и достаточный набор информации (концентрированный опыт исторического развития), позволяющий организму ориентироваться во внешней среде и, тем самым, более или менее жестко детерминирующий направление его развития. В тоже время наследственность содержит в себе изменчивость, как способность организма (системы организмов) преодолевать критические ситуации, возникающие при изменении внешних условий. Естественный отбор является основным фактором эволюции живых систем. В процессе естественного отбора выживают те организмы, которые лучше всего приспособлены к условиям среды (причем не на каком-то из отдельных этапов, а на всех этапах развития, в их единстве и взаимосвязи).

Как вид морфогенеза, процесс создания искусственных предметных форм также обнаруживает подобие дарвиновской триады. Для его осуществления необходим как культурно-исторический, так и личный опыт подобной деятельности - своего рода «генетический код» творчества. Приобретенный опыт здесь также не наследуется. Невозможно передать личные творческие возможности, их необходимо «вырастить». В то же время, процесс создания нового предполагает определенную пластичность мышления, способность критически относиться к существующим решениям и порождать, своего рода, «мутации» на уровне разнообразных идей. В историческом плане, эта пластичность сильно различается: от наиболее консервативных подходов прошлого, основывающихся на воспроизведении и модернизации уже существующих решений, до инноваций нашего времени. Возникающие предложения также проходят естественный отбор, как в ходе самого творческого процесса, так и в последующей стадии воплощения решения.

2. Казалось бы, такое очевидное различие авторского творчества человека и анонимного процесса возникновения природных форм также обманчиво.

Существование организма есть постоянный баланс между устойчивым неравновесным состоянием внутренней среды (гомеостазом) и воздействием внешних факторов. При всем многообразии, эти факторы действуют согласованно в определенном диапазоне, обладают взаимообусловленностью и подобием, исходящим из целостности самой экосистемы. Поэтому эволюция живых объектов представляет собой последовательное усложнение внутренней среды в способности адекватно взаимодействовать с окружением, которое они при этом сами же и изменяют.

Для дизайнера морфология объекта также представляется как форма его системной связи с окружением, в которой в свернутом виде содержится информация, как частного, так и фундаментального характера. Дизайнер рассматривает предметную форму как баланс формообразующих факторов, однако творит в системе связей и отношений, составляющих структуру его субъективной реальности (сознания). Существенно, что эта субъективная среда, подобно состоянию экосистемы, также представляет собой целостность и определяет, как организацию творческих процессов, так и их результаты. Безусловно, в своих способностях преобразовывать факторы среды в форму предмета, дизайнер бесконечно далек от возможностей природы, однако в принципиальном подходе к решению задач он ей подобен.

Абсурдно ждать системных решений проблемы при фрагментарном представлении о мире, даже используя самые совершенные технические возможности.

Поэтому, как личность, человек лишь озвучивает то, что происходит в его субъективной реальности. Соответственно, «анонимный» процесс формообразования в природе и «авторское» творчество человека обнаруживают общий подход в решении проблем, как интеграция факторов среды (реальной и виртуальной).

3. Представление о развитии искусственной среды, как этапе общего планетарного процесса морфогенеза, созвучно идее об организационной зависимости последующих ступеней материи от предшествующих. В данном случае, речь идет о преемственности форм организации естественной и искусственной сред и существовании в них подобия структурного развития.

Действительно, в этапах исторических морфоструктурных изменений искусственных объектов (Рис.1) обнаруживается подобие истории развития естественных форм. Так, эволюция биосферы включает аналогичное направление структурных изменений своих элементов от одноклеточных организмов (а), через специализированные формы многоклеточных (б), к появлению универсального вида (в) (в лице человека).

Ряд исследований отмечает параллельный характер этапов развития форм естественных объектов, каждый исторический ряд которых содержит сходные признаки и свойства (подобно рядам таблицы химических элементов Менделеева) [1;3;6]. Явление параллелизма значительно дополняет представление о факторах направленности эволюции. В настоящее время активно разрабатывается модель сетчатой эволюции, которая, по мнению А.А.Любишева, обобщает все существующие модели. Пути развития и родства, изображенные схемой, могут выглядеть сеткой, а не привычным бесконечным ветвлением [5]. В результате, процесс эволюции организмов представляется как постепенное заполнение клеток матрицы планетарной экологической системы. Косвенным подтверждением существования данной модели организации материальных систем является даже более выраженное проявление феномена параллелизма в исторических этапах алгоритма структурных изменений форм организации искусственной предметной среды [9;10;11]. В соответствии с этапами данного алгоритма, наблюдаемую в настоящее время революцию в организации искусственных объектов можно сопоставить лишь с самым моментом возникновения «второй природы».

Дизайн органично включен в данный процесс. Он обладает сходным историческим направлением освоения предметных форм от работы с поверхностью (стилем) к системной организации. Дизайн возникает в момент структурных изменений предметной среды (от специализации к универсализации) (Рис.1 а-в), и идея достижения состояния ее органичной целостности становится исходной позицией проектирования.

4. Важный момент, который также позволяет говорить о естественном основании дизайна (а также отличает дизайн от других видов предметообразующей деятельности) – целостное структуро-и формообразование предметной среды. Сознание дизайнера не заполнено примерами и прототипами уже существующих объектов. Вернее, эти примеры являются одним из факторов реальности, к которым он относится критически и готов от них в любой момент отказаться. Дизайнер каждый раз заново переосмысливает вопрос о создании предметной формы, рассматривая его как бы «с нуля» с позиции изменившихся обстоятельств. Существенно, что при создании целостно-структурированного объекта дизайн использует методы искусства, в управлении связями и отношениями элементов. Элементы морфологической системы абстрагируются в элементы композиции, вычленяются, и вопрос создания законченной предметной формы решается как поиск состояния их наиболее оптимального взаимодействия.

В отличие от ремесленника или инженера, дизайнер контролирует целостное состояние объекта на всех этапах его разработки, осуществляя некое подобие естественной самоорганизации. Формообразование в дизайне представляется весьма динамичным процессом оперирования неравновесной предметной структурой, а предметная форма оказывается чрезвычайно универсальным понятием, сохраняющим свое значение при постоянном изменении объекта проектирования.

5. Дизайнер «прирожденный интегратор», но в традиционном понимании специалиста - дилетант. В этом новом качестве, дизайнер похож на первобытного человека, впервые покинувшего привычные граничные условия существования. Он вышел в открытый мир, населенный специализированными существами, намного более приспособленными для решения частных задач.

Преимущество дизайнера обнаруживается в области решения комплексных проблем. Это специалист по установлению связей и отношений самого разнородного материала. Истина для него находится не столько в области глубокого понимания частных вопросов, сколько в области их пересечения. При подобном подходе осуществляется, своего рода, «погружение» в проблему во всех ее аспектах.

Дизайнер осуществляет интеграцию целого на основе установления эмпирического подобия между его традиционно самостоятельными сторонами: между образом и конструкцией, между технологией и эргономикой, между эстетикой и экономикой, и т.д. Поэтому здесь свои критерии истины, свои методы и свои результаты, не обязательно совпадающие с существующим опытом. Подобный подход даже нельзя назвать интуитивным, хотя он, безусловно, имеет субъективное основание. Это, скорее иная форма организации знания, позволяющая подобно «музыкальному слуху» или «чувству композиции» осознавать подобие элементов целого. Поиск коротких связей между различными сторонами проблемной ситуации, как правило, ведет к появлению инновационных решений.

Вероятно, показателем достижения состояния органичной целостности предметной формы станет исчезновение в ней «следов» участия человека, что принципиально отлично от традиционного представления о значении авторской индивидуальности. Объект возникает здесь как бы «сам собой», без стороннего вмешательства. Это ощущение хорошо знакомо тем, кто хоть раз погружался в творческий процесс. Соответственно, при восприятии подобного произведения также возникает ощущение его естественного нерукотворного состояния. Эта естественность свойственна многим шедеврам искусства, не имеющих «ни времени, ни автора». Творчество обнаруживает свой анонимный характер, созвучный парадоксальному утверждению, что «хороший дизайн существует там, где он не заметен».

б. Исследования показали, что в процессе развития искусственной среды обозначились признаки завершения ее исторического цикла (Рис.1) [8;9]. От изначального внешнего подражания естественным объектам (а) человек подошел к пониманию особенностей их структурной организации (органичной целостности) (в). Поэтому в дизайне, процесс создания предметной среды опирается не столько на исторический опыт прошлого, сколько на представление о ее потребном будущем состоянии.

Представляется, что эта абстрактная модель органичной целостности является главной инновацией нашего времени и становится принципиальным методическим основанием дальнейшего развития формообразования [12]. Данная модель выступает как аттрактор, задающий как направление изменений предметной среды, в целом, так и развитие творческого процесса, в частности. По сравнению с традиционными методами, регламентирующими действие субъективного фактора, ситуация как бы переворачивается «с ног на голову». Гарантии успеха обеспечиваются здесь не столько прозрачностью творческого процесса, сколько созданием необходимых условий для развития субъективных способностей и методов, позволяющих осуществлять подобие естественной самоорганизации предметной среды.

Можно сказать, что дизайн-формообразование – это процесс, подобный природному, по своему содержанию, но отличный ему (свернутый) по форме. По отношению же к предшествующим историческим видам предметообразования, дизайн, напротив, подобен по форме организации процесса, но качественно отличен по содержанию.

Таким образом, разговоры об абсолютной противоположности природного и рукотворного миров «слишком преувеличены». Развитие процессов формообразования искусственной среды обнаруживает все большую параллель с природными процессами. В определенной степени, феномен дизайна можно определить, как *обращение человека к естественным принципам формообразования*. Обозначение «природных корней» дизайна, с одной стороны, вполне соответствует данной тенденции, а, с другой, - отмечает в ней качественный поворот.

Новый тип предметной деятельности вовсе не является прерогативой дизайна. Однако в силу своей междисциплинарной сущности, дизайн аккумулирует новое качество (системно-интегрирующий подход) и, как бы, осуществляет прорыв в профессиональных отношениях. Новая схема организации процессов предполагает актуализацию таких взаимообусловленных компетенций, как:

- способность видеть проблему через динамичное многообразие действующих факторов и обстоятельств (через проекцию системных связей);
- способность преобразовывать это множество факторов в целостное состояние (форму предмета);
- воспринимать состояние органичной целостности как реальную модель потребного будущего.

Бесконечное многообразие факторов среды и модель подобия органичной целостности выступают в качестве необходимых исходных условий процесса формообразования. Дело за малым – воссоздать в результатах творческого процесса экологическую целостность окружающего мира. Существующие различия искусственной и естественной предметных сред являются своего рода показателем того, насколько далек современный человек от решения данной задачи.

Человек и Природа включены в общий процесс преобразования факторов среды в сложноорганизованной морфологии объектов. В каком-то смысле (исключая прямую аналогию), человеческое творчество можно даже рассматривать в качестве подсказки для ответов на некоторые вопросы, как этот процесс осуществляется в природе. В ходе исторического развития искусственная среда становится более полным воплощением модели органичной целостности (изоморфной системно-структурному состоянию экосистемы и организма), а творчество человека оказывается все более полным свернутым аналогом эволюционного процесса. По сути, здесь идет речь о подобии естественных морфологических процессов, осуществляемых в свернутой форме (пространства и времени) субъективной реальности. Обнаруженные аналогии позволяют говорить о принципиальном единстве направлений развития естественной и искусственной сред, различающихся лишь стадиями процесса. В перспективе эти различия видятся снятыми.

Литература

1. Вавилов Н.И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Избранные труды. – М., – 1965. – Т. 5.
2. Каттон У.Р. *мл.* «Конец техноутопии» (Исследование экологических причин коллапса западной цивилизации). Эко Право-Киев, 2006, 255с.
3. Кремянский В.И. Структурные уровни живой материи. - М., - 1969. - 254 с.
4. Левченко В.Ф. Три этапа эволюции жизни на Земле. Биологическая эволюция и эволюция биосферы – единый процесс. LAP LAMBERT Academic Publishing, Deutschland, 2011, - 184с., - илл.
5. Любищев А.А. Проблемы формы систематизации и эволюции видов. – М., – 1982.
6. Пресман А.С. Идеи В.И. Вернадского в современной биологии (Планетарно-космические основы организации жизни). – М.: Знание. – сер. биология № 9. – 1976.
7. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Эволюция, космос, человек. – Кишинев: Штиинца. – 1987. – 260с.
8. Якуничев Н.Г. Из прошлого в будущее. Ручной инструмент. // Техническая эстетика. – 1991. – № 8. – с. 22–24.
9. Якуничев Н.Г. Предметная форма как зеркало эволюции. -LAP LAMBERT Academic Publishing, AVAcademikerverlag GmbH & Co. KG Saarbrücken, Deutschland /Германия/. -2013.-294с.
10. Якуничев Н.Г. Предметная форма как программа развития. // «Известия РГПУ им. А. И. Герцена»: №133, 2013. - с.207-218.
11. Якуничев Н.Г. Позиция посредника как фактор эволюции изобразительного искусства Запада. // «Известия РГПУ им. А. И. Герцена»: №159. - 2013. - с.167-174.
12. Якуничев Н.Г. Проблемы инноваций и модели подобия предметной формы. Методическое пособие. - LAP LAMBERT Academic Publishing/ Saarbrücken. Deutschland, - 2013, - 56с.

References

1. Vaviljv N.I. Zakon gomologicheskikh ryadov v nasledstvennoi izmenchivosty. Izbrannie trudy. – M., -1965. – T.5.
2. Katton U.R. ml. Konez tehnotopii (Issledovanie ekologicheskrih prichin kollapsa zapadnoi civilizazii). Eko Pravo-Kiev, 2006, 255c.
3. Kremyanskii V.I. Strukturnie urovni zivoi materii. – M., -1969. – 254c.
4. Levchenko V.F. Tri etapa evolucii zizni na Zemle. Biologicheskaya evoluciya i evoluciya biosfery – edinii process. LAP LAMBERT Academic Publishing, Deutschland, 2011, - 184c., - ill.
5. Lubishev A.A. Problemy formi sistemanizacii I evolucii vidov. – M., - 1982c.
6. Presman A.S. Idei V.I.Vernadskogo v sovremennoi biologii (Planetarno-kosmicheskie osnovi organizacii jizni). – M.: Znanie. – ser. Biologiya № 9. – 1976.
7. Ursul A.D., Ursul T.A. Evoluciya, kosmos, chelovek. – Kishinev: shtiinca. – 1987. – 260c.
8. Yakunichev N.G. Iz proshioego v budushee. Ruchnoi instrument // Tehnicheskaya estetika. – 1991. – с.22-24.
9. Yakunichev N.G. Predmetnaya forma kak zerkalo evoluzii.- LAPLAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH&Co. KG Saarbrucken, Deutschland. -2013.-294c.
10. Yakunichev N.G. Predmetnaya forma kak programma razvitiya // «Izvestya RGPY im. Gerzena»: №133, 2013. - С.207-218.
11. Yakunichev N.G. Poziciya posrednika kak factor evolucii izobrazitelnogo isrusstva // «Izvestya RGPY im. Gerzena»: №159, 2013. - С.167-174.
12. Yakunichev N.G. Problemy innovacii I modeli podobiya predmetnji formy. Metodicheskoe posobie. – LAPLAMBERT AcademicPublishing/ Saarbrucken. Deutschland, - 2013, - 56c.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.285

Якуничев Н.Г.

ORCID: 0000-0001-5180-7195, Доцент, кандидат искусствоведения, профессор кафедры «Промышленный дизайн» Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л.Штиглица

О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

Аннотация

В статье рассматриваются принципиальные особенности организации и развития искусственной предметно-пространственной среды. Исходной позицией исследования является формулировка базового положения искусственного предмета как посредника в отношениях между человеком и окружающим миром. Из данной позиции следует представление об амбивалентности морфологической организации объекта и направленности его исторического развития.

Ключевые слова: предметная форма, амбивалентность, структурная организация.

Jakunichev N.G.

Associate professor, PhD in Arts, professor, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

ON THE DUAL NATURE OF OBJECT ENVIRONMENT

Abstract

The present article discusses the fundamental patterns of organization and development inherent to the man-made object-spatial environment. The basic concept of the study defines the essential role of a man-made object as an intermediary in the interaction between the human being and the world around. This concept allows considering the ambivalence of the man-made object morphological organization, and discussing the direction of its historical development.

Keywords: object form, ambivalence, structural organization.

Мы живем в мире форм. Предметное разнообразие окружает нас с рождения и составляет естественные условия существования. Мы свободно ориентируемся в этом сложном мире и воспринимаем его, как нечто само собой разумеющееся. Однако доступность и естественность предметного окружения обманчива.

Так, до настоящего момента главным принципом создания искусственной среды была опора на ее существующее состояние. При решении частных задач метод постепенной модификации предметной среды вполне себя оправдывал. Однако в условиях поиска принципиально новых решений, «опора на прошлое» перестает срабатывать, поскольку становится уже недостаточной для комплексной оценки ситуации.

В настоящее время предметная среда переживает период революционных изменений. Требование *инноваций*, предполагает поиск качественно новых решений и, соответственно, отказ от эталонов прошлого ради «прорыва в будущее». Но как осуществить этот прорыв, если наше воображение глядит на него «глазами настоящего, обремененного грузом прошлого»?

Подобная проблемная ситуация указывает на то, что в нашем представлении об искусственной среде, как естественном и понятном условии жизни, есть «белые пятна».

По мнению автора, в решении данной проблемы, дизайн, обладает особыми возможностями. Для дизайнера, предметная Форма – это универсальный феномен, своего рода форма памяти, в которой зафиксирована информация об условиях ее появления. Дизайнер обладает профессиональной способностью «превращать» обстоятельства среды в форму предмета и, соответственно, «извлекать» из предметной формы информацию об этих обстоятельствах. Теоретически, данные способности позволяют обнаружить аспекты, как частных, так и принципиально общих условий возникновения и развития предметной формы.

В существующих определениях: «рукотворная среда», «вторая природа», «отличная от естественной» - особенности морфологической организации искусственной предметной среды никак не обозначены. «Естественность»

существования этого окружающего предметного фона не вызвала потребности в анализе его принципиальных общих отличий. Удивительно, но факт, - современные исследователи обходят данный момент, возводя сложнейшие теоретические построения, по сути, на весьма зыбком субъективном основании.

Автор полагает, что особенность искусственной предметной формы заключается, прежде всего, в том, что она - *посредник* в отношениях человека с окружающим миром.

Из данной посреднической функции искусственного объекта следует амбивалентность его морфологической организации. Соответственно, в ней одновременно присутствуют как черты подобия окружающей среде, так и черты подобия морфологии человека. Признак морфологической двойственности является главным общим отличием искусственных объектов вне зависимости от их функциональной особенности и места в истории. Однако, в силу своей погруженности в предметный мир, мы не замечаем его двойственной природы, которая находится буквально «перед носом». Мы не слышим «подсказок», заключенных в самой предметной форме.

Исследование феномена двойственности принципиальной организации искусственной среды позволило отменить следующие признаки:

А. С системной позиции, предметная Форма представляет собой сложно организованное целое. В его строении можно выделить: уровень внешней формы, функциональный уровень, системно-структурный уровень.

Нетрудно заметить, что обозначенные уровни искусственной Формы также являются следствием ее положения в качестве посредника. Внешняя форма объекта ориентирована на внешнюю среду. Функциональный уровень воплощает в себе решение определенной посреднической миссии предмета. Системно-структурный уровень представляет способность человека управлять связями элементов формы, способность образовывать целое из исходного фрагментированного морфологического состояния. Соответственно, данные уровни находятся в иерархической зависимости, основание которой составляет структурная организация объекта.

Отношения базового и внешнего морфологических уровней носят дополнительный характер. Внешний уровень представляет интегрированную форму воздействия практически бесконечного числа факторов. Уровень структурной организации определяется, по сути, единственным обстоятельством – творческими способностями субъекта (состоянием его сознания). Внешняя форма сложна, индивидуальна, наиболее изменчива и наиболее предметна (доступна восприятию). Внутренняя форма, напротив, обладает наиболее устойчивыми элементарными характеристиками, «скрыта от глаз», абстрактна и инвариантна для различных предметных систем. Если на уровне внешней формы феномены сходства различных объектов воспринимаются как случайность, то на базовом уровне – это уже результат действия общих закономерностей, позволяющих проследить тенденцию их качественных изменений.

Морфологическим уровням предметной Формы свойственна относительная обособленность, что в этапном плане позволяет осуществлять их индивидуальное исследование.

В. Любой искусственный объект проявляет себя в двух основных направлениях взаимодействий: с внешней средой и с человеком. Соответственно, основные элементы его морфологической структуры различаются по ориентации: *a* – на внешнюю среду, *b* – на преобразование усилия и *c* – на человека. Типы связей и отношений элементов структуры выступают в качестве переменной составляющей. Они определяют особенности, как морфологической организации единичного объекта, так и системного состояния предметной среды.

С. Из обозначенной позиции посредника следует, что форма предмета обусловлена воздействием двух основных источников: факторов среды и человеческих факторов. Каждый из этих групп формообразующих факторов обладает определенной мерой независимости друг от друга.

Как элемент среды объект является обособленным морфологическим образованием, относительно независимым от процессов человеческой деятельности. Его форма отражает определенный фрагмент окружения и представляет результат воздействия условий внешней среды.

В отношениях «человек – предмет» объект представлен как «искусственное продолжение» субъекта. Он является здесь элементом систем организма и формируется на принципах органичного целого.

Таким образом, на уровне структурной организации, амбивалентность объекта проявляется как результат интегрированного отражения организационно полярных материальных систем: распределенной системы открытой среды (Природа) и точечной системы органичной целостности (Человек) (Табл.1). Каждый участник отношений «предлагает» свою модель организации. Степень реализации той или иной модели (*a* и *b*) зависит от обстоятельств места и времени, что проявляется в специфическом наборе организационных черт предмета.

Таблица 1 – Сравнительные характеристики системной организации Открытой среды (а) и Органичной целостности (b).

Природа Открытая среда	Человек Органичное целое
а	б
Распределенная система Открытая среда Обособленность элементов Множество специализированных объектов Внешний формообразующий фактор (гравитация) Распространение по поверхности Статичное положение в пространстве	Точечная система Обособленная среда Органичная связь элементов Единое универсальное целое Внутренние формообразующие факторы 3-х мерное пространство среды Мобильное состояние.

D. Посредническая функция искусственного объекта в системе отношений «человек – среда» проявляется в двух взаимоисключающих состояниях: опредмеченном и распределенном.

«Опредмечивание есть переход процессов деятельности в покоящееся свойство объекта, превращение действующей способности в форму предмета. Распредмечивание – обратный переход предметности в живой процесс деятельности, в действующую способность. Распредмечивание не есть утрата предметности, а лишь перевод ее из спокойствия в процесс, где она существует в качестве его момента»[1, 154].

Таким образом, искусственный объект содержит функциональную и морфологическую двойственность, выступая, поочередно, то как предмет (свернутый процесс), то как «искусственный орган» (развернутый процесс).

E. Мы живем в условиях пространственно-временного континуума. Соответственно, пространственное положение искусственного объекта в среде и его дистанция относительно человека также находят свое отражение в предметной форме. Сам термин «предметная среда» указывает на принадлежность объекта к открытому пространству. Взаимодействие человека с большей частью подобных объектов кратковременно.

Искусственные объекты, вовлеченные в ближайшее пространство человека, элементами среды уже не являются. Примером может служить одежда. Это гораздо более выраженное «искусственное продолжение» человека, в котором доминирует организационное подобие органичной целостности.

F. Автором высказывается мнение, что в историческом разнообразии предметной среды, также обнаруживаются следы амбивалентности. Данное предположение нашло подтверждение в ряде исследований [2;3;4].

Исследования показали, что окружающая среда определяет исходные условия возникновения искусственного объекта и является более-менее постоянным фоном его существования. Но человек создает этот новый мир для себя, и преобразует его «под себя». Чем выше уровень организации искусственной среды, тем «дальше» она от Природы и «ближе» к Человеку. Поэтому, развитие предметной среды также обусловлено наличием двух системно противоположных моделей организации, определяющих начало (а) и завершение (b) ее исторических изменений (Табл.1). На начальном этапе моделью подобия является мир природы, а определяющими являются факторы окружающей среды. Соответственно, предметно-пространственная среда строится по принципам организации распределенной системы. На завершающем этапе акцент подобия переносится на модель органичной целостности, а ведущее структуро- и формообразующее значение получает человеческий фактор.

Модель органичной целостности выступает в роли модели будущего организационного состояния, и в ходе исторического процесса оказывает постоянно усиливающееся воздействие. В наше время наблюдается разворот вектора подобия от исходной к финальной организационной модели.

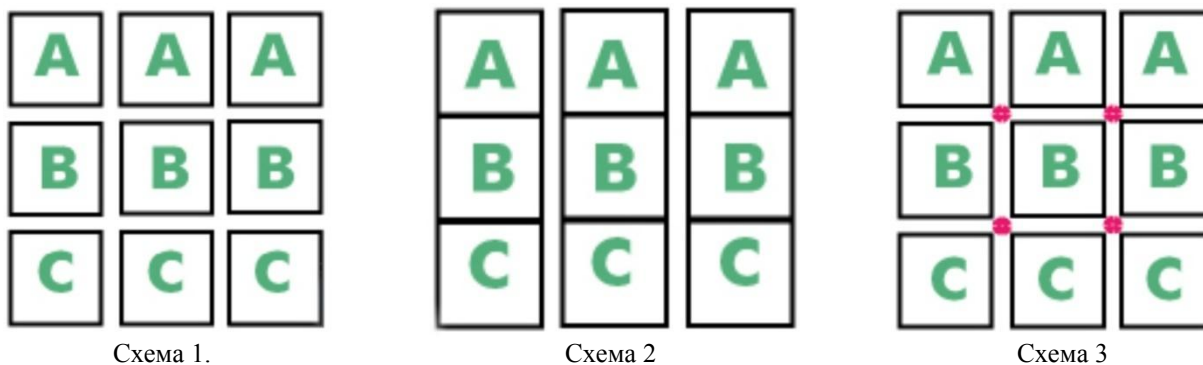

Рис.1 – Этапы исторического цикла организационно-структурных изменений предметной среды: Потенциальный период (схема 1), Основной период (схема 2), Перспективный период (схема 3).

Таким образом, форма искусственного предмета содержит в себе план его организационных изменений и одновременно являет собой определенный этап реализации этой программы. Модели системного подобия, определяющие принципиальную специфическую сторону морфологической организации предметной среды,

представляются двумя «полюсами», между которыми разворачивается процесс ее организационных изменений (Рис.1). Особенность настоящего момента заключается в том, что модель будущего становится реальным основанием дальнейшего развития предметной среды. И это, наверное, самая главная инновация, которая качественно меняет как процесс ее проектирования, характер ее отношений с человеком так и ее морфологию.

Литература

1. Батищев Г.С. Определенность и распределенность / В кн. Философская энциклопедия. – М., – 1967. – Т. 4.
2. Якуничев Н.Г. Предметная форма как зеркало эволюции. -LAPLAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH&Co. KG Saarbrücken, Deutschland /Германия/. -2013.-294с.
3. Якуничев Н.Г. Предметная форма как программа развития. // «Известия РГПУ им. А. И. Герцена»: №133, 2013. - С.207-218.
4. Якуничев Н.Г. Позиция посредника как фактор эволюции изобразительного искусства Запада. // «Известия РГПУ им. А. И. Герцена»: №159. - 2013. - С.167-174.

References

1. Batishev G.S. Opredelennost i raspredelennost / V kn. Filosofskaya enziklopedia. - M., - 1967. –T.4.
2. Yakunichev N.G. Predmetnaya forma kak zerkalo evoluzii.- LAPLAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH&Co. KG Saarbrücken, Deutschland. -2013.-294с.
3. Yakunichev N.G. Predmetnaya forma kak programma razvitiya // «Izvestya RGPY im. Gerzena»: №133, 2013. - С.207-218.
4. Yakunichev N.G. Pozitsiya posrednika kak factor evoluzii izobrazitel'nogo iskusstva Zapada. // «Izvestya RGPY im. Gerzena»: №159. - 2013. - С.167-174.

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.093

Иванова Н.В.¹, Антонова Н.Н.²

¹ORCID:0000-0002-2472-1705, Кандидат архитектуры, профессор, ²ORCID: 0000-0002-4921-8903, Доцент, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

ОСНОВЫ ЛАНДШАФТНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ РЕКРЕАЦИОННЫХ ЗОН ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

Статья раскрывает основные принципы и положения рекомендаций по ландшафтному проектированию зон рекреаций для маломобильных групп населения, обеспечивающих эколого-эстетическую и комфортную зеленую среду, подбору адаптивного ассортимента насаждений с учетом их эффективного психо-эмоционального воздействия на человека, формированию безопасного и информативного озелененного пространства на основе природных уникальных ландшафтов, а так же совершенствованию технико-экономических факторов.

Ключевые слова: маломобильные группы, приемы озеленения.

Ivanova N.V.¹, Antonova N.N.²

¹ORCID:0000-0002-2472-1705, PhD in Architecture, professor, ²ORCID: 0000-0002-4921-8903, Associate professor, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

FUNDAMENTALS OF LANDSCAPE DESIGN FOR RECREATIONAL AREAS LIMITED MOBILITY

Abstract

The article reveals the basic principles and provisions of advice on landscape design of recreation areas for people with limited mobility to ensure ecological and aesthetic and comfortable green environment, the selection of the adaptive range of plants in plantations based on their effective psycho-emotional effects on humans, the formation of a safe and informative green space on based on natural unique landscapes, as well as improving the landscaping design methods and techno-economic factors.

Keywords: limited mobility, the methods of gardening.

В городах Волгоградской области выполняется государственная программа «Формирование доступной среды жизнедеятельности для инвалидов и маломобильных групп населения Волгоградской области» на 2014—2016 годы, в рамках которой были проведены исследования озелененных рекреационных территорий Волгограда, выявлены факторы, влияющие на планировку, функциональную специализацию и композицию насаждений в зонах отдыха, что определило необходимость совершенствования принципов и приемов ландшафтного проектирования, а так же внедрения экономичных методов планировки озелененных пространств [1, С.115]. Так, социально-демографические исследования установили следующие факторы (маломобильным населением являются инвалиды и др. социальные группы, не имеющих физических ограничений; увеличение численности пенсионеров; расширение форм и видов отдыха в озелененной среде; повышение требований к комфорту досуга), которые позволили определить планировочные методы для обеспечения эффективности озеленения зон отдыха для различных групп населения. Ими стали: дифференцирование озелененных зон для различных социально-демографических групп маломобильного населения; формирование специализированных пространств для физического и культурного развития; формирование крупных зеленых массивов жилой застройки, используемые круглогодично для различных видов прогулок

Изучение экологических критериев позволило выделить на территории Волгограда ландшафтно-географические зоны с различными видами растительности, микроклиматическими условиями, рельефом, гидрологией (на севере –

сухая и мокрая Мечетки; на юге – Веселая, Чепурниковская, Григорьева балки, основная часть города – Хвалынская терраса, о. Голодный, о. Сарпинский и др.). Были определены основные планировочные методы для обеспечения санитарно-защитной эффективности озелененных пространств: сохранение природных ландшафтов, улучшающих эстетические качества природной среды и регулирующие микроклимат; формирование и развитие зеленых полос и клиньев; организация шумо и газозащитных зеленых полос и защитных зон от транспорта и промышленных предприятий.

Создание рекреационной доступной среды для маломобильных групп населения становится в настоящее время одним из приоритетных направлений государственной, социальной и градостроительной политики, практические результаты которой направлены на обеспечение равных с другими гражданами возможностей в сфере отдыха, общения, восполнения сил и здоровья. Рассматриваемые в Волгограде рекреационные зоны с природным ландшафтом для организации тихого отдыха и прогулок, оздоровительной физкультуры для маломобильных жителей дают в основном социальный эффект. Экономическая отдача здесь возможна при использовании планировочных методов, обеспечивающих технико-экономическую эффективность озелененных территорий, направленных на: всемерное сохранение и рациональное использование ценных элементов природного ландшафта (р. Волга, Волго-Актубинская пойма, возвышенность Ергени, Мамаев курган); объемно-пространственная организация рекреационных зон, тропиночно-дорожной сети, с учетом их наибольшего функционального использования маломобильными группами; укрупнение элементов озеленения рекреационных зон, использование адаптированных насаждений, обеспечивающих снижение строительно-эксплуатационных расходов (расчет на 1 га территории).

Практика формирования безбарьерной среды в Волгограде связана с установкой пандусов, которые создают технические условия для обеспечения доступности и эксплуатации городских объектов, реализации важных функций передвижения и общения для разных категорий инвалидов и маломобильных групп жителей. Однако, более полное выполнение оздоровительных и рекреационных потребностей населения возможны после организации комплексного архитектурно-ландшафтного оснащения озеленением открытых объектов, предназначенных для рекреации. В связи с этим возрастают значимость учета дендрологических особенностей насаждений, используемых в озеленении мест отдыха маломобильных жителей [2, С. 445]. Главной целью зеленых элементов становится положительное воздействие и коррекция измененного функционального и психологического состояния человека. При правильном подборе ассортимента адаптированных к природно-климатическим условиям Волгограда зеленых насаждений можно искусственно создать особо благоприятную среду с лечебно-терапевтическим воздействием, где разнообразные цветовые гаммы, утонченно выразительные сочетания видов растений, их колорит, формы кроны, а так же выделяемые фитонциды оказывают существенное влияние на организм человека.

Рекомендации по формированию озеленения рекреационных территорий города с доступной для инвалидов средой жизнедеятельности опираются на использование планировочного приема безбарьерного каркаса (и его озеленения), направленного на создание условий свободного самостоятельного передвижения, отдыха, спорта. В основу формирования безбарьерного каркаса были положены главные принципы ландшафтного проектирования, способствующие обеспечению равенства использования рекреационной городской среды всеми категориями населения. Основными элементами безбарьерного каркаса зон рекреаций стали: пешеходные коммуникации, организованные по принципам непрерывности и доступности; элементы системы визуальной информации и ориентации (локальные, линейные, узловые); тактильные устройства; подъемных механизмы и многое другое.

Особое внимание в проведенных исследованиях уделяется организации кратковременного отдыха в местах с привлекательными природными составляющими регионального ландшафта - река, набережная, пляж, возвышенности. План обследования в проектировании ландшафтных объектов включал следующие направления: обеспечения доступности этих зон для инвалидов; реконструкцию дорожно-тропиночной сети для различных видов прогулочных маршрутов и смотровых площадок; обустройство территории природных элементов. Прогулочные маршруты традиционно планируются кольцевыми, длина пути зависит от категорий инвалидов (до 200 м для инвалидов с нарушением зрения и опорно-двигательного аппарата; до 1500 м - остальные категории групп маломобильного населения).

Формирование комфортной рекреационной среды для инвалидов, предполагает создание непрерывной коммуникационной инфраструктуры, охватывающей все элементы и подходы к ней: мощение, пандусы, поручни, сигнальные устройства, визуальные ориентиры, рекламу [1, С. 119]. Подобная организация коммуникационной инфраструктуры необходима в местах непосредственного пребывания маломобильного населения: внутриквартальная территория; рекреации при общественных зданиях, специализированных объектах, культурно-зрелищных и торговых учреждениях, сады и парки.

Проведенное обследование рекреационных территорий Волгограда и предложение по ландшафтному формированию пространств отдыха маломобильного населения, позволило выделить территории, доступные для ежедневных прогулок, личностного духовного развития, контакта с природными элементами, проведения любительских и физкультурно-оздоровительных занятий на свежем воздухе. Комплексное благоустройство и озеленение таких пространств должно предусматривать участки с оборудованными площадками, защитным озеленением для отдыха и развлечений; создание пешеходной тропиночной сети, предназначенной для круглогодичного использования; рациональное размещение стоянок.

Проектирование трасс пешеходных путей и разработка композиционных приемов озеленения рекреационных территорий проводится с учетом смены впечатлений от природного окружения, взаимосвязи насаждений с силуэтами застройки города; дендрологического подбора растительности, контрастной по цвету и форме, необходимых для восприятия во время отдыха маломобильными группами жителей города.

Литература

1. Иванова Н. В. Озеленение городских территорий для использования маломобильными группами населения. Новые идеи нового века – 2016: материалы Шестнадцатой международной научной конференции = The new Ideas of New Century – 2016 : в 3 т./ Тихоокеан. Гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. Гос. ун-та, 2016 – 2 т, - С. 114-121.
2. Иванова Н. В. Рекомендации по озеленению городского пространства для людей с ограниченными возможностями здоровья в подготовке ландшафтных специалистов. Новые идеи нового века – 2016: материалы Шестнадцатой международной научной конференции = The new Ideas of New Century – 2016 : в 3 т./ Тихоокеан. Гос. ун-т. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. Гос. ун-та, 2016 – 2 т, - С. 444-450.

References

1. Ivanova N. V. Ozelenenie gorodskih territorii dlya ispolzovaniya malomobilnimi gruppami naseleniya. Novie idei novogo veka – 2016- materialy Shestnadcatoi mejdunarodnoi nauchnoi konferencii = The new Ideas of New Century – 2016 - v 3 t./ Tihookean. Gos. un_t. – Habarovsk - Izd-vo Tihookean. Gos. Un. 2016 – 2 t, - S. 444-450.
2. Ivanova N. V. Rekomendacii po ozeleneniyu gorodskogo prostranstva dlya lyudei s ogranichennimi vozmojnostyami zdorovya v podgotovke landshaftnih specialistov. Novie idei novogo veka – 2016- materialy Shestnadcatoi mejdunarodnoi nauchnoi konferencii = The new Ideas of New Century – 2016 - v 3 t./ Tihookean. Gos. Un-t. – Habarovsk- Izd-vo Tihookean. Gos. Un-ta, 2016 – 2 t, -S. 444-450.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.181

Сазыкина Е.В.

ORCID: 0000-0002-3575-3710, аспирант, Московский Архитектурный Институт (государственная академия)

ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация

В статье рассмотрены современные работы британских архитекторов в области промышленной архитектуры, выявлены наиболее популярные направления идеологии и тенденции в архитектурной практике. Актуализация проблемы упадка традиционного типа производства приводит к необходимости поиска решений сохранения и повторного использования устаревших промышленных предприятий, а также разработки нового вида производства в городе. В статье рассматриваются тенденции, выявленные из британского опыта в этой области, а также реализованные проекты и теоретические работы британских архитекторов и ученых, которые могут стать базой для решения подобных задач в нашей стране.

Ключевые слова: промышленная архитектура, реиндустриализация, гибкое здание, устойчивая архитектура, Великобритания

Sazykina E.V.

ORCID: 0000-0002-3575-3710, PhD student, Moscow Institute of Architecture (state academy)

REVIEW OF MODERN INDUSTRIAL ARCHITECTURE PROBLEMS OF THE UK

Abstract

The article deals contemporary works of British Architects in industrial architecture, the most popular ideologies and trends in architectural practice are revealed. The decline of the traditional type of industry makes necessary to find solutions to the conservation and reuse of outdated industrial plants, as well as the development of a new type of industry in the city. In this article the author examines the trends identified from the British experience in this field and investigates projects and the theoretical work of British architects and scientists who can become the basis for solving similar problems in our country.

Keywords: industrial architecture, reindustrialisation, flexible building, sustainable architecture, United Kingdom

Великобритания, являясь одной из передовых промышленных мировых держав, оказалась, возможно, первым государством, столкнувшимся с проблемой упадка традиционного типа производства, и была вынуждена заниматься поисками решений сохранения и повторного использования устаревших промышленных предприятий, а также разработкой нового вида производства в городе. Тенденции, выявленные из ее опыта в этой области, а также реализованные проекты и теоретические работы британских архитекторов и ученых являются важной базой, которую мы сегодня можем использовать при решении подобных задач в нашей стране.

Совокупность развитых стран, утративших актуальную промышленную базу из-за выноса производственных объектов в развивающиеся регионы планеты, осознает экономическую и социальную необходимость возрождения промышленности собственных городов. В настоящее время идеология постиндустриального общества, получившая широкую популярность в конце XX века, подвергается все большей критике со стороны ученых и исследователей различных областей. Активно вводятся новые определения — реиндустриализация, сверхиндустриализация, суть которых сводится к необходимости создания новых производств, замещающих старые на качественно новом уровне.

Деиндустриализация, начавшаяся в Великобритании после нефтяного кризиса 1973 года, стала причиной роста безработицы и образования большого количества «излишних» промышленных объектов, которые, оказавшись заброшенными, быстро приобретали вид эстетически непривлекательной среды. Проблематика современной промышленной архитектуры в целом разделяется на два направления: преобразование уже имеющейся промышленной базы и поиск новой современной формы комфортного сосуществования производства рядом с человеком. Теоретические разработки и реализованные проекты британских архитекторов и деятелей науки дают представление о возможных направлениях развития в обеих областях.

Основной вопрос, связанный с преобразованием промышленного наследия, заключается в поиске правильного баланса между его сохранением и внедрением в него новых функций [2]. Желание сохранить промышленные объекты

как важную историческую и культурную часть архитектурной среды современных городов, которое перетекает в направление музеефикации, противопоставляется необходимости обновления конструкции и облика здания под введение новой производственной функции, которая определяется экономической целесообразностью каждого конкретного региона. Британский опыт подобных проектов показывает сложность достижения баланса в оптимальном сочетании социальных и экономических нужд, а также дает несколько хороших примеров сочетания государственного и частного финансирования, что является необходимой основой любого проекта. Адаптация промышленных зданий к повторному использованию включает два возможных решения: проекты, продвигаемые за счет общественных инициатив, где упор делается на сохранение культурно значимых памятников архитектуры (примером могут быть промышленные музеи под открытым небом, такие как район Айронбридж, Бимиш, Заводы Станли), и проекты, осуществляемые частными застройщиками, где мотивацией является скорее материальная выгода, чем какие-либо альтруистические мотивы (такие как Смитфилд Билдинг в Манчестере или здание Завода Эттрик в Селкирке, Шотландия).

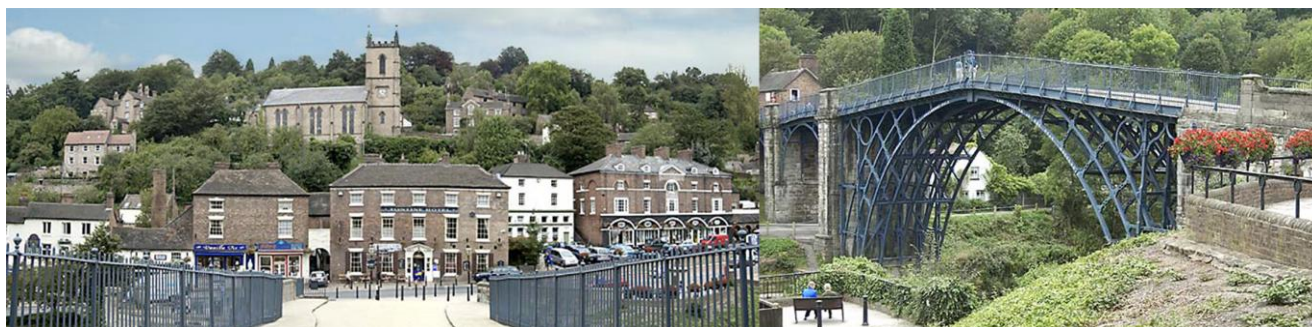

Рис. 1 – Вид на Айронбридж с моста (слева) и сам чугунный мост через реку Северн, который дал название поселению, арх. Томас Притчард (справа). Фото Д. Пакмена

Рис. 2 – Заводы Станли. Фото с официального сайта Historic Scotland.(Historic Scotland; Смитфилд Билдинг в Манчестере (справа). Фото Ш. Бегам

Современная строительная практика Великобритании в области промышленной архитектуры концентрируется в большей степени на проблематике регенерации старых промышленных зон, нежели на внедрении нового производства. Для России, крупные города которой также включают огромные промышленные территории, практически полностью утратившие свои первоначальные функции и нуждающиеся в технологической и пространственной реорганизации, опыт другой промышленной державы может быть полезен.

Хорошим примером интересного архитектурного решения может быть Технополис Эдинбурга [1], который представляет удачную попытку регенерации исторических промышленных сооружений, совмещенную с новым строительством для образования единого комплекса. Бизнес-парк, связанный с университетом Эдинбурга, предлагает гибкую структуру для динамично развивающихся компаний, занимающихся наукой и инновационными технологиями. Развитая инфраструктура парка, транспортное обеспечение, удобная система аренды помещений совмещается с качественной архитектурой, красиво вписанной в природный ландшафт.

С архитектурной точки зрения, бизнес-парк представляет собой комплекс зданий, расположенный в живописной местности в восьми милях от центра города. Отдельные исторические здания викторианской эпохи (Буш-хаус) переоборудованы под гибкую планировочную структуру и полностью соответствуют современным потребностям арендосъемщиков, одновременно поддерживая чувство преемственности и духа старины. Новые здания бизнес-парка выполнены в современном лаконичном стиле с использованием больших площадей остекления. Однако хорошо найденные пропорции и отделка фасадов кирпичной кладкой позволяет им сочетаться со старой застройкой, не разрушая целостности комплекса.

Рис. 3. Технополис Эдинбурга. Историческое здание Буш-Хаус (слева) и современное строение (справа).
 Источник фото : Edinburgh Technopole : Welcome to naturally inspiration settings [pdf]. – Режим доступа :
<http://www.edinburghtechnopole.co.uk/> (дата обращения 10.02.2016)

Еще одним оригинальным проектом совмещения нового строительства с регенерацией старого промышленного здания является «The Granary» - бывшее зернохранилище в Лондоне, переоборудованное под офисно-административные пространства. Архитекторы очень чутко отнеслись к существующей постройке конца XIX века и все необходимые изменения максимально согласовали с оригинальной структурой здания. Пристройки и элементы, появившиеся в процесс эксплуатации, а также вторичные внутренние перегородки были удалены, а заложенные когда-то окна восстановлены. Новое здание комплекса представляет собой реплику зернохранилища в современном исполнении – к историческому строению нас отсылает остроконечная кровля, использование той же цветовой палитры и хорошо подобранные пропорции здания.

Рис. 4. Здание «The Granary» в Лондоне, арх. Pollard Thomas Edwards architects. Фото Тим Крокер.

Проекты по сохранению и регенерации промышленного наследия Великобритании основываются на сочетании экономического прагматизма с учетом возможностей повторного использования здания и общественных преимуществ и вдохновляющими художественными качествами успешных современных проектов. Архитектурное решение сегодня чаще всего исходит из принципов устойчивого развития и предполагает комплексную разработку пространства, с возможностью приращения ресурсов в виде зданий, людей, ландшафта.

Само понятие устойчивой архитектуры, несмотря на свои очень широкие границы, приобрело сегодня огромную популярность. Один из выдающихся современных британских архитекторов, Норман Фостер, характеризует его так: «Устойчивая среда подразумевает получение максимума результатов при минимуме средств» [4]. Для промышленной архитектуры, где экономическая целесообразность является одним из основополагающих критериев, это высказывание особенно актуально. Современная идеология основывается на объединении экономической выгоды, сокращения расходов, увеличения экологичности и эффективности здания средствами, которые одновременно могут обыгрываться архитектурно-выразительными приемами. При этом поиск эстетической составляющей новой архитектуры еще продолжается.

В первую очередь рассматривается возможность использования пассивных архитектурных средств для сохранения энергии, что позволит отказаться от расточительных механизированных источников, которые расходуют невозобновляемые топливные ресурсы и способствуют глобальному потеплению. Взаимосвязанной характеристикой становится долговечность здания. Очевидно, чем дольше здание может быть использовано при минимальном потреблении энергии, тем его существование наиболее оправдано и выгодно, экономически и экологически.

«Зеленое» здание должно использовать, насколько это возможно, минимальное количество энергии, и должно обладать наибольшей энергоемкостью. В идеале, современное производственное здание должно создавать и свою собственную энергию путем сжигания возобновляемых видов топлива, например, растительного масла, или производства солнечной энергии. Норман Фостер также подчеркивает актуальность создания многофункциональных комплексов в черте города, которые могут помочь увеличить плотность застройки, создавая компактные самодостаточные местные общины, жители которых живут, работают и проводят досуг в одном и том же районе [4].

В настоящее время промышленная архитектура Великобритании находится в поиске новой формы существования. Немногочисленные новые объекты представляют собой уникальные здания с продуманной художественной концепцией и соответствующие всем необходимым технологическим требованиям. Они представляют интерес с точки зрения выявления направлений инновационной промышленной архитектуры и идеологической базы, подводимой под них.

Когда речь идет о промышленности, архитекторы в первую очередь стараются подчеркнуть ее безопасность и дружелюбность по отношению к окружающей среде. Так, в проекте завода в британском городе Лидс [9], строительство которого закончилось в 2016 году, основной задачей было показать экологическую нейтральность. Здание будет иметь деревянный каркас, а на фасадах предполагается устройство системы «зеленых» стен с большим количеством растений, которая станет самой крупной в Европе. В результате, внешне завод будет напоминать скорее оранжерею, чем промышленное сооружение. Стоит отметить, что уход от классического образа промышленного здания, минималистичного, с лаконичными геометрическими формами также является одной из популярных современных тенденций. Важно и то, что завод в Лидсе энергоэффективен – он имеет систему рекуперации энергии, которая будет идти на обеспечение 20000 близлежащих жилых домов.

Рис. 5. Завод в городе Лидс, арх. Space Architect, 2016 г., Великобритания

Акцентирование внимания на вопросе энергоэффективности неслучайно и, в целом, характерно для современной Британской архитектуры. Очевидно, что главными потребителями мировых энергетических ресурсов сегодня являются города. Занимая всего 2% поверхности земли, они используют более 76% мировых ресурсов [3]. Спрос на энергию определяет уровень жизни современного города больше, чем любой другой фактор. Все основные виды деятельности, связанные с энергетикой, - транспорт, электроснабжение, отопление, предоставление услуг и промышленность – находятся в зависимости от использования ископаемых видов топлива. Именно в этой области архитектурное проектирование предоставляет огромные новые возможности. Впрочем, Герберт Жирандет, занимающийся популярной экологией, акцентирует внимание на том, что «британские архитекторы проектируют здания с новыми энергетическими системами для европейских клиентов, но в самой Великобритании мы видим, пока еще, очень мало таких примеров» [3]. Действительно, в Великобритании, уже существует весьма основательная теоретическая база по разработкам альтернативных источников энергии. Так Международный центр по энергетике в Траусфайнайнде, Уэльс, является одним из самых значимых в мире. Даже его архитектура, связанная с расположенной неподалеку ядерной электростанцией, подчеркивает наступление новой эпохи безопасных и возобновляемых источников энергии [8].

Уже сейчас у нас есть прекрасная возможность использования целого ряда новых экологически чистых производственных технологий в городской среде. Эффективные энергетические системы, такие как комбинированное производство тепла и электроэнергии генераторами, топливные элементы и фотоэлектрические модули являются легкодоступными. Новые материалы и появляющиеся архитектурные конструкции позволяют значительно повысить производительность энергии и уменьшить воздействие на окружающую среду материалов, используемых в зданиях.

Видный деятель современной архитектуры, Николас Гримшоу, предлагает использовать схему перенаправления энергетического потока в течение суток. Так в рабочее время, наибольший поток направляется на обеспечение необходимых мощностей предприятия, где находится большая часть работающего населения, а в остальное время, когда производство закрыто и требует минимального обеспечения, энергия переходит в близлежащие жилые районы.

Гримшоу отмечает, что в ближайшем будущем развитие технологий позволит создать бесшумное, незагрязняющее производство, которое «с передовыми стандартами в области архитектуры и ландшафтного проектирования, ... будет иметь ... весь потенциал, чтобы быть успешно интегрированным в обычную жилую среду» [7].

В своей речи на конференции в Лондоне о будущем промышленной архитектуры он также подчеркивает, что гибкость пространственной структуры, возможность ее изменения в будущем является наиболее значимой характеристикой, которой должно удовлетворять производственное здание. Само понятие гибкости подразумевает обеспечение возможности изменения положения фасадных панелей, остекления, систем жалюзи, дверей и внутренней планировочной структуры в зависимости от настоящих потребностей конкретного производственного процесса. Технологическое оборудование перестает быть актуальным гораздо быстрее, чем устаревают конструктивная оболочка здания; очевидным решением становится создание структуры, способной трансформироваться.

В качестве примера Николас Гримшоу приводит собственный проект фабрики Германа Миллера в Бате, осуществленный в 1977 году. Расположение промышленного объекта в структуре города экономически оправдывается имеющейся инфраструктурой и возможностью работников пользоваться «привилегиями города». Интересным моментом доклада Гримшоу является его большое внимание к вопросам финансирования строительства подобных зданий, которые могут быть предназначены для продажи или сдачи в аренду различным небольшим компаниям.

Сближение производства и жилых территорий также оправдывается экономически благодаря энергетической целесообразности. Сегодня «работники завода живут в среднем в десяти милях от работы; то топливо, которое они используют, в 20 раз превышает необходимое для обогрева здания» [7]. При их проживании ближе к месту работы, топливо, используемое на проезд, может быть потрачено на обогрев здания и обеспечение его функционирования.

На архитекторов и проектировщиков возлагается большая ответственность в создании мультифункциональной восприимчивой среды, которая станет новым видом архитектуры и сможет сочетать климатические реагирования с функциональной эффективностью и приятным внешним видом. Это этическая ответственность, которая выходит за традиционные рамки профессии.

Удачным примером современной промышленной архитектуры является производство Ролс-Ройс в Суссексе, Н. Гримшоу [5]. Проект объединяет все требования к современному производству – многофункциональность, экологичность, энергоэффективность, концепцию устойчивого развития. Он представляет собой многофункциональный комплекс, объединяющий павильон административной деятельности и общения с клиентами, сборочный завод и покрасочный цех. Большой акцент был сделан на восприятие природного окружения и использование экологически чистых методов производства. В результате получился комплекс современных зданий, которые существуют в гармонии друг с другом и с окружающей средой.

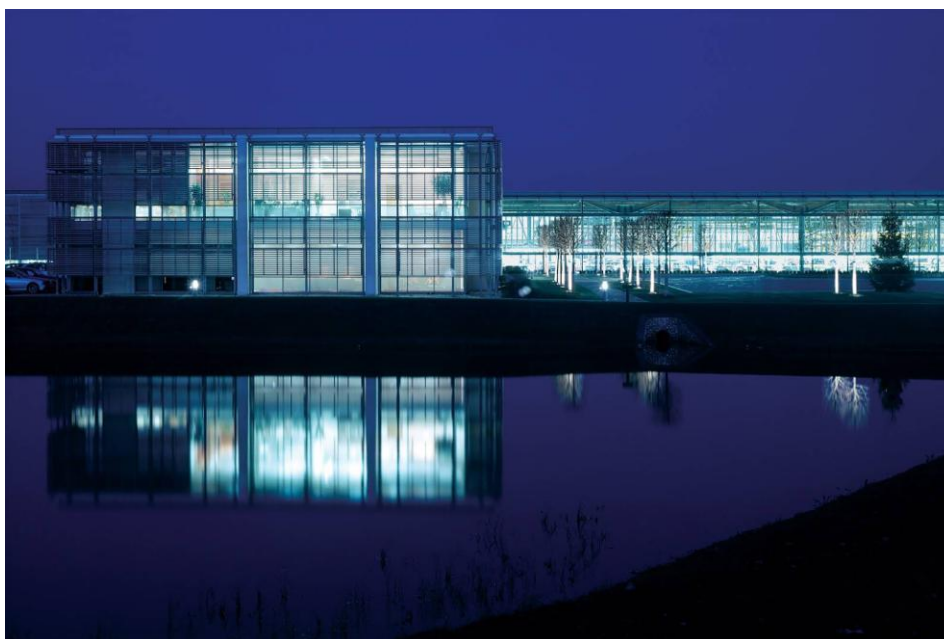

Рис. 6. Производство Ролс-Ройс в Суссексе, Н. Гримшоу. Источник фото: The future of industrial buildings by Nicholas Grimshaw // Journal of the Royal Society of Arts - Vol. 133 - №5341 (December 1984) – С. 47-602.

В целом современное архитектурное общество Великобритании оказывается в большей степени занято проблематикой существующего промышленного наследия, чем возобновлением новой производственной базы. При этом в работе архитектора большое внимание уделяется аналитической и исследовательской части, в первую очередь проводится доказательство экономической целесообразности проекта, предпочтение отдается экологичным и энергоэффективным предложениям. Просматривается попытка создания идеологической связи старой и новой архитектуры.

Будущее производственной сферы Великобритании в целом представляется связанным с отказом от крупномасштабной и тяжелой промышленности и переходом на промышленную деятельность меньшего масштаба. Такой переход подразумевает соответствующие изменения в архитектуре, начало которых мы уже можем наблюдать в отдельных проектах.

Литература

1. Edinburgh Technopole : Welcome to naturally inspiration settings [pdf]. – Режим доступа : <http://www.edinburghtechnopole.co.uk/> (дата обращения 10.02.2016)
2. Industrial Buildings. Conservation and Regeneration / ed. by M. Stratton. – NY : Taylor & Francis e-Library, 2005. – 266 p.
3. Herbert Girardet. Sustainable cities. A Contradiction in Terms? //Architectural Design – Vol 67 – № ½ January-February 1997 – С. 9-12
4. Lord Foster of Thames Bank. Green Questionnaire //Architectural Design – Vol 71 – № 4 July 2001 – С. 22
5. Nicholas Grimshaw. Rolls-Royce Manufacturing Plant and Headquarters. Chichester, West Sussex, UK 2003 // Architecture and Urbanism (A+U) – 2007:07 – №442 – С. 106-111.
6. The Company Town. Architecture and society in the early industrial age / ed. by J. S. Garner. – NY: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1992. – 245 p.
7. The future of industrial buildings by Nicholas Grimshaw // Journal of the Royal Society of Arts - Vol. 133 - №5341 (December 1984) – С. 47-602.
8. Trawsfynydd International Energy Communications Centre //Architectural Design – Vol 67 – № ½ January-February 1997 – С. 36
9. VEOLIA : UK, Leeds : Introducing the Facility [Электронный ресурс] // VEOLIA [сайт]. – Режим доступа : <http://www.veolia.co.uk/leeds/> (дата обращения 22.09.2015)

References

1. Edinburgh Technopole : Welcome to naturally inspiration settings [pdf]. – Режим доступа : <http://www.edinburghtechnopole.co.uk/> (дата обращения 10.02.2016)
2. Industrial Buildings. Conservation and Regeneration / ed. by M. Stratton. – NY : Taylor & Francis e-Library, 2005. – 266 p.
3. Herbert Girardet. Sustainable cities. A Contradiction in Terms? //Architectural Design – Vol 67 – № ½ January-February 1997 – С. 9-12
4. Lord Foster of Thames Bank. Green Questionnaire //Architectural Design – Vol 71 – № 4 July 2001 – С. 22
5. Nicholas Grimshaw. Rolls-Royce Manufacturing Plant and Headquarters. Chichester, West Sussex, UK 2003 // Architecture and Urbanism (A+U) – 2007:07 – №442 – С. 106-111.
6. The Company Town. Architecture and society in the early industrial age / ed. by J. S. Garner. – NY: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1992. – 245 p.
7. The future of industrial buildings by Nicholas Grimshaw // Journal of the Royal Society of Arts - Vol. 133 - №5341 (December 1984) – С. 47-602.
8. Trawsfynydd International Energy Communications Centre //Architectural Design – Vol 67 – № ½ January-February 1997 – С. 36
9. VEOLIA : UK, Leeds : Introducing the Facility [Электронный ресурс] // VEOLIA [сайт]. – Режим доступа : <http://www.veolia.co.uk/leeds/> (дата обращения 22.09.2015)

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.120

Семенова О.С.

ORCID: 0000-0002-2665-7284, кандидат технических наук, советник РААСН, Государственное унитарное предприятие Московской области «Научно-исследовательский институт комплексного проектирования».

АРХИТЕКТУРНЫЕ МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА УРБАНИЗИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация

Основной участник процесса урбанизации - человек, следовательно, процесс тесно связан как с архитектурой и градостроительством, так и социологией. Жизнь людей, в больших городах, эмоционально перенасыщена, горожанин испытывает постоянный стресс. Организация городского пространства может провоцировать социальные конфликты или может помочь их избежать. В статье приведен пример архитектурного предотвращения социального конфликта пешеходов и автомобилистов по средствам использования подземного пространства.

Ключевые слова: социология урбанизации, подземное пространство, комфорт городской среды.

Semenova O.S.

ORCID: 0000-0002-2665-7284, PhD in Engineering, adviser RAASN, State unitary enterprise of Moscow region
“Scientific research institute of integrated design”

ARCHITECTURAL METHODS TO PREVENT SOCIAL CONFLICTS ON THE URBANIZED TERRITORIES

Abstract

The main participant in the process of urbanization is a human, therefore the process is closely connected with architecture, town planning and sociology. The life of people in big cities is emotionally oversaturated and the citizen is under stress constantly. The organization of urban space can be cause of social conflicts or can help avoid them. There is an example of architecture preventing social conflict of pedestrians and motorists by using underground space in the article.

Keywords: urban sociology, underground space, comfort of the urban environment.

*Поколения сменяют поколения и у каждого
своя любимая городская среда.*

И. Г. Лежава

Первым социологом, сформировавшим теоретический и прикладной подход к осмыслению социологии пространства, был немецкий ученый Георг Зиммель (1858—1918). Уже в 1903 году Зиммель опубликовал статью «Социология пространства», где впервые обратил внимание на взаимосвязь социологических процессов и пространственной организации территории города.

По всей видимости, идеи, высказанные в статье, легли в основу труда «Большие города и духовная жизнь», изданного в том же 1903 году [1]. В данном труде автор утверждает, что сколько бы ни говорил Ницше о самой беспощадной борьбе между личностями, а социализм, наоборот, — о полном устранении всякой конкуренции как об условии полного развития индивидуума — во всем этом слышится один основной мотив: возмущение субъекта против нивелирования его и поглощения общественно-техническим механизмом. Таким образом, уже в начале прошлого века была сформулирована потребность в индивидуализме. Георг Зиммель утверждал, что глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремлений индивидуума охранить свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества. И если современное российское общество крупных городов с переходом от коммунальных к индивидуальным квартирам в своем жилище способно защитить свою самостоятельность и самобытность, то в переполненных людьми общественных пространствах житель большого города прямо испытывает насилие со стороны общества. Жизнь в большом городе заведомо эмоционально напряжена уже по причине ее интенсивной событийности, и давление толпы на индивида добавляет дискомфорт в повседневную жизнь, провоцируя конфликты.

В настоящей статье рассмотрим один из самых распространенных городских конфликтов – конфликт пешехода и водителя. Ритм большого города провоцирует «пиковые» нагрузки на все транспортные системы, что приводит к переуплотнению транспортного и пешеходного потока в одно время, и зачастую потоки пересекаются в одном месте.

Чрезмерное скопление людей классифицируется в психологии как стихийная толпа. Основными характеристиками толпы специалисты называют бессознательность, инстинктивность, импульсивность. Людская толпа живет исключительно чувством, логика ей не свойственна. Густав Либон в своей книге «Психология масс» выделяет вид *разнородной анонимной* толпы, под который попадает скопление пешеходов на улицах больших городов в «час пик». Либон констатирует тот факт, что в данном виде толпы чувство ответственности не существует [4]. Таким образом, с точки зрения психологии толпы, скопление случайных людей в одном месте - это самая примитивная и не предсказуемая в своих действиях форма толпы. Тут важно отметить, что сознательность, образованность, воспитанность и другие положительные качества индивида не проявляются в толпе, толпа живет по своим законам и действует инстинктивно.

А теперь представим: крупный город, утренний «час пик», интенсивные пешеходные и транспортные потоки, автомашина не успела проехать перекресток из-за дорожного затора и остановилась на пешеходном переходе. Толпа, стоявшая в ожидании разрешающего сигнала светофора, движется прямо на этот автомобиль... Понимая законы поведения толпы такого рода, в дальнейшем можно ожидать конфликта любой степени агрессивности с любыми дикими, или, как психологи говорят, – инстинктивными проявлениями. Такими примерами изобилует повседневная жизнь жителя крупного города в России. И если толпа перевернет эту машину? А если машин будет несколько? Страшно представить, чем все может закончиться.

Столкновение автомобилей и пешеходов, вынужденных бороться за пространство в стесненной городской среде, провоцирует конфликтные ситуации и в случае системного регулярного повторения приводит к психологическому

дискомфору как водителей, так и пешеходов. Житель мегаполиса, перемещаясь по городу, подвергается серьёзному стрессу не зависимо от вида транспорта.

В то же время, жизнь в городе не возможна без перемещения из одной части города в другую. Французский историк, антрополог, культуролог, социальный философ Мишель де Серто исследовал обычную жизнь горожан. В 1980 году Серто опубликовал книгу «Практика повседневной жизни», в которой он сформулировал теорию повседневности. Автор подчеркивает важное значение перемещений. Горожанин вынужден постоянно путешествовать, его повседневная жизнь может быть описана именно как рассказ о путешествиях. Пешеходным перемещениям Серто посвятил отдельную главу «Прогулки по городу», в ней он описывает различные мотивации, приводящие к вариативности пешеходных перемещений, и выявляет их значимость [2]. Многие из ученых, изучающих город и его людей, отмечали важность пешеходного перемещения, говоря, в частности, что движения пешеходов образуют одну из тех «реальных систем» [3], из которых и складывается город. О значении перемещений в социальной жизни города написано очень много.

Из вышесказанного можно констатировать, что как автомобильное, так и пешеходное перемещение по городу важно и для людей, и для города как системы, то есть невозможно выделить приоритеты, обе системы должны существовать и развиваться. Уже в конце прошлого века Мишель де Серто подчеркивает стремления выявить и преодолеть противоречия, связанные с концентрацией городского населения.

Пешеходов и автомобилистов можно условно отнести к разным социальным группам. И если при развитии городского пространства не предоставить комфортные и безопасные условия для перемещений, то социальные конфликты неизбежны. Следовательно, необходимо определить архитектурные методы предотвращения конфликтов и механизмы согласования интересов двух социальных групп.

В условиях дефицита территории современного мегаполиса, с учетом сложившейся застройки и концентрации городского населения, последние десятилетия градостроительная и архитектурная практика, с целью изолирования транспортных и пешеходных потоков, вынуждена использовать надземное и подземное пространство. Повсеместно в городах строятся тоннели и эстакады, подземные и надземные пешеходные переходы. [5]. Как правило, объекты транспорта функциональны, практичны, технологичны, но малокомфортны и непривлекательны. В зарубежной практике встречаются подземные объекты достаточно просторные и комфортные. Например, в Сингапуре пешеходные переходы у станций метрополитена имеют развитую инфраструктуру попутного обслуживания, среди которой встречаются даже картинные галереи. В Российской практике роль подземного пространства в формировании комфортной городской среды недооценена.

Ниже приведена рекомендация по решению социальных проблем путем формирования многофункционального подземного пространства, соединяющего здания и строения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Если город рассматривать как континуум отношений различного характера и уровня, как жизненную среду обитания различных групп населения, то становится очевидным необходимость приспособления различных частей общественного пространства под потребности группы горожан, у которой эта территория более востребована.

Территория МГУ развивается с обеих сторон магистральной улицы городского значения Ломоносовского проспекта, 10 полос движения проезжей части формируются основными и дублирующими проездами, разделенными зелеными насаждениями. Студентам, для перемещения из корпуса в корпус, требуется пересечь дорогу общей шириной не менее 50 метров. С целью повышения безопасности студентов и обеспечения беспрепятственного передвижения автотранспорта достаточно организовать внеуличные пешеходные переходы. Однако многофункциональное подземное пространство может обеспечить комфортную связь станции метрополитена, библиотеки и многих учебных корпусов, как представлено на рисунке 1. Проект организации подземного пространства в районе метро Университет расположен между улицей Менделеевская и проспектом Вернадского, под Ломоносовским проспектом.

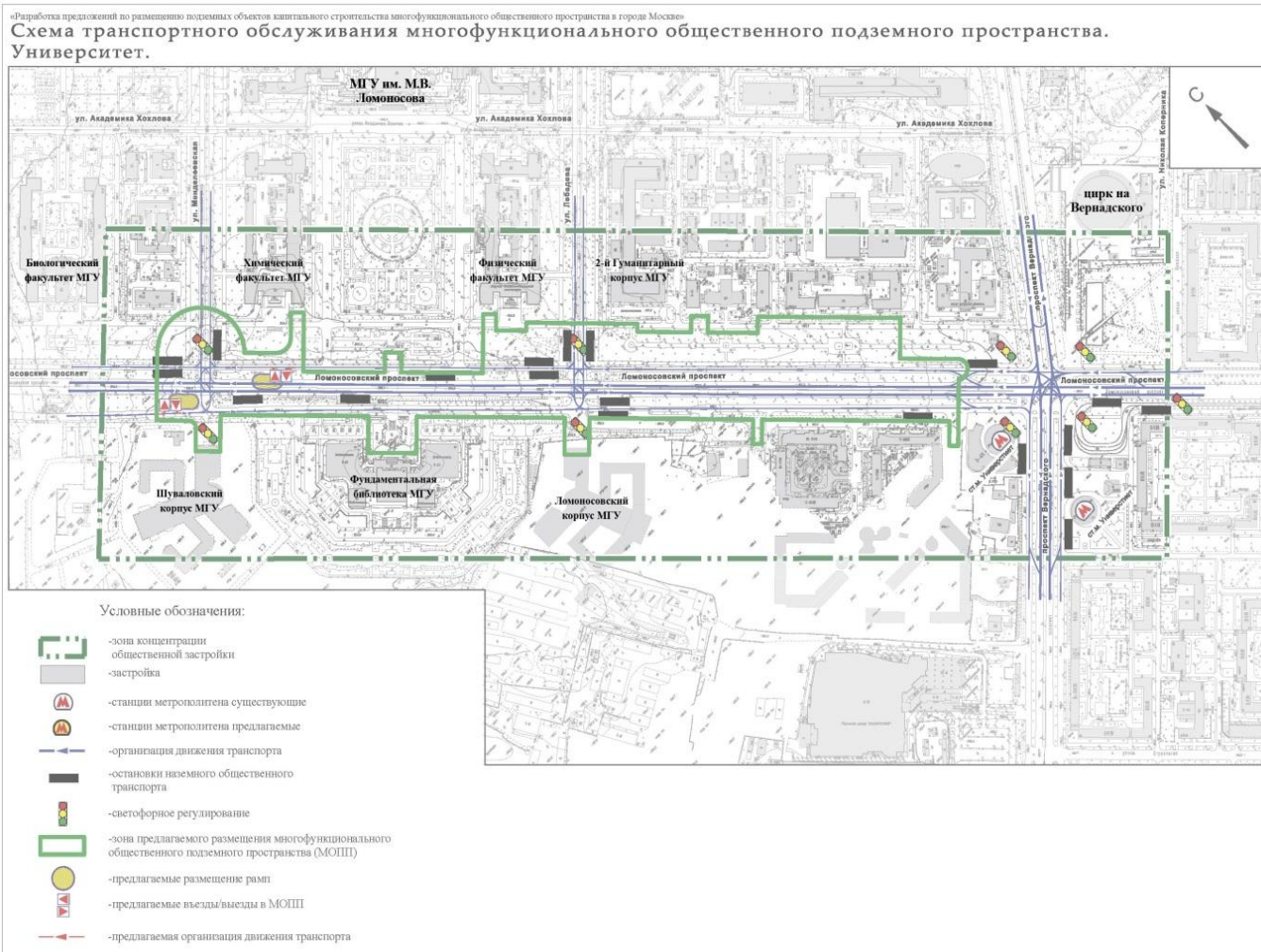

Рис. 1 – Граница размещения объектов студенческого подземного пространства «Университет»

Подобный комплекс не просто обеспечит изолирование пешеходных и автомобильных потоков, но качественно изменит среду, ее территориальный и пространственный аспекты.

Архитектурно - планировочное решение предусматривает создание многофункционального объема, позволяющего в комфортной среде разместить торговые площади, предприятия общественного питания, пешеходные и рекреационные зоны. Представленная концепция позволит связать вестибюль станции метро Университет и корпуса МГУ, расположенные с обеих сторон Ломоносовского проспекта. Сложнокомпозиционный план, представленный на рисунке 2, продиктован оптимальными планировочными решениями и обеспечивает наиболее рациональное использование площадей.

Комплекс включает в себя два этажа. На первом уровне предусмотрены следующие зоны: общественного питания, торгового назначения, техническая, пешеходная, зона активного отдыха.

Рис. 2 – План первого этажа студенческого подземного пространства «Университет»

На втором достаточно пространства для организации зон: общественного питания, пешеходных, технических, спортивно-рекреационных (включает каток, роллердром, прокат велосипедов и выделенные зоны для движения на велосипедах, а также скалодром), паркинга.

Использование подземного пространства решает комплекс задач. Конфликт территориальных и коммуникационных аспектов городской жизни можно предотвратить путем организации специализированных технологических помещений. Типичный для большого города дефицит парковочных мест частично компенсируется подземным паркингом общей вместимостью 1295 м/мест.

Таблица 1 – Основные технико-экономические показатели

Наименование	Площадь, м ²
Магазины	8 317
Пешеходные зоны	120 188
Зона общественного питания	6 031
Рекреационно-спортивная зона	37 892
Паркинг	12 867
Общая площадь	260 086

Для маломобильных групп населения предусмотрены лифты и пандусы, в пределах одного уровня отсутствуют перепады высот для обеспечения безбарьерной среды.

Для обеспечения комфортного передвижения по комплексу предусмотрены траволаторы (рисунок 3).

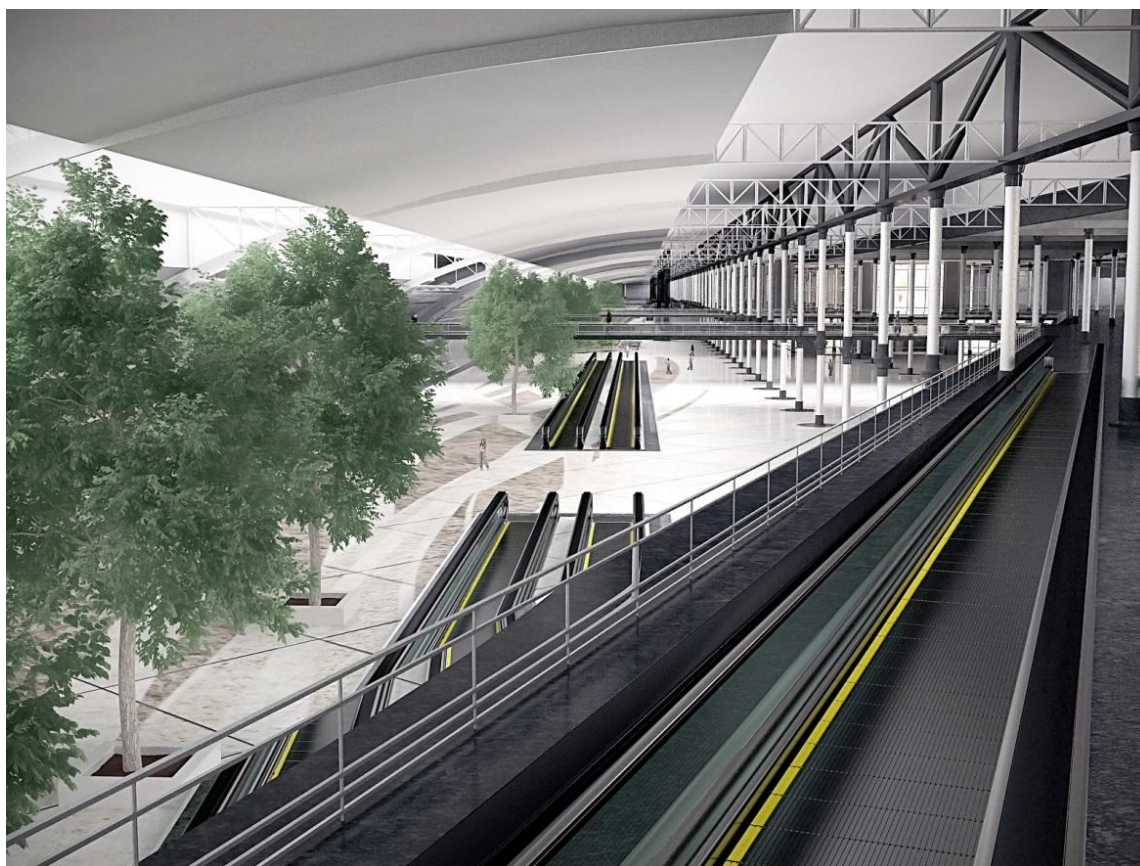

Рис.3 – Внутренняя организация студенческого подземного пространства «Университет»

Ориентировочная визуализация наглядно демонстрирует комфорт и простор в подземном объекте. В данной визуализации использованы реальные материалы и конструкции. В качестве несущих конструкций предусмотрен монолитный железобетонный каркас. Напольное покрытие выполнено из плит керамогранита. В отделке предлагается архитектурный бетон, закаленное стекло и нержавеющая сталь.

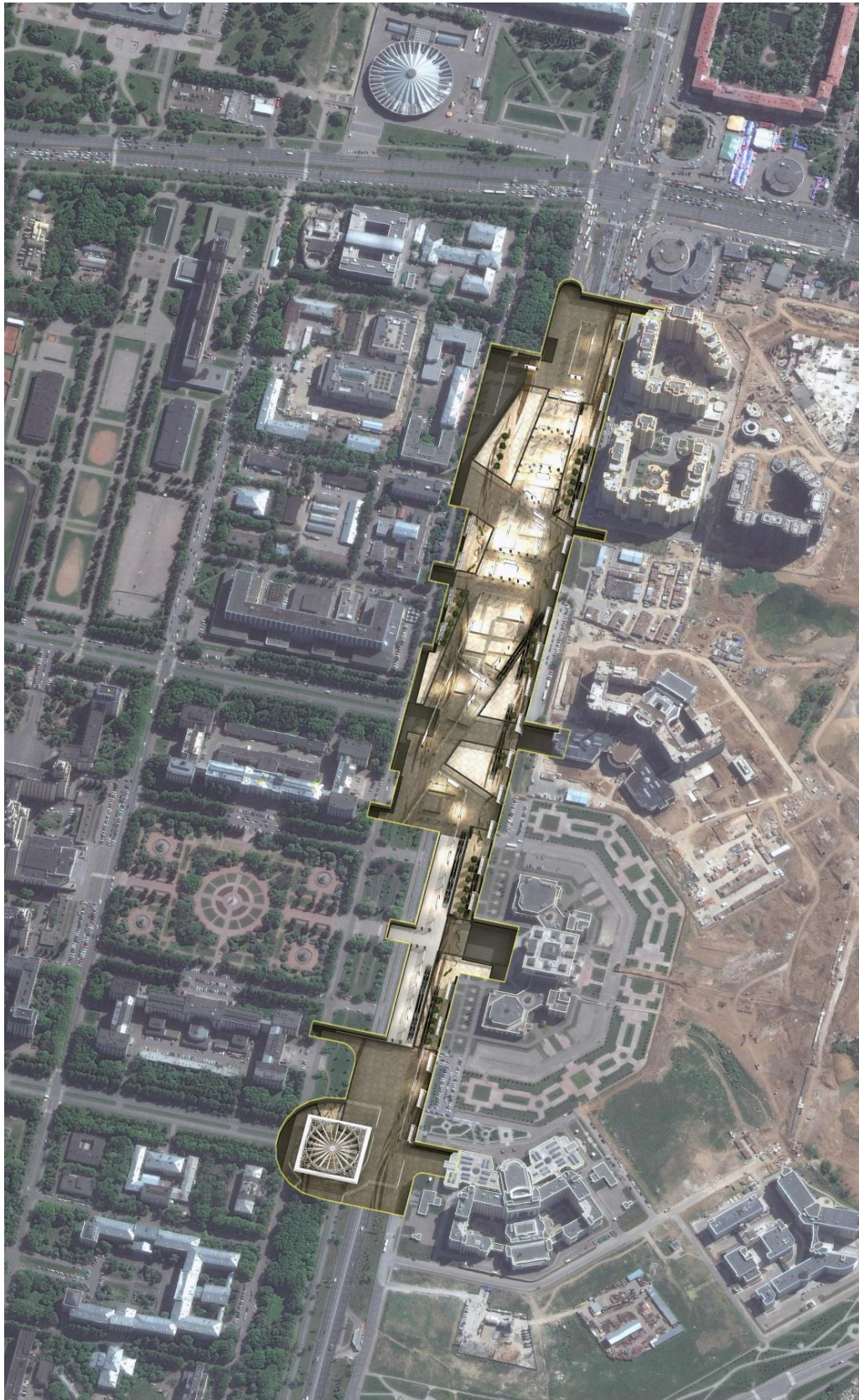

Рис.4 – Визуализация гармоничного встраивания объекта в сложившуюся среду.

Комплекс служит связующим звеном между вестибюлем станции метро Университет, корпусами МГУ, расположенными на основной территории, и новыми корпусами МГУ, расположенными на противоположной стороне Ломоносовского проспекта. Это позволит пешеходам беспрепятственно перемещаться между ними, центр имеет выходы на поверхность в обоих направлениях улиц.

Въезд и выезд личного автотранспорта на территорию подземной парковки осуществляется с дублера Ломоносовского проспекта с помощью двухпутных криволинейных рамп.

Вход пассажиров на станцию метро Университет осуществляется через -1й уровень комплекса.

Обширная территория на двух этажах создает предпосылки для обустройства удобных пространств для организации досуга студентов и преподавателей. Культурные, спортивные и другие сопутствующие обучению мероприятия возможно организовать в независимых от погоды условиях. Основной же функцией объекта остается

предотвращение ежедневного социального конфликта между автомобилистами, проезжающими по Ломоносовскому проспекту, и пешеходами, преимущественно студентами, переходящими дорогу несколько раз в день в процессе обучения. В подобных условиях может быть создан студенческий центр городского значения. Уникальный объект поднимет имидж города и повысит комфорт городской среды.

Литература

1. Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М. - 1996. - Т. 2.
2. L'Invention du Quotidien // Arts de Faire. Union generale d'editions - 1980 (переизд. 1990, 1998, 2001, 2004, 2007, 2008, 2010, 2012). Vol. 1.
3. Ch. Alexander. La Cite semi-treillis, mais non arbre // Architecture, Mouvement, Continuité - 1967.
4. Le Bon G. Psychologie der Massen // 15. Aufl. — Stuttgart: Kröner, 1982.
5. Семенова О.С., Коломасова С.А., Овчинников С.В. Типология подземных объектов транспортной инфраструктуры в контексте мирового опыта освоения подземного пространства // Наука и образование в современном обществе: вектор развития, АР-Консалт, Москва 2014. – 2014 – С. 136-139.

References

1. Zimmel' G. Sociologija prostranstva // Zimmel' G. Izbrannoe: v 2 t. M. - 1996. - T. 2.
2. L'Invention du Quotidien // Arts de Faire. Union generale d'editions - 1980 (переизд. 1990, 1998, 2001, 2004, 2007, 2008, 2010, 2012). Vol. 1.
3. Ch. Alexander. La Cite semi-treillis, mais non arbre // Architecture, Mouvement, Continuité - 1967.
4. Le Bon G. Psychologie der Massen // 15. Aufl. — Stuttgart: Kröner, 1982.
5. Semenova O.S., Kolomasova S.A., Ovchinnikov S.V. Tipologija podzemnyh ob#ektov transportnoj infrastruktury v kontekste mirovogo opyta osvoenija podzemnogo prostranstva // Nauka i obrazovanie v sovremennom obshhestve: vektor razvitiya, AR-Konsalt, Moskva 2014. – 2014 – P. 136-139.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.203

Хворова Н.М.

Бакалавр архитектуры, Российский университет дружбы народов

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Аннотация

В статье обозначены основные принципы экологического дизайна в архитектурном проектировании, которые непосредственно связаны с понятием устойчивости в искусственной среде. Вкратце рассматриваются некоторые аспекты проектирования, которым уделяется большое внимание в «зеленом дизайне». Обращается внимание на некоторые альтернативные источники энергии и их способы применения в экологическом дизайне и «зеленом» проектировании. Предлагаются наиболее эффективные системы, отвечающие требованиям экологического проектирования.

Ключевые слова: экологический дизайн, «зеленый дизайн», устойчивость, эффективность, возобновляемые ресурсы.

Khvorova N.M.

Bachelor of architecture, Peoples' Friendship University of Russia

FUNDAMENTAL CONCEPTS OF ECOLOGICAL DESIGN IN ARCHITETURAL PLANNING

Abstract

The article deals with fundamental principles of ecological design in architectural planning which are directly related to the concept of sustainability in the built environment. The author briefly touches on the aspects of planning which are paid great attention to in “green design”. The author draws attention to some alternative energy sources and their methods of application in ecological design and green planning. The writer proposes the efficient systems to meet the requirements of ecological design.

Keywords: ecological design, “green design”, sustainability, efficiency, renewable resources.

Экологический дизайн – это одна из самых часто затрагиваемых тем в различных областях науки, имеющих то или иное отношение к созданию искусственной среды. Значение «зеленого дизайна» увеличивается день ото дня, так как мировое население увеличивается, а количество природных ресурсов уменьшается [1, 2]. Парадокс нашего времени – повышение уровня жизни людей при уменьшении потребления природных ресурсов.

В области архитектуры и строительства понятие экологического дизайна определено Скоттом в 1999 году как «создание и ответственное управление здоровой искусственной средой, основанной на эффективном использовании ресурсов и на экологических принципах» [3].

Проектирование «зеленых» зданий – это не конкретный метод, а объединение множества методик, определенный выбор материалов и технологий, которые при надлежащем интегрировании в проект способны повысить уровень проектируемого объекта с точки зрения его экологичности. Подобное проектирование оптимизирует использование энергии, ограничивает потребление воды и позволяет максимально использовать переработанные материалы.

Основные принципы, которые лежат в основе экологического дизайна в архитектурном проектировании и строительной промышленности, следующие:

1. экономия существующих материальных ресурсов;
2. повышение энергоэффективности зданий;
4. меры по уменьшению тепловых потерь;
5. необходимость в использовании более эффективных установок и оборудования;

10. обеспечение иерархии помещений, требующих различного температурного режима и соответствующей каждому помещению ориентации относительно стран света;

11. необходимость в использовании возобновляемых источников энергии (солнечная, геотермальная энергия);

12. обеспечение оптимизации естественной вентиляции [4].

Принципы экологического дизайна могут быть применены как к отдельным домам, так и к районам и технопаркам [5]. Их можно использовать с целью улучшения существующих городских и загородных районов, а также в проектировании новых. Улучшение уже существующих районов необходимо начинать с рассмотрения таких проблем, как охрана окружающей среды, неэффективность использования материалов, загрязнение окружающей среды.

Люди не могут существовать без использования природных ресурсов в качестве источников еды, материалов, промышленных продуктов и энергии. Основная цель экологического дизайна состоит в том, чтобы поддерживать экологическую устойчивость, применяя способы производить товары, строить здания, проектировать крупные системы, такие как бизнес-парки и технопарки, уменьшая потребление природных ресурсов и избегая нанесения ущерба экологии [6].

Также в экологическом дизайне особое внимание уделяется проектированию освещения, вентиляции, отопления. Продуманный дизайн и контроль управления освещением могут снизить потребление энергии и позволить в преобладающей мере использовать естественное освещение. Важно обеспечить максимальное проникновение дневного света в здание при минимальном притоке тепла, таким образом уменьшая нагрузку на искусственное освещение. Эффективность может увеличиться с помощью использования автоматических средств управления, таких как таймеры и датчики движения в нечасто используемых помещениях [1,7].

Грамотная теплоизоляция перекрытий и стен уменьшила бы перегревание и переохлаждение конструкций зданий, вследствие чего сократились бы и эксплуатационные затраты [1].

Огромное значение в «зеленом» проектировании имеет солнечная энергия. Системы отопления, работающие на энергии солнца, можно устанавливать во всех типах зданий. Значительно сократить расходы на отопление, как в жилых, так и в коммерческих зданиях позволяет предварительный нагрев воздуха подобной системой. Использование солнечной системы отопления особенно эффективно в больших зданиях таких, как больницы, школы, ангары, спортивные залы, а также многоэтажные жилые дома. Подавляющее большинство солнечных систем отопления требуют установки, так называемых, солнечных стен. Такое оборудование может быть установлено как на новых, так и на существующих зданиях. Солнечные стены требуют минимального обслуживания, не имеют в конструкции наличия жидкостей и съемных частей. Кроме того солнечные системы могут работать в пасмурную погоду и в ночное время, но при этих условиях их эффективность значительно снижается.

В «зеленом» проектировании также эффективно используется геотермальная энергия. Ее используют в системах кондиционирования воздуха, отопления и в системах, преобразующих геотермальную энергию в электричество. Установка геотермальной системы требует крупных инвестиций, но позволяет получить неисчерпаемый источник энергии, который обеспечит от 60 до 70% энергии необходимой на отопление здания. Геотермальная энергия непрерывно поступает из источника, на который не оказывают влияние атмосферные условия. Сложность извлечения этой энергии зависит от структуры геологических образований и состава горных пород.

Что касается строительных материалов и мебели, то они могут быть подобраны так, чтобы их можно было изготовить (с точки зрения потребления энергии и материалов) из возобновляемых ресурсов с длительным сроком службы и с возможностью повторного использования или переработки. Важно, чтобы при использовании данной мебели и материалов внутри помещения они бы не выделяли вредные вещества [5]. Строительные материалы должны обеспечивать продолжительный жизненный цикл зданий, при этом сокращая неблагоприятные воздействия на окружающую среду. Эффективность строительных материалов должна оцениваться с точки зрения энергии, расходуемой в процессе их добычи, производства и транспортировки.

Особенно распространен прием использования растений в экологическом дизайне. Существует универсальная система использования растений во внутренних помещениях на различных поверхностях. Система состоит из полипропиленовых водонепроницаемых поддонов, которые могут быть любого размера. У этой системы есть желобок и углубление вдоль всей задней поверхности. Независимая ирригационная система компьютеризирована, имеет дистанционное управление и снабжается стандартными баками рециркуляции. Баки рециркуляции располагаются под системой или, они могут наполняться как автоматически, так и вручную [8,3,9].

Как правило, использование в проектировании принципов экологического дизайна ведет к дополнительным затратам. С этой точки зрения «зеленое» проектирование неизбежно становится дороже, чем менее экологически эффективное решение, поскольку оно подразумевает использование высококачественных материалов и более сложных технологий. Но на практике при первоначальных затратах в будущем можно получить значительную выгоду от использования в проектировании разработанных на основе принципов экологического дизайна методик.

Экологический дизайн может быть определен как любая форма дизайна, которая минимизирует разрушительные воздействия на экологию, имитируя или объединяясь с природными экосистемами [10].

Экологический дизайн - важное понятие в быстро меняющемся и развивающемся мире. В искусственной среде, созданной на основе принципов «зеленого дизайна», внутренние пространства имеют большое значение, поскольку это главные места пребывания людей.

Литература

1. Aktas, G., “Sustainable Approaches in Shopping Center Public Interiors: Lighting and Finishing Materials” 2nd International Conference on Urban Sustainability and Cultural Sustainability, Green Development, Green Structures and Clean Cars, (USCUDAR, 11), 2011, pp: 1832-187.

2. Aktas, G., “Social and Cultural Changes that Prepare contemporary Shopping Centers in Turkey” 2nd International Conference on Art and Culture (ICAC’11), 2011, pp 28-32.

3. Scott, F.A. "Ecological Design handbook: Sustainable Strategies for Architecture, Landscape Architecture, Interior Design, and Planning" Donnelley & Sons Co., New York, N.Y., 1999.
4. Fan Shu-Yang, F., Freedman, B. and Cote, R. "Principles and Practice of Ecological Design" Environmental Review, 2004, Vol: 12 p: 97–112.
5. Gissen, David, Big and Green Towards Sustainable Architecture in the 21st Century, Princeton Architectural Press, 2003.
6. Yang F., Freedman B., Cote R., "Principles and Practice of Ecological Design" Environmental Review, 12, 2004, pp: 97–112.
7. Aktas, G, "Ecological and Green Design Significances in Interior Spaces" 7th WSEAS Conference on Energy and Environment (EE'12), 2012. pp 244-249.
8. Ozkaynak, G., Ust, S. "Sustainable Design Solutions to Humanitarian Crises" International sustainable Building Symposium, 2010, 270-275.
9. Todd, J., Brown, E., and Wells, E. "Ecological design Applied" Ecological Engineering, 2003, Vol: 20 p: 421-440.
10. Ferreira, A, Mendes, S. "The Relation Between the Traditional Construction and the Sustainable Development" The 21st Conference on Passive and Low Energy Architecture. Eindhoven, The Netherlands, 2004, 9 – 22.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.063

Хрусталеv Д.А.

ORCID: 0000-0002-0515-0927, кандидат архитектуры, Московский архитектурный институт
**РЕЗЕРВИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИНЖЕНЕРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ С ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

Аннотация

В статье описываются проблемы проектировщиков при неполном техническом задании на службы инженерного обеспечения научно-производственных зданий. Непредсказуемость процессов для инновационной деятельности может привести к избыточным затратам на этапе строительства. Описываются этапы функционирования здания при частичной и полной загрузке. Акцентируется внимание на коммуникациях безболезненно трансформируемых и тех, которые сложны в модификации. Приводятся приемы и способы решения проблем – резервирование пространств для будущих коммуникаций.

Ключевые слова: научно-производственные здания, аренда, инженерное обеспечение.

Khrustalev D.A.

ORCID: 0000-0002-0515-0927, PhD in Architecture, Associate Professor of Industrial Buildings Architecture Department, Moscow Architectural Institute

**SPACE RESERVATION FOR ENGINEERING SYSTEMS FLEXIBILITY
IN RESEARCH-AND-DEVELOPMENT BUILDINGS**

Abstract

The issue represents architectural designing problems of Research & Development buildings in case of lack of comprehensive engineering task. Unpredictability of processes can lead to excessive engineering facilities, which means overspend. The buildings operating studied: fully and partially filled by clients, to let and to sell working spaces. Both hard and easy-to-transform communications described. Methods and tricks are shown to solve design problems by different type of a space reservation.

Keywords: space, reservation, engineering, flexibility, research & development.

Технически вооруженные здания требуют значительных капитальных затрат, особенно на этапе строительства. Нередки случаи, когда инженерные системы превосходят конструктивную часть здания по затратам и трудоемкости создания. Инженерные системы чрезвычайно развиты в зданиях, предназначенных для ведения научно-производственной деятельности. Особенность этого типа зданий в том, что непредсказуемость творческих процессов может значительно расширить состав и мощности систем инженерного обеспечения, требуемые не только в настоящий момент, но и в перспективе.

В случае строительства здания под конкретного пользователя состав инженерного обеспечения определяется заранее, и системы проектируются по конкретному техническому заданию. Такая схема проектирования традиционна. Сложности возникают при неопределенном пользователе, а также – при частом изменении рабочего процесса, связанного с меняющейся технологией, объектом и режимом исследований. Именно тут заметны одновременные разнонаправленные тенденции: сэкономить на оборудовании и создать пространственную возможность быстрого развертывания деятельности для клиента.

На начальных этапах создания и ввода в эксплуатацию научно-производственных зданий с неопределенным пользователем (например, при использовании на условиях аренды) можно выделить следующие этапы функционирования здания:

- этап 1) ввод в работу "пустующего" здания;
- этап 2) поддерживающая эксплуатация "пустующего здания", ожидающего пользователей;
- этап 3) функционирование здания, частично занятого, но имеющего свободные рабочие площади;
- этап 4) работа здания с полной занятостью площадей.

В зданиях с традиционной схемой создания после ввода в эксплуатацию сразу наступает этап 4. Но, как показывает практика, сегодня многие НИИ и КБ, оставшиеся со времен СССР, частично пусты, и есть вероятность смены этапа 4 на этап 3 или даже 2.

В таких случаях обеспечение, необходимое для работы во время этапа 4 (т.н. «затратное»), на других этапах работы не требуется. Создавать запас оборудования в современных условиях рынка неэффективно.

Поэтому для обеспечения возможностей установки оборудования необходимы резервы площадей. Это затратная часть здания, но без нее нельзя осуществить этапы 3 и 4!

Наиболее безболезненны резервы/затраты на развитие сетей связи, диспетчеризации и систем автоматики. Проводка пластична и занимает короба малого сечения.

Каналы систем водопровода и канализации также незначительны в плане, однако их особенность в том, что они проходят стояком и поддаются изгибу с определенными уклонами. В местах изгибов требуется ревизионный доступ. В конструктивном отношении создание отверстий до 150 мм в диаметре несущественно влияет на конструкции перекрытий или стен. Помимо того, облегчает задачу группировка систем водопровода и водоотведения в вертикальных шахтах, как правило, размещенных кучно или выделенных в специальную зону в здании.

Сходны сложности по системам отопления. В структуре здания каналы мало влияют на планировочное решение – их можно изогнуть, нарастить или сократить, при необходимости. Однако, т.к. для создания требуемой среды в здании необходимы отопительные приборы значительного количества и размеров, их размещение требует учета возможной расстановки рабочего оборудования.

Трубопроводы вентиляции и кондиционирования занимают наибольшие размеры в плане, имеют крупные сечения, но могут менять конфигурацию, что очень удобно. Существенна возможность пластичного горизонтального смещения вентиляционных каналов. В ряде случаев допустима их группировка, а это компактно укладывается в коммуникационные шахты и ниши. Установка дополнительных приборов на кровле здания может позволить запустить в рабочих зонах новые процессы, технология которых требует особой среды.

Лидером по неудобству для резервирования пространств является энергетическая служба. Как и службы отопления, электрические мощности имеют значительные помещения (трансформаторные, генераторные и проч.). Аналогично производится и их разводка к потребителю-пользователю. Проблема заключается в мощности, необходимой пользователю сегодня и в будущем, т.к. инновационному научно-производственному процессу свойственны разнообразие режимов работы, сложность приборов и оборудования, частая смена объектов изучения. Техника потребляет большое количество энергии, и при начальных этапах функционирования объекта сложно предугадать потребное количество трансформаторов, их размеры и степень загруженности. А трансформаторы очень тяжелы и объемны. Их сложно ставить ниже уровня земли или выше первого этажа здания. Отдельная проблема заключается в требованиях к бесперебойному электроснабжению ряда цепей.

Задачу можно решить, создав резерв на первом этаже, в зоне трансформаторной. Отдельное пустое помещение с независимым подъездом, с возможностью пропуска проводки к нишам и шахтам... Но чрезвычайно востребованный первый этаж здания обычно избыточно загружен и без такого резерва! Расточительно тратить и малую часть первого этажа здания на то, что может пригодиться в неопределенном будущем. Приемлемым выходом, как показывает практика, является отдельно установленная трансформаторная или заблаговременно предусмотренный на участке землеотвода резерв для сооружения ТП. При переходе на более высокий этап функционирования здания наблюдается значительный рост в потребностях клиентов в электрических мощностях. Отдельно стоящая ТП, работающая параллельно с размещенной внутри здания, может существенно повлиять на качество услуг, предоставляемых пользователям.

В среднем, если не рассматривать узкоспециализированные здания, резервные пространства для развития систем инженерного обеспечения поэтажно занимают от 2 до 5% площадей. В подземной части здания для инженерных задач могут быть предусмотрены значительные пространства. Привлекательны возможности современных модульных установок в крышном исполнении. Они позволяют заполнять покрытие здания без выделения помещений в рабочей зоне.

И в заключение следует отметить, что ничто не сможет заменить профессиональное мастерство проектировщика, когда он, используя различные планировочные возможности и приемы, создает эффективное и комфортное рабочее пространство для творческого труда и создания инноваций.

Литература

1. Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А., Хрусталева Д.А. Инновационные научно-производственные комплексы. Учебное пособие. LAP Lambert Academic Publishing. – Saarbrücken, Германия, 2014.
2. Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А., Хрусталева Д.А. Инновационный технологический парк. Учебное пособие. М.: Изд. «Архитектура С». 2015.

References

1. Dianova-Kloкова I.V., Metan'ev D.A., Hrustalev D.A. Innovacionnye nauchno-proizvodstvennye komplekсы. Uchebnoe posobie. LAP Lambert Academic Publishing. – Saarbrücken, Germanija, 2014.
2. Dianova-Kloкова I.V., Metan'ev D.A., Hrustalev D.A. Innovacionnyj tehnologicheskij park. Uchebnoe posobie. M.: Izd. «Arhitektura S». 2015.